

ЯЗЫК В ДЕЙСТВИИ

Руководство к
ЯСНОМУ МЫШЛЕНИЮ,
ЧТЕНИЮ И ПИСЬМУ

Сэмюэл И. Хаякава

ПЕРЕВОД ИЗДАНИЯ 1947 ГОДА

Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0 United States (CC BY-NC-ND 3.0)

This is a human-readable summary of the [Legal Code \(the full license\)](#).

[Disclaimer](#)

You are free:

to Share — to copy, distribute and transmit the work

Under the following conditions:

Attribution — You must attribute the work in the manner specified by the author or licensor (but not in any way that suggests that they endorse you or your use of the work).

Noncommercial — You may not use this work for commercial purposes.

No Derivative Works — You may not alter, transform, or build upon this work.

With the understanding that:

Waiver — Any of the above conditions can be **waived** if you get permission from the copyright holder.

Public Domain — Where the work or any of its elements is in the **public domain** under applicable law, that status is in no way affected by the license.

Other Rights — In no way are any of the following rights affected by the license:

- Your fair dealing or **fair use** rights, or other applicable copyright exceptions and limitations;
- The author's **moral** rights;
- Rights other persons may have either in the work itself or in how the work is used, such as **publicity** or privacy rights.

Notice — For any reuse or distribution, you must make clear to others the license terms of this work. The best way to do this is with a link to this web page.

Use this license for your own work.

This page is available in the following languages:

Castellano Castellano (España) Català Dansk Deutsch English Esperanto français hrvatski Italiano Nederlands Norsk polski Português Português (BR) Suomi svenska Ελληνικά Русский українська 華語 (台灣) 한국어

Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0 United States

CREATIVE COMMONS CORPORATION IS NOT A LAW FIRM AND DOES NOT PROVIDE LEGAL SERVICES. DISTRIBUTION OF THIS LICENSE DOES NOT CREATE AN ATTORNEY-CLIENT RELATIONSHIP. CREATIVE COMMONS PROVIDES THIS INFORMATION ON AN "AS-IS" BASIS. CREATIVE COMMONS MAKES NO WARRANTIES REGARDING THE INFORMATION PROVIDED, AND DISCLAIMS LIABILITY FOR DAMAGES RESULTING FROM ITS USE.

License

THE WORK (AS DEFINED BELOW) IS PROVIDED UNDER THE TERMS OF THIS CREATIVE COMMONS PUBLIC LICENSE ("CCPL" OR "LICENSE"). THE WORK IS PROTECTED BY COPYRIGHT AND/OR OTHER APPLICABLE LAW. ANY USE OF THE WORK OTHER THAN AS AUTHORIZED UNDER THIS LICENSE OR COPYRIGHT LAW IS PROHIBITED.

BY EXERCISING ANY RIGHTS TO THE WORK PROVIDED HERE, YOU ACCEPT AND AGREE TO BE BOUND BY THE TERMS OF THIS LICENSE. TO THE EXTENT THIS LICENSE MAY BE CONSIDERED TO BE A CONTRACT, THE LICENSOR GRANTS YOU THE RIGHTS CONTAINED HERE IN CONSIDERATION OF YOUR ACCEPTANCE OF SUCH TERMS AND CONDITIONS.

1. Definitions

- a. **"Collective Work"** means a work, such as a periodical issue, anthology or encyclopedia, in which the Work in its entirety in unmodified form, along with one or more other contributions, constituting separate and independent works in themselves, are assembled into a collective whole. A work that constitutes a Collective Work will not be considered a Derivative Work (as defined below) for the purposes of this License.
- b. **"Derivative Work"** means a work based upon the Work or upon the Work and other pre-existing works, such as a translation, musical arrangement, dramatization, fictionalization, motion picture version, sound recording, art reproduction, abridgment, condensation, or any other form in which the Work may be recast, transformed, or adapted, except that a work that constitutes a Collective Work will not be considered a Derivative Work for the purpose of this License. For the avoidance of doubt, where the Work is a musical composition or sound recording, the synchronization of the Work in timed-relation with a moving image ("synching") will be considered a Derivative Work for the purpose of this License.
- c. **"Licensor"** means the individual, individuals, entity or entities that offers the Work under the terms of this License.
- d. **"Original Author"** means the individual, individuals, entity or entities who created the Work.
- e. **"Work"** means the copyrightable work of authorship offered under the terms of this License.
- f. **"You"** means an individual or entity exercising rights under this License who has not previously violated the terms of this License with respect to the Work, or who has received express permission from the Licensor to exercise rights under this License despite a previous violation.

2. Fair Use Rights. Nothing in this license is intended to reduce, limit, or restrict any rights arising from fair use, first sale or other limitations on the exclusive rights of the copyright owner under copyright law or other applicable laws.

3. License Grant. Subject to the terms and conditions of this License, Licensor hereby grants You a worldwide, royalty-free, non-exclusive, perpetual (for the duration of the applicable copyright) license to exercise the rights in the Work as stated below:

- a. to reproduce the Work, to incorporate the Work into one or more Collective Works, and to reproduce the Work as incorporated in the Collective Works; and,
- b. to distribute copies or phonorecords of, display publicly, perform publicly, and perform publicly by means of a digital audio transmission the Work including as incorporated in Collective Works.

The above rights may be exercised in all media and formats whether now known or hereafter devised. The above rights include the right to make such modifications as are technically necessary to exercise the rights in other media and formats, but otherwise you have no rights to make Derivative Works. All rights not expressly granted by Licensor are hereby reserved, including but not limited to the rights set forth in Sections 4(d) and 4(e).

4. Restrictions. The license granted in Section 3 above is expressly made subject to and limited by the following restrictions:

- a. You may distribute, publicly display, publicly perform, or publicly digitally perform the Work only under the terms of this License, and You must include a copy of, or the Uniform Resource Identifier for, this License with every copy or phonorecord of the Work You distribute, publicly display, publicly perform, or publicly digitally perform. You may not offer or impose any terms on the Work that restrict the terms of this License or the ability of a recipient of the Work to exercise the rights granted to that recipient under the terms of the License. You may not sublicense the Work. You must keep intact all notices that refer to this License and to the disclaimer of warranties. When You distribute, publicly display, publicly perform, or publicly digitally perform the Work, You may not impose any technological measures on the Work that restrict the ability of a recipient of the Work from You to exercise the rights granted to that recipient under the terms of the License. This Section 4(a) applies to the Work as incorporated in a Collective Work, but this does not require the Collective Work apart from the Work itself to be made subject to the terms of this License. If You create a Collective Work, upon notice from any Licensor You must, to the extent practicable, remove from the Collective Work any credit as required by Section 4(c), as requested.
- b. You may not exercise any of the rights granted to You in Section 3 above in any manner that is primarily intended for or directed toward commercial advantage or private monetary compensation. The exchange of the Work for other copyrighted works by means of digital file-sharing or otherwise shall not be considered to be intended for or directed toward commercial advantage or private monetary compensation, provided there is no payment of any monetary compensation in connection with the exchange of copyrighted works.
- c. If You distribute, publicly display, publicly perform, or publicly digitally perform the Work (as defined in Section 1 above) or Collective Works (as defined in Section 1 above), You must, unless a request has been made pursuant to Section 4(a), keep intact all copyright notices for the Work and provide, reasonable to the medium or means You are utilizing: (i) the name of the Original Author (or pseudonym, if applicable) if supplied, and/or (ii) if the Original Author and/or Licensor designate another party or parties (e.g. a sponsor institute, publishing entity, journal) for attribution ("Attribution Parties") in Licensor's copyright notice, terms of service or by other reasonable means, the name of such party or parties; the title of the Work if supplied; to the extent reasonably practicable, the Uniform Resource Identifier, if any, that Licensor specifies to be associated with the Work, unless such URI does not refer to the copyright notice or licensing information for the Work. The credit required by this Section 4(c) may be implemented in any reasonable manner; provided, however, that in the case of a Collective Work, at a minimum such credit will appear, if a credit for all contributing authors of the Collective Work appears, then as part of these credits and in a manner at least as prominent as the credits for the other contributing authors. For the avoidance of doubt, You may only use the credit required by this clause for the purpose of attribution in the manner set out above and, by exercising Your rights under this License, You may not implicitly or explicitly assert or imply any connection with, sponsorship or endorsement by the Original Author, Licensor and/or Attribution Parties, as appropriate, of You or Your use of the Work, without the separate, express prior written permission of the Original Author, Licensor and/or Attribution Parties.
- d. For the avoidance of doubt, where the Work is a musical composition:
  - i. **Performance Royalties Under Blanket Licenses.** Licensor reserves the exclusive right to collect whether individually or, in the event that Licensor is a member of a performance rights society (e.g. ASCAP, BMI, SESAC), via that society, royalties for the public performance or public digital performance (e.g. webcast) of the Work if that performance is primarily intended for or directed toward commercial advantage or private monetary compensation.
  - ii. **Mechanical Rights and Statutory Royalties.** Licensor reserves the exclusive right to collect, whether individually or via a music rights agency or designated agent (e.g. Harry Fox Agency), royalties for any phonorecord You create from the Work ("cover version") and distribute, subject to the compulsory license created by 17 USC Section 115 of the US Copyright Act (or the equivalent in other jurisdictions), if Your distribution of such cover version is primarily intended for or directed toward commercial advantage or private monetary compensation.
- e. **Webcasting Rights and Statutory Royalties.** For the avoidance of doubt, where the Work is a sound recording, Licensor reserves the exclusive right to collect, whether individually or via a performance-rights society (e.g. SoundExchange), royalties for the public digital performance (e.g. webcast) of the Work, subject to the compulsory license created by 17 USC Section 114 of the US Copyright Act (or the equivalent in other jurisdictions), if Your public digital performance is primarily intended for or directed toward commercial advantage or private monetary compensation.

5. Representations, Warranties and Disclaimer

UNLESS OTHERWISE MUTUALLY AGREED TO BY THE PARTIES IN WRITING, LICENSOR OFFERS THE WORK AS-IS AND ONLY TO THE EXTENT OF ANY RIGHTS HELD IN THE LICENSED WORK BY THE LICENSOR. THE LICENSOR MAKES NO REPRESENTATIONS OR WARRANTIES OF ANY KIND CONCERNING THE WORK, EXPRESS, IMPLIED, STATUTORY OR OTHERWISE, INCLUDING, WITHOUT LIMITATION, WARRANTIES OF TITLE, MARKETABILITY, MERCHANTABILITY, FITNESS FOR A PARTICULAR PURPOSE, NON-INFRINGEMENT, OR THE ABSENCE OF LATENT OR OTHER DEFECTS, ACCURACY, OR THE PRESENCE OF ABSENCE OF ERRORS, WHETHER OR NOT DISCOVERABLE. SOME JURISDICTIONS DO NOT ALLOW THE EXCLUSION OF IMPLIED WARRANTIES, SO SUCH EXCLUSION MAY NOT APPLY TO YOU.

6. Limitation on Liability. EXCEPT TO THE EXTENT REQUIRED BY APPLICABLE LAW, IN NO EVENT WILL LICENSOR BE LIABLE TO YOU ON ANY LEGAL THEORY FOR ANY SPECIAL, INCIDENTAL, CONSEQUENTIAL, PUNITIVE OR EXEMPLARY DAMAGES ARISING OUT OF THIS LICENSE OR THE USE OF THE WORK, EVEN IF LICENSOR HAS BEEN ADVISED OF THE POSSIBILITY OF SUCH DAMAGES.

7. Termination

- a. This License and the rights granted hereunder will terminate automatically upon any breach by You of the terms of this License. Individuals or entities who have received Collective Works (as defined in Section 1 above) from You under this License, however, will not have their licenses terminated provided such individuals or entities remain in full compliance with those licenses. Sections 1, 2, 5, 6, 7, and 8 will survive any termination of this License.
- b. Subject to the above terms and conditions, the license granted here is perpetual (for the duration of the applicable copyright in the Work). Notwithstanding the above, Licensor reserves the right to release the Work under different license terms or to stop distributing the Work at any time; provided, however that any such election will not serve to withdraw this License (or any other license that has been, or is required to be, granted under the terms of this License), and this License will continue in full force and effect unless terminated as stated above.

8. Miscellaneous

- a. Each time You distribute or publicly digitally perform the Work (as defined in Section 1 above) or a Collective Work (as defined in Section 1 above), the Licensor offers to the recipient a license to the Work on the same terms and conditions as the license granted to You under this License.
- b. If any provision of this License is invalid or unenforceable under applicable law, it shall not affect the validity or enforceability of the remainder of the terms of this License, and without further action by the parties to this agreement, such provision shall be reformed to the minimum extent necessary to make such provision valid and enforceable.
- c. No term or provision of this License shall be deemed waived and no breach consented to unless such waiver or consent shall be in writing and signed by the party to be charged with such waiver or consent.
- d. This License constitutes the entire agreement between the parties with respect to the Work licensed here. There are no understandings, agreements or representations with respect to the Work not specified here. Licensor shall not be bound by any additional provisions that may appear in any communication from You. This License may not be modified without the mutual written agreement of the Licensor and You.

Creative Commons Notice

Creative Commons is not a party to this License, and makes no warranty whatsoever in connection with the Work. Creative Commons will not be liable to You or any party on any legal theory for any damages whatsoever, including without limitation any general, special, incidental or consequential damages arising in connection to this license. Notwithstanding the foregoing two (2) sentences, if Creative Commons has expressly identified itself as the Licensor hereunder, it shall have all rights and obligations of Licensor.

Except for the limited purpose of indicating to the public that the Work is licensed under the CCPL, Creative Commons does not authorize the use by either party of the trademark "Creative Commons" or any related trademark or logo of Creative Commons without the prior written consent of Creative Commons. Any permitted use will be in compliance with Creative Commons' then-current trademark usage guidelines, as may be published on its website or otherwise made available upon request from time to time. For the avoidance of doubt, this trademark restriction does not form part of this License.

Creative Commons may be contacted at <http://creativecommons.org/>.

[« Back to Commons Deed](#)

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ВАЖНОСТЬ ЯЗЫКА	13
СОТРУДНИЧЕСТВО	13
ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗНАНИЙ	14
МИРЫ, В КОТОРЫХ МЫ ЖИВЁМ: КАРТА И ТЕРРИТОРИЯ	16
СИМВОЛЫ	18
СИГНАЛЬНАЯ И СИМВОЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ.....	18
СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.....	18
ЯЗЫК КАК СИМВОЛИЗМ	20
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НАИВНОСТЬ.....	20
СЛОВЕСНЫЙ ПОТОП	21
ПОЧЕМУ В МИРЕ ТАКОЙ БАРДАК? ОДНА ИЗ ТЕОРИЙ.....	22
ПРИМЕНЕНИЯ.....	23
СООБЩЕНИЯ	25
ПРОВЕРЯЕМОСТЬ	25
НЕСКОЛЬКО ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ: ИСКЛЮЧЕНИЕ СУЖДЕНИЙ	26
ИСКЛЮЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЙ	27
ИСКЛЮЧЕНИЕ «НАВОДЯЩИХ» СЛОВ	28
ВТОРОЙ ЭТАП ПИСЬМЕННОГО УПРАЖНЕНИЯ: УКЛОНЫ	28
УКЛОН В ОБЕ СТОРОНЫ ОДНОВРЕМЕННО	29
КАК СУЖДЕНИЯ ПРЕПЯТСТВУЮТ МЫШЛЕНИЮ.....	29
ПРИМЕНЕНИЯ.....	30
КОНТЕКСТЫ	32
КАК СОЗДАЮТСЯ СЛОВАРИ	32
ВЕРБАЛЬНЫЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ	33
ЭКСТЕНТСИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕНСИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	34
ЗАБЛУЖДЕНИЕ «ОДНО СЛОВО – ОДНО ЗНАЧЕНИЕ»	36
ИГНОРИРОВАНИЕ КОНТЕКСТОВ.....	37
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВ	39
ПРИМЕНЕНИЯ.....	39
СЛОВА, КОТОРЫЕ НЕ ИНФОРМИРУЮТ	41
ЗВУКИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ	41
РЫЧАЩИЕ И МУРЛЫКАЮЩИЕ СЛОВА	42
ЗВУКИ РАДИ ЗВУКОВ.....	43
ДО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В РИТУАЛЕ.....	44

ПОЧЕМУ ВАЖНО ПОНИМАТЬ ДО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА.....	45
ПРИМЕНЕНИЯ.....	46
КОННОТАЦИИ	47
ДВОЙНАЯ ЗАДАЧА ЯЗЫКА	47
ИНФОРМАТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ	48
АФФЕКТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ.....	48
ВЕРБАЛЬНОЕ ТАБУ	50
ПОВСЕДНЕВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА.....	51
ПРИМЕНЕНИЯ.....	52
ДИРЕКТИВНЫЙ ЯЗЫК	54
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ	54
СКРЫТЫЕ ОБЕЩАНИЯ ДИРЕКТИВНОГО ЯЗЫКА	56
ФУНДАМЕНТ ОБЩЕСТВА	57
ДИРЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С КОЛЛЕКТИВНОЙ САНКЦИИ.....	58
ЧЕТЫРЕ СНОСКИ.....	60
ПРИМЕНЕНИЯ.....	61
КАК МЫ ЗНАЕМ ТО, ЧТО ЗНАЕМ	63
КОРОВА БЭССИ	63
ПРОЦЕСС АБСТРАГИРОВАНИЯ.....	64
ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ АБСТРАГИРОВАТЬ	65
КАСАТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЕНИЙ	67
ХОЖДЕНИЯ ПО ВЕРБАЛЬНОМУ КРУГУ.....	68
ПРИМЕНЕНИЯ.....	69
МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО	70
КАК НЕ ЗАВОДИТЬ МАШИНУ.....	70
СПУТЫВАНИЕ НИЖНИХ УРОВНЕЙ АБСТРАКЦИИ	70
СПУТЫВАНИЕ ВЕРХНИХ УРОВНЕЙ АБСТРАКЦИИ	71
«ЕВРЕИ»	72
ДЖОН ДО, «ПРЕСТУПНИК».....	74
МИРЫ ИЛЛЮЗИЙ	75
ПРИМЕНЕНИЯ.....	76
КЛАССИФИКАЦИИ	77
ИМЕНОВАНИЕ ВЕЩЕЙ	77
ТУМАН В ГОЛОВЕ	79
КОРОВА ₁ – ЭТО НЕ КОРОВА ₂	80

«ИСТИНА»	81
ПРИМЕНЕНИЯ	82
ДВУСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ	84
ДВУСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ И БОЙ	84
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ	86
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДВУСТОРОННЕГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ	87
МНОГОСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ	88
МНОГОСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ	89
АФФЕКТИВНАЯ СИЛА ДВУСТОРОННЕГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ	90
«ГИДРОСТАТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС РАЗНОГЛАСИЯ»	90
ДВУСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ И СТАДНОЕ ЧУВСТВО	91
ПРИМЕНЕНИЯ	92
АФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	94
ВЕРБАЛЬНЫЙ ГИПНОТИЗМ	94
ДРУГИЕ АФФЕКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ	95
МЕТАФОРА И ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ	96
ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ	97
ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ	98
МЁРТВАЯ МЕТАФОРА	98
АЛЛЮЗИЯ	98
ИРОНИЯ, ПАФОС И ЮМОР	99
АФФЕКТИВНОСТЬ ФАКТОВ	100
УРОВНИ ПИСЬМА	101
ОЦЕНКА ЛИТЕРАТУРЫ	102
АФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРОТИВ НАУЧНОЙ	103
ПРИМЕНЕНИЯ	104
ИНТЕНСИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ	107
СВОБОДА ОБЩЕНИЯ	107
СЛОВА КАК БАРЬЕР	108
ИНТЕНСИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ	109
ЧРЕЗМЕРНАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ	109
ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ИНТЕНСИОНАЛЬНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ: (1) ОБРАЗОВАНИЕ	112
ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ИНТЕНСИОНАЛЬНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ: (2) ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЫДУМКИ	113
ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ИНТЕНСИОНАЛЬНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ (3) РЕКЛАМА	115
КРЫСЫ И ЛЮДИ	117

«НЕРАЗРЕШИМЫЕ» ПРОБЛЕМЫ	119
ЧТО НАС ОСТАНАВЛИВАЕТ	120
НАУЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ	122
СНОВА В ЛЕВУЮ ДВЕРЬ	123
ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ	124
РУКОВОДСТВО К ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОМУ ОРИЕНТИРОВАНИЮ	124
СИМПТОМЫ РАССТРОЙСТВА	125
ЧТЕНИЕ К ЗДРАВОМЫСЛИЮ	127
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ	129
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА	129
ЯНКИ ИЗ КОННЕКТИКУТА ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА	130
THE DEACON'S MASTERPIECE	132
ГРОЗДЬЯ ГНЕВА	135
НАУКА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ	136

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДАННАЯ книга была написана в надежде предоставить систему общего применения, которая бы помогла избавиться от препятствий в мышлении. Это попытка применить некоторые научные и языковые принципы, или, как мы их можем назвать, семантические принципы, к мышлению, разговорам, слушанию, чтению и письму, которыми мы занимаемся в повседневной жизни.

Всем известно, как двигатель, даже в отличном состоянии, может перегреться, утратить эффективность и остановиться из-за внутренних препятствий; порой даже из-за очень малых препятствий. Все также замечали, как человеческий разум, тоже, по-видимому, в отличном состоянии, часто перегревается и останавливается из-за догм, принятых мнений или личных навязчивых идей. Иногда группа навязчивых идей может охватить множество людей сразу, послужить причиной эпидемии истерии и свести народ с ума. Из-за того, что такие проблемы возникают с определённой периодичностью, многие из нас склоняются к выводам, что в «человеческой природе» имеются некие фундаментальные и непоправимые дефекты. О тщетности такого отношения едва ли стоит говорить. Многие современные исследования, в частности, в психологии, антропологии, лингвистике и литературоведении показывают нам природу и источник этих препятствий в механизмах нашего мышления. Разве мы не можем отыскать и устранить препятствия, чтобы механизмы работали эффективнее? Мы ругаем перегревшиеся двигатели не так часто, как людей с перегретым рассудком. Разве мы подбираемся к решению, когда ругаем друг друга за «недостаток морали», «глупость», «интеллектуальную лень» и за другие грехи.

Проблемы, которые человек испытывает в научении чему-либо на опыте, в обсуждениях, из исторических событий, из книг или от учителей, как правило, не возникают из-за сложности самих уроков. Скорее, они возникают из-за того, что перед тем как мы можем понять какие-либо новые идеи, нам приходится *отучаться* от многих старых и дорогих нам унаследованных догм, чувственных привязанностей, предрассудков, излюбленных интеллектуальных клише, которые отрицают, искажают и заставляют нас недооценивать и не признавать уроки, которые мы получаем. Как сказал один американский комик: «Проблема большинства людей не в том, что они невежественны, а в том, сколько они знают того, что противоречит действительности».

Пожалуй, наилучшее время для систематического обучения семантическим принципам – начало курса обучения в колледже. Студент начального курса поступает в учебное заведение после школы открытой новым идеям и новым техникам, и желает усовершенствовать и подготовить свои интеллектуальные механизмы к требовательным задачам, которые ждут впереди. Экспериментальный курс, основанный на двух предварительных изданиях этой книги, которые использовало около пяти тысяч студентов – в основном, первокурсников – в пятидесяти колледжах, наглядно показал преимущества раннего применения семантических принципов.

Эти семантические принципы взяты, в основном, из «Общей Семантики» (или «не-аристотелевой системы») Альфреда Коржибски. Я также взял многое из работ в более специализированных областях семантики таких авторов как Айвор А. Ричардс, Чарльз К. Огден,

Бронислав Малиновский, Леонард Блумфилд, Эрик Темпл Белл, Тёрман Арнольд, Жан Пиаже, Люсьен Леви-Брюль, Карл Бриттон и Рудольф Карнап.

Из-за необходимости совмещения часто конфликтующих терминов, а иногда и конфликтующих взглядов этих и других авторитетных источников, получившийся результат, вероятно, не устроит в полной мере никого из них. Я приношу им свои извинения за те вольности, которые я себе позволил в обращении с их трудами: опущения, искажения, смены акцентов, которые в некоторых случаях настолько значительны, что авторам, возможно, будет сложно признать их своими. Если я представил их взгляды в не совсем верном свете, или если опущением кавычек при использовании по-разному интерпретируемых слов (таких как «разум», «интеллект», «эмоция») я усложнил обсуждаемую тему, я признаюсь, что виноват. В большинстве случаев использование таких ненаучных терминов было обусловлено требованиями идиоматических выражений, нежели своенравной небрежностью. Я старался (возможно, не всегда успешно) организовать контекст таким образом, чтобы он не искажал смысла доступной терминологии.

В своей попытке доступно изложить всё в одной книге, я посчитал целесообразным не указывать все источники своих заимствований, так как это могло сделать страницы чрезмерно трудночитаемыми. Поэтому, вместо сносок, я сразу приведу список источников, которым я особенно признателен.

Thurman W. Arnold, *The Symbols of Government*, Yale University Press, 1935.

The Folklore of Capitalism, Yale University Press, 1937.

A.J. Ayer, *Language, Truth and Logic*, Oxford University Press, 1936.

Eric Temple Bell, *The Search for Truth*, Reynal and Hitchcock, 1934.

Men of Mathematics, Simon and Schuster, 1937.

Leonard Bloomfield, *Language*, Henry Holt and Company, 1933.

Boris E. Bogoslovsky, *The Technique of Controversy*, Harcourt, Brace and Company, 1928.

P. W. Bridgman, *The Logic of Modern Physics*, The Macmillan Company, 1927.

Karl Britton, *Communication: A Philosophical Study of Language*, Harcourt, Brace and Company, 1939.

Rudolf Carnap, *Philosophy and Logical Syntax*, Psyche Miniatures (London), 1935.

Stuart Chase, *The Tyranny of Words*, Harcourt, Brace and Company, 1938.

Felix S. Cohen, "Transcendental Nonsense and the Functional Approach," *Columbia Law Review*, Vol. 35, pp. 809-849 (June, 1935).

Committee on the Function of English in General Education, *Language in General Education* (Report for the Commission on Secondary School Curriculum), D. Appleton-Century Company, 1940.

John Dewey, *How We Think*, D. C. Heath and Company, 1933.

William Empson, *Seven Types of Ambiguity*, Chatto and Windus (London), 1930.

Ernest Fenellosa, *The Chinese Written Character* (ed. Ezra Pound), Stanley Nott (London), 1936.

Jerome Frank, *Law and the Modern Mind*, Brentano's, 1930 (also Tudor Publishing Company, 1936).

Lancelot Hogben, *Mathematics for the Million*, W. W. Norton and Company, 1937.

T. E. Hulme, *Speculations*, Harcourt, Brace and Company, 1924.

H. R. Huse, *The Illiteracy of the Literate*, D. Appleton-Century Company, 1933.

- Wendell Johnson, *Language and Speech Hygiene: An Application of General Semantics*, Institute of General Semantics (Chicago), 1939.
- Alfred Korzybski, *The Manhood of Humanity*, E. P. Dutton and Company, 1921.
- Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*, Science Press Printing Company (Lancaster, Pa.), 1933. Second edition, 1941.
- Q. D. Leavis, *Fiction and the Reading Public*, Chatto and Windus (London), 1932.
- Irving J. Lee, "General Semantics and Public Speaking," *Quarterly journal of Speech*, December, 1940.
- Vernon Lee, *The Handling of Words*, Dodd, Mead and Company, 1923.
- Lucien Levy-Bruhl, *How Natives Think*, Alfred A. Knopf, 1926.
- Kurt Lewin, *Principles of Topological Psychology*, McGraw-Hill Book Company, 1936.
- B. Malinowski, "The Problem of Meaning in Primitive Languages," Supplement I in Ogden and Richards' *The Meaning of Meaning*.
- C. K. Ogden, *Opposition: A Linguistic and Psychological Analysis*, Psyche Miniatures (London), 1932.
- C. K. Ogden and I. A. Richards, *The Meaning of Meaning*, Harcourt, Brace and Company, third edition, revised, 1930.
- Jean Piaget, *The Language and Thought of the Child*, Harcourt, Brace and Company, 1926.
- The Child's Conception of the World*, Harcourt, Brace and Company, 1929.
- Oliver L. Reiser, *The Promise of Scientific Humanism*, Oskar Piest (New York), 1940.
- I. A. Richards, *Science and Poetry*, W. W. Norton and Company, 1926.
- Practical Criticism*, Harcourt, Brace and Company, 1929.
- The Philosophy of Rhetoric*, Oxford University Press, 1936.
- Interpretation in Teaching*, Harcourt, Brace and Company, 1938.
- James Harvey Robinson, *The Mind in the Making*, Harper and Brothers, 1921.
- Edward Sapir, *Language*, Harcourt, Brace and Company, 1921.
- Vilhjalmur Stefansson, *The Standardization of Error*, W. W. Norton and Company, 1927.
- Allen Upward, *The New Word: An Open Letter Addressed to the Swedish Academy in Stockholm on the Meaning of the Word IDEALIST*, Mitchell Kennerley (New York), 1910.
- Thorstein Veblen, *The Theory of the Leisure Class*, The Modern Library.
- A. P. Weiss, *The Theoretical Basis of Human Behavior*, R. G. Adams and Company (Columbus, Ohio), 1925.
- V. Welby, *What Is Meaning?* Macmillan and Company, 1903.

Я глубоко благодарен многим друзьям и коллегам из США за их идеи и критику в письмах и разговорах в ходе работы над этой книгой. Я благодарю профессора К. Райта Томаса из университета Висконсина и профессора Уолтера Хендрикса из Технологического Института штата Иллинойс, которые внесли вклад в эту книгу тем, что поддерживали мои исследования в этом направлении и предоставляли возможность представлять эти материалы на занятиях. Однако больше всего я благодарен Альфреду Коржибски. Без его системы Общей Семантики, мне было бы сложно и даже невозможно представить много новой информации из областей науки, философии и литературы. Его принципы тем или иным образом повлияли почти на каждую страницу этой книги, а его дружественные замечания и терпеливые отзывы помогли на каждом этапе написания.

1

ВАЖНОСТЬ ЯЗЫКА

Сложно не удивляться часто повторяемой фразе «получать что-то за просто так», будто это некое извращённое стремление нарушителей общественного спокойствия. Помимо наших животных способностей, практически всё, что у нас есть, досталось нам даром. Разве даже самый самодовольный реакционер может похвастаться тем, что он изобрёл искусство письма или книгопечатания, или был первооткрывателем своих религиозных, экономических и моральных взглядов, или каких-либо приспособлений, которые помогают ему добывать пищу и одежду, или таких источников удовольствия как литература и изобразительное искусство? Короче говоря, цивилизация – это нечто немного другое, чем получение чего-то за просто так.

ДЖЕЙМС ХАРВИ РОБИНСОН

СОТРУДНИЧЕСТВО

КОГДА кто-то кричит вам: «Берегись!» и вы пригибаетесь вовремя, чтобы в вас не попал брошенный мяч, вы избегаете травмы благодаря фундаментальному акту сотрудничества, за счёт которого выживает большинство высших животных: в частности, за счёт коммуникации посредством звуков. Вы не видели, что к вам летит мяч, но кто-то это увидел и произвёл определённые звуки, чтобы *передать* свою встревоженность вам. Другими словами, несмотря на то, что ваша нервная система не зафиксировала опасность, вы не пострадали, потому что другая нервная система её зафиксировала. В этой ситуации, на некоторое время, у вас было преимущество дополнительной нервной системы помимо вашей собственной.

Действительно, в большинстве случаев, когда мы слушаем звуки, которые производят люди или когда смотрим на чёрные отметины на бумаге, которые обозначают такие звуки, мы извлекаем пользу из опыта нервных систем других людей, чтобы наверстать то, что наши нервные системы упустили. Очевидно, что чем больше пользы человек может извлечь из нервных систем других людей, чтобы улучшить свою, тем проще ему выживать. И конечно, чем больше индивидуумов в группе, умеющих сотрудничать посредством издавания полезных звуков в адрес друг друга, тем лучше это для всей группы – естественно в пределах способностей к организации. Птицы и животные собираются в стаи себе подобных и издают звуки, когда находят пищу или чувствуют тревогу. Стадное чувство, как вспомогательный инструмент самозащиты и выживания, обусловлено необходимостью объединения нервных систем, большей, чем необходимость объединения физической силы. Общества, как животные,

так и человеческие, практически можно считать огромными сотрудничающими нервными системами.

В то время как животные пользуются только некоторыми ограниченными возгласами, человек использует крайне сложные системы бормочущих, шипящих, рычащих, кудахтающих и воркующих звуков, называемых *языком*, которым он выражает и сообщает о том, что происходит в его нервной системе. Язык, помимо того, что более сложен, ещё и безмерно гибче возгласов животных, от которых он произошёл. Он настолько гибок, что его можно использовать не только чтобы сообщать о великом многообразии того, что происходит в нервной системе человека, но и сообщать об этих сообщениях. То есть, когда одно животное издаёт возглас, оно может заставить второе животное издать возглас в имитации или в тревоге, но второй возглас не сообщает о первом. Когда же человек говорит: «Я вижу реку», второй человек может сказать: «Он говорит, что видит реку» - это высказывание о высказывании. Об этом высказывании о высказывании можно делать дальнейшие высказывания, и о дальнейших – тоже. *На языке можно говорить о языке*. Это основное свойство, в котором система издавания звуков человеком отличается от возгласов животных.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗНАНИЙ

Помимо языка, человек выработал средства, чтобы оставлять более или менее долговечные отметины на глиняных плитках, деревянных дощечках, камне, шкуре животных и бумаге. Эти отметины *обозначают* язык, и позволяют человеку сообщаться с людьми, находящимися вне досягаемости голоса, относительно, как пространства, так и времени. Прошло много времени от деревьев, которые помечали индейцы, чтобы обозначить тропы, до столичных газет, но у них есть нечто общее: они передают то, что было известно одному индивидууму другим индивидуумам, принося им пользу или, в широком смысле, давая руководство. Те индейцы умерли, но многие из их троп всё ещё отмечены, и по ним до сих пор можно ориентироваться. Архимед умер, но у нас сохранились сообщения о том, что он наблюдал в своих экспериментах по физике. Джон Китс умер, но он всё ещё может рассказать о том, что он чувствовал, когда впервые прочёл работы Гомера в переводе Джорджа Чапмана. Мы быстро получаем информацию о мире, в котором живём, благодаря изобретению парового двигателя, железных дорог, телеграфа и радио. Из книг и журналов мы узнаём, что чувствовали и думали сотни людей, которых мы никогда не сможем увидеть. Вся эта информация бывает нам полезна в то или иное время в решении наших собственных проблем.

Таким образом, для получения информации человеку не приходится полагаться исключительно на свой опыт. Даже в примитивных культурах он может извлечь пользу из опыта своих соседей, друзей и родственников, который они передают ему с помощью языка. Поэтому, вместо того, чтобы оставаться беспомощным из-за ограничений собственного опыта и знаний, вместо того, чтобы узнавать о чём-то, о чём другие уже узнали, вместо исследования троп, которые они уже исследовали, и повторения их ошибок, он может *продолжить с того, на чём они остановились*. Другими словами, язык делает возможным прогресс.

Действительно, большая часть характеристик, которые мы приписываем человеку, выражается нашей способностью сотрудничать с помощью систем осмысленных звуков и

отметин на бумаге. Даже люди в неразвитых культурах, где письмо ещё не изобретено, могут обмениваться информацией и передавать от поколения к поколению значительные объёмы традиционных знаний. Однако, по-видимому, есть предел надёжности и объёма знаний, которые можно передать устно. Но с изобретением письма человек совершает большой шаг вперёд. Последующие поколения наблюдателей могут проверить и перепроверить верность сообщений. Объём собранных знаний более не ограничен человеческой способностью запоминать сказанное. В результате, в любой грамотной культуре, просуществовавшей несколько веков, люди собирают огромные запасы знаний – больше, чем кто-либо в этой культуре может прочесть за срок своей жизни, не говоря о том, чтобы запомнить. Эти запасы знаний, которые постоянно пополняются, становятся доступны тем, кого они интересуют, за счёт таких механических процессов как книгопечатание, и распределительных средств, таких как продажа книг, газет и журналов и систем библиотек. Таким образом, все из нас, кто может читать любой из основных европейских или азиатских языков, потенциально связан с интеллектуальными ресурсами столетий человеческих исканий во всех частях цивилизованного мира.

Например, если врач не знает, как лечить пациента, страдающего редким заболеванием, он может поискать заболевание в медицинском каталоге, который в свою очередь может направить его к медицинским журналам. В них он может найти записи похожих случаев, о которых сообщил и описал врач из Роттердама, в 1873 году, или другой врач из Бангкока в 1909 году, или другие врачи из Канзас Сити в 1924 году. Эти записи могут помочь ему более эффективно справиться с задачей в его случае. Если человека интересуют вопросы этики, ему не обязательно полагаться лишь на духовного наставника Баптистской Церкви на улице Вязов. Он может также обратиться к Конфуцию, Аристотелю, Иисусу, Спинозе и многим другим, чьи размышления об этических проблемах были записаны. Если кого-то интересует любовь, он может обратиться за советом не только к своей матери, но и к Сапфо, Овидию, Проперцию, Шекспиру, Хэвлону Эллису или любому из тысячи тех, кто знал что-то об этом и записал то, что знал.

То есть, язык – это необходимый механизм человеческой жизни – нашей жизни, которая формируется, направляется, обогащается и становится возможной благодаря аккумуляции *прошлого* опыта представителей нашего рода. Собаки, кошки и шимпанзе, насколько нам известно, не накапливают свои знания и мудрость, и не повышают эффективность взаимодействия со своей средой от одного поколения к другому. Но человек на это способен. Культурные достижения веков: изобретение приготовления пищи, оружия, письма, печати, способов строительства и транспорта, игр и развлечений, искусства и науки – всё это достаётся нам *бескорыстными дарами от тех, кто умер*. Эти дары дают нам не только возможность жить более обогащённой жизнью в сравнении с нашими предками, но также – возможность пополнить собрание человеческих достижений нашими собственными большими и малыми вкладами.

Способность читать и писать – это способность учиться извлекать пользу и принимать участие в великих достижениях человечества – то, что делает все другие достижения человечества возможными – в частности, объединения нашего опыта в запасы знаний,

доступных (исключая случаи привилегии, цензуры и запретов) всем. От предупреждающего возгласа дикаря до самой недавней научной монографии или новостного сообщения по радио, язык – социален. Культурное и интеллектуальное сотрудничество является, или должно являться, великим принципом человеческой жизни.

МИРЫ, В КОТОРЫХ МЫ ЖИВЁМ: КАРТА И ТЕРРИТОРИЯ

В некотором смысле, мы все живём в двух мирах. Один из миров, в которых мы живём, состоит из событий, происходящих с нами, о которых мы узнаём через личный опыт. Этот мир крайне мал, и включает только вещи того континуума, которые мы в действительности видели, чувствовали или слышали – поток событий, непрерывно воспринимаемых нашими чувствами. Для этого мира личного опыта Африка, Южная Америка, Азия, Вашингтон, Нью-Йорк или Лос-Анджелес не существуют, если мы никогда не бывали в этих местах. Президент Рузвельт – это лишь имя, если мы никогда его не встречали. Если мы спросим себя о том, сколько мы знаем на собственном опыте, мы обнаружим, что, в самом деле, мы знаем очень мало.

Большую часть знаний, приобретённых от родителей, друзей, школ, газет, книг, разговоров, речей и радио, мы получаем *вербально*. Например, всё, что мы знаем об исторических событиях, доходит до нас только в словах. Единственное доказательство того, что Битва при Ватерлоо когда-то происходила – это сообщения о ней. Нам не сообщают об этом люди, которые видели, как она происходила; эти сообщения основаны на других сообщениях: сообщениях о сообщениях о сообщениях, и так далее, которые уходят, в конечном счёте, к сообщениям о личном опыте людей, которые так и видели, как она происходила. Таким образом, мы, в основном, получаем знания посредством сообщений и сообщений о сообщениях: о правительстве, о том, что происходит в Китае, о том, что идёт в театре в центре города – то есть, фактически, о чём угодно, о чём мы не узнаём через прямой опыт.

Мы будем называть мир, который мы познаём через слова, *вербальным миром*, а мир, о котором мы знаем или способны знать на собственном опыте – *экстенциональным миром*. Причина, по которой было выбрано слово «экстенциональный», будет ясна позже. Человек, как и любое другое существо, начинает своё знакомство с экстенциональным миром с младенчества. В отличие же от других существ, он начинает получать – когда уже умеет понимать – сообщения, сообщения о сообщениях, и так далее. Помимо этого, он получает заключения, сделанные на основе сообщений, заключения, сделанные на основе других заключений, и так далее. К тому времени, когда ребёнку уже несколько лет от роду, он уже отходил некоторое время в школу и в воскресную школу и завёл несколько друзей – он собрал значительный объём информации второго и третьего порядка о морали, географии, истории, природе, людях, играх, и т.д.; и вся эта информация составляет его вербальный мир.

Этот вербальный мир должен находиться в отношениях с экстенциональным миром, так же как *карта* относится к *территории*, которую она должна представлять. Когда ребёнок взрослеет с вербальным миром в голове, который достаточно близко соответствует экстенциональному миру вокруг него, он подвержен меньшей опасности шока или травм от того, что он находит вокруг, так как его вербальный мир рассказал, что примерно ему стоит ожидать. Он готов к жизни. Однако если он вырастает с неверной картой в голове – то есть,

если голова забита ложными знаниями и предрассудками – он будет постоянно испытывать трудности, тратить силы впустую и вести себя как глупец. Он не будет приспособлен к реальному миру, и если степень его приспособленности будет совсем мала, он может попасть в психлечебницу.

Некоторые глупые поступки, которые мы совершаем из-за неверных карт в наших головах – настолько распространены, что мы даже не придаём им должного значения. Есть люди, которые защищают себя от несчастий тем, что носят кроличью лапку в кармане. Некоторые отказываются ночевать на тринадцатых этажах гостиниц; и такое убеждение встречается так часто, что в большинстве больших гостиниц, даже в столицах нашей научной культуры, число «13» пропускается при нумерации этажей. Есть люди, которые составляют планы на жизнь, основываясь на астрологических прогнозах или сонниках. Другие надеются, что их зубы станут белее, если они сменят марку зубной пасты. Такие люди живут в вербальных мирах, которые едва ли имеют что-то общее с экстенциональным миром.

Не зависимо от того, насколько красива карта, путешественнику она будет бесполезна, если она чётко не показывает отношения мест друг к другу – структуры территории. Например, если мы нарисуем контур озера и добавим к нему большую вогнутость, скажем, по художественным соображениям, карта – бесполезна. Но если мы рисуем карты просто ради веселья, не обращая внимание на структуру местности, ничто не мешает нам добавлять различные узоры и завитушки к озёрам, рекам и дорогам. Это никому не навредит, кроме тех, кто попытается спланировать поездку по такой карте. Похожим образом, с помощью воображения или ложных сообщений, или ложных заключений из правдивых сообщений, или за счёт практик красноречия, с помощью языка мы можем намеренно создать «карты», которые никак не соотносятся с экстенциональным миром. Опять же, вреда это никому не причинит, если только кто-то не допустит ошибку, посчитав такие «карты» представителями реальных «территорий».

Все мы наследуем много бесполезных знаний, дезинформации и ошибочных данных, поэтому в том, что нам сказали, всегда есть часть, от которой стоило бы избавиться. Но культурное наследие нашей цивилизации – наши социально объединённые научные и гуманитарные знания – ценятся, в основном потому, что мы верим, что они дают нам точные карты опыта. Аналогия с вербальными мирами и картами – важна, и мы будем возвращаться к ней в этой книге. Пока что, стоит заметить, что есть два способа, которым ложные карты появляются в наших головах: первый – когда нам их дают; второй – когда мы сами их придумываем из-за того, что неверно понимаем правдивые карты, которые нам дают.

2

СИМВОЛЫ

Как бы я ни старался, мне с трудом верится, что в самих словах нет значений. Не так легко отбросить привычки, с которыми прожил всю жизнь.

СТЮАРТ ЧЕЙЗ

СИГНАЛЬНАЯ И СИМВОЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ

Животные ведут борьбу между собой за пищу или за превосходство, но в отличие от людей, они не ведут борьбу за вещи, которые *обозначают* пищу или превосходство: такие вещи, как наши бумажные символы богатства (деньги, облигации, титулы), знаки отличия на одежде или автомобильные номерные знаки, и т.д., которыми некоторые люди решили обозначать социальный статус. Насколько нам известно, отношения, в которых одна вещь *обозначает* другую, для животных существуют лишь в рудиментарной форме. Например, шимпанзе можно научить водить машину, но с этим вождением возникают проблемы: реакции шимпанзе. Если красный свет загорается, когда шимпанзе находится посередине перекрёстка, он там и остановится; если зелёный свет загорается, когда машина впереди ещё не начала движение, шимпанзе поедет вперёд, независимо от последствий. Другими словами, для шимпанзе красный свет не *обозначает* остановку; он *является* остановкой.

Давайте познакомимся с двумя терминами, различающими отношения «красный – это остановка», которые понимает шимпанзе, и отношения «красный *обозначает* остановку», которые понимает человек. Для шимпанзе красный свет – это *сигнал*, и мы называем эту реакцию *сигнальной реакцией*; *то есть, это предельная и неизменяемая реакция, которая происходит независимо от окружающих условий*. Для человека красный свет, в нашей терминологии – это *символ*, и мы называем его реакцию *символьной реакцией*; *то есть задержанная реакция, зависящая от окружающих условий и обстоятельств*. Другими словами, нервная система, способная только на сигнальные реакции, *отождествляет сигнал с тем, что этот сигнал обозначает*; человеческая нервная система, функционирующая в нормальных условиях, понимает, что *неотъемлемой связи* между символом и вещью, которую он обозначает, *не существует*. Люди не вспрыгивают в ожидании пищи каждый раз, когда слышат звук двери холодильника.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Человек, благодаря способности понимать то, что определённые вещи могут *обозначать* другие вещи, смог выработать то, что мы называем *символическим процессом*. Когда люди коммуницируют (сообщаются) друг с другом, они могут по согласованию, обозначить что

угодно чем угодно. Люди могут договориться о том, что перья, носимые на голове, обозначают власть вождя в племени; ракушки, медные кольца или кусочки бумаги могут обозначать богатство; скрещённые палки могут обозначать ряд религиозных убеждений; пуговицы, лосиные зубы, ленточки, особые орнаментальные стрижки волос или татуировки могут обозначать принадлежность тому или иному сообществу. Человеческая жизнь пронизана символическим процессом на самых диких и самых цивилизованных уровнях. Воины, лекари, полицейские, дворецкие, разносчики телеграмм, кардиналы и короли носят одежду, которая символизирует их род занятий. Дикари собирают скальпы, студенты колледжей собирают брошюры танцевальных программ и членские ключи почётных обществ, и эти предметы символизируют достижения в соответствующих областях. Существует много вещей, которые люди делают или хотят делать, обладают или хотят обладать, и помимо механической и биологической ценности этих вещей, людям важно, чтобы эти вещи обладали символической ценностью.

Вся модная одежда, как отметил Торстейн Веблен в своей *Теории Праздного Класса*, крайне символична: ткань, форма и украшения лишь в малой степени диктуются учётом теплоты, удобства и практичности. Чем больше мы наряжаемся в красивую одежду, тем меньше свободы остаётся нашим действиям. Посредством изысканной вышивки, легко пачкающейся ткани, накрахмаленных рубашек, высоких каблуков, длинных ногтей и других жертвований комфортом, состоятельному классу удаётся символизировать тот факт, что им не нужно зарабатывать на жизнь. Представители не совсем состоятельного класса, посредством имитации этих символов состоятельности, символизируют свои убеждения в том, что хоть им и приходится зарабатывать на жизнь, но они ничем не хуже остальных. Мы выбираем нашу мебель с учётом того, что она будет служить визуальным символом нашего вкуса, состояния и социального положения. Мы часто меняем старые автомобили на новые модели не для того, чтобы получить более эффективное средство транспорта, а чтобы он служил свидетельством того, что мы можем позволить себе такую роскошь. Мы также часто выбираем место для проживания, основываясь на нашем чувстве, что это «удачное место», потому что оно «хорошо выглядит». Нам нравится помещать дорогую пищу на столе не потому, что она вкуснее дешёвой, а потому что она показывает гостям, что они нам нравятся, или потому что она показывает им, что у нас всё в порядке с финансовым положением.

Такое сложное и, по-видимому, излишнее поведение заставляет философов, любителей и профессионалов, раз за разом спрашивать: «Почему человек не может жить просто и естественно?» Возможно, несознательно, люди хотят уйти от сложности человеческой жизни к относительной простоте жизни собак и кошек. Однако символический процесс, который делает возможным абсурдность человеческих поступков, также делает возможным наш язык, и таким образом, все человеческие достижения, которые зависят от языка, тоже становятся возможными. Тот факт, что больше вещей может выйти из строя в автомобиле, чем в повозке, не означает, что нужно переходить обратно на использования повозок. Схожим образом, тот факт, что символический процесс делает возможным структурно сложную глупость, не означает, что стоит возвращаться к собачьему или кошачьему существованию.

ЯЗЫК КАК СИМВОЛИЗМ

Из всех форм символизма, язык наиболее высокоразвит, тонок и сложен. Мы уже отметили, что человек по согласованию может обозначить что угодно чем угодно. В ходе столетий взаимной зависимости люди согласовали, что различные звуки, которые они могут производить лёгкими, горлами, языками, зубами и губами, систематически обозначают определённые события в их нервных системах. Эту систему согласований мы называем *языком*. Например, мы, те, кто говорит на английском языке, обучились таким образом, что когда наша нервная система регистрирует присутствие определённого вида животного, мы можем издать такой звук: “There’s a cat” («Вот – кошка»). Если кто-то услышит нас, то будет ожидать, что если он посмотрит в том же направлении, он испытает событие в своей нервной системе, похожее на то, которое бы заставило его издать почти такой же звук. Мы обучились таким образом, что когда мы осознаём потребность в пище, мы производим звук: “I’m hungry” («Я – голодный»).

Как мы уже говорили, *неотъемлемой связи между символом и тем, что символизируется, не существует*. Человек может носить костюм для хождения под парусом даже притом, что он никогда даже не находился вблизи яхты. Человек также может произвести звук “I’m hungry”, и при этом не испытывать голода. Более того, таким же образом, как социальный статус может символизироваться перьями на голове, татуировкой на груди, золотыми часами на руке и другими средствами, принятыми в определённой культуре, голод тоже может символизироваться тысячами разных звуков в зависимости от культуры: “J’ai faim”, “Es hungert mich”, “Ho appetito”, или “Nara ga hetta”, и так далее.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НАИВНОСТЬ

Какими бы очевидными эти факты не показались на первый взгляд, в действительности, они не так очевидны, как кажется, кроме тех случаев, когда мы действительно прилагаем усилия, чтобы поразмыслить на эту тему. Символы и символизируемые вещи – независимы друг от друга, и, тем не менее, все мы порой чувствуем или поступаем так, будто эта связь существует. Например, у нас у всех есть легкое чувство, что иностранные языки по существу абсурдны. Иностранцы дают «чуждаковатые названия» вещам: почему они не могут давать им «нормальные названия»? Это чувство проявляется особенно ярко среди американских и английских туристов, которые, по-видимому, считают, что могут заставить коренных жителей любой страны понимать английский язык, если будут кричать на нём достаточно громко. Это чувство обуславливается тем, что символ *обязательно должен* создать в разуме образ того, что он символизирует.

Антропологи сообщают о схожем отношении среди нецивилизованных народов. Когда они разговаривают с коренными жителями, они часто слышат незнакомые слова в их языке. Когда они прерывают разговор, чтобы спросить: «Гуглу? Что такое гуглу?», коренные жители смеются, будто говоря: «Гляньте, они не знают, что такое гуглу! Какие же они глупые!» Когда антропологи настаивают на ответе, они объясняют: «Ну как же, гуглу – это гуглу, конечно же!» Очень маленькие дети мыслят в этом отношении так же, как коренные жители; часто, когда полицейский говорит плачущему ребёнку: «Так, девочка, мы найдём твою маму. Как твою маму зовут?», ребёнок может только провить: «Это моя *мама*. Хочу к *маме!*». Полицию это

заводит только в тупик. Один мальчик как-то сказал: «Свиней называют свиньями, потому что она такие *грязные* животные».

Похожую наивность демонстрирует случай, произошедший с театральной труппой, которая показывала спектакли в западной сельской местности. Одним вечером, в особенно напряжённый момент спектакля, когда герой и героиня оказались якобы в руках злодея, один перевозбуждённый ковбой среди зрителей встал и пристрелил злодея. Поступок этого ковбоя не более нелеп, чем поступки тысяч людей, многие из которых уже взрослые, которые сегодня пишут письма кукле чревовещателя. Некоторые люди посылают подарки на радиостанции, когда двое персонажей мыльной оперы женятся. Также был случай, когда тысячи людей ринулись в военкоматы, чтобы защитить страну от «вторжения армии с Марса».

Это, однако, лишь наиболее удивительные примеры примитивного и инфантильного отношения к символам. Было бы мало смысла упоминать их, если бы все мы единодушно и всегда осознавали, что символы независимы от того, что они символизируют. Но мы не осознаём. У многих из нас сохранились привычки в оценивании («привычки мышления»), которые больше подходят к жизни в лесу, нежели в современной цивилизации. К тому же, все мы можем проявить их в состоянии повышенной взволнованности или когда в разговоре речь заходит о чём-то, в отношении чего у нас есть особые предрассудки. Хуже всего, когда люди, у которых есть доступ к таким средствам общественной коммуникации как пресса, радио или лекционная кафедра, активно поддерживают примитивное и инфантильное отношение к символам. Политические и журналистские шарлатаны, рекламодатели бестолковых и слишком дорогих товаров и пропагандисты религиозного фанатизма получают выгоду в виде денег, власти или и того и другого, когда им удаётся заставить большинство людей думать как дикари или дети.

СЛОВЕСНЫЙ ПОТОП

Интерпретировать слова приходится каждому человеку в современном обществе. В результате развития современных средств коммуникации, на нас ежедневно летят сотни тысяч слов. Нам постоянно что-то говорят учителя, проповедники, продавцы, представители правительства и звуковые дорожки фильмов. Благодаря радио крики продавцов напитков, мыла и слабительного преследуют нас даже дома. В некоторых домах радио не выключают с утра до вечера. Каждый будний день разносчики газет приносят нам от тридцати до пятидесяти огромных отпечатанных страниц, и почти в три раза больше они приносят по воскресеньям. Почтальоны приносят журналы и рекламную рассылку. Мы выходим из дома, чтобы найти ещё больше слов в книжных магазинах и библиотеках. На шоссе повсюду стоят рекламные щиты. Мы даже берём радиоприёмники с собой на пляж. Наша жизнь заполнена словами.

В словесном потоке, в котором мы живём, вовсе нет ничего плохого. Нам стоит ожидать, что мы становимся более зависимы от взаимного общения по мере того как цивилизация развивается. Однако когда слова летят так неосторожно, как это происходит сейчас, очевидно, что если мы будем подходить к ним с примитивными привычками в оценивании, или даже со склонностью срывать на эти привычки, нас неизбежно ждут ошибки, путаница и трагедии.

ПОЧЕМУ В МИРЕ ТАКОЙ БАРДАК? ОДНА ИЗ ТЕОРИЙ

Читатель может подумать, что образованные люди вовсе не мыслят как дикари. К сожалению, мыслят – одни об одном, другие о другом. Образованные люди часто так же наивны в языке, как и необразованные, хотя то, как они проявляют свою наивность, не так легко распознать. Более того, у многих ситуация хуже, чем у необразованных, потому что необразованные люди часто признают свою ограниченность, тогда как образованные, из-за статуса, отказываются признать свою ограниченность и скрывают невежество от самих себя своим умением жонглировать словами. В конце концов, ловкость в словесной манипуляции в некоторых кругах до сих пор считается образованностью.

Такое обучение словесной манипуляции приводит к неосознанным предположениям о том, что если утверждение *звучит* правдиво, оно, должно быть, правдиво, а если оно – не правдиво, то хотя бы приемлемо. Из таких неосознанных предположений учёные создают прекрасные «карты» несуществующих «территорий», и при этом даже не подозревают, что их не существует. Когда люди больше привязаны к своим вербальным «картам», нежели к фактическим «территориям» (то есть, когда они настолько сильно верят в свои излюбленные теории, что не могут признать их опровергнутыми даже, когда об этом говорят факты), они проявляют крайнюю лингвистическую наивность. Некоторые образованные и весьма умные люди настолько привязаны к вербальным «картам», которые они создали, что когда у них не получается найти соответствующие им территории в известном мире, они создают «сверхчувствительные» миры «трансцендентальной реальности», чтобы им не приходилось признавать бесполезность своих карт.¹ Такие люди часто находятся в положении, которое позволяет навязать их идеи другим людям с помощью искусно написанных книг и красноречивых лекций, и таким образом они распространяют результаты лингвистической наивности настолько широко, насколько позволяет им их влияние.

По мере того как пишется эта книга, мир с каждым днём становится похож на сумасшедший дом с убийствами, ненавистью и разрушениями. Казалось бы, что эффективность, которой достигли современные средства коммуникации, должны способствовать лучшему пониманию и сотрудничеству народов. Однако, как нам известно, всё происходит наоборот; чем лучше связь, тем ожесточённее споры.

Лингвистическая наивность – наша склонность думать как дикари практически на любые темы, кроме чисто технологических – это фактор, на который стоит обратить особое внимание в попытках объяснить бардак в цивилизации. Используя радио и газеты, чтобы продвигать политическое, коммерческое и сектантское пустословие, нежели для общественного просвещения, мы усиливаем заразность мышления свойственного дикарям. Люди реагируют на бессмысленные звуки, на карты несуществующих территорий, будто они обозначают что-то настоящее, и никогда не подозревают о проблемах в этом процессе. Политические лидеры гипнотизируют сами себя своей же болтовнёй и используют слова таким способом, который показывает, что им нет никакого дела до того, что если язык – основной инструмент

¹ См. Eric Temple Bell, *The Search for Truth*; также Thurman W. Arnold, *The Folklore of Capitalism*.

человеческой человечности – станет настолько бессмысленным, насколько таковым его делают они, сотрудничество не сможет продолжаться, а общество развалится.

В той же степени, в которой и мы мыслим как дикари и болтаем как идиоты, мы все разделяем вину за бардак, в котором человеческое общество пребывает. Важный шаг, с которого стоит начать – это понять, как работает язык, что мы творим, когда открываем свой безответственный рот, и что происходит, или должно происходить, когда мы слушаем или читаем.

ПРИМЕНЕНИЯ

Тем, кто хочет следить за обсуждениями в этой книге, рекомендуется завести себе следующее хобби. Начните собирать цитаты, вырезки из газет, статей, истории из жизни, части услышанных разговоров, рекламных слоганов, и т.д., которые тем или иным образом демонстрируют лингвистическую наивность. В последующих главах этой книги мы рассмотрим множество примеров лингвистической наивности и путаницы, на которые стоит обращать внимание, а также методы классификации этих примеров. Проще всего начать с поиска в тех примерах, в которых люди, по-видимому, думают, что существуют *неотъемлемые* связи между символами и тем, что они символизируют – между словами и тем, что слова обозначают. Множество примеров можно найти в книгах по культурной антропологии, особенно в тех разделах, в которых рассматривается магия слов. После сбора и изучения нескольких таких примеров, читателю будет легче распознавать похожие образы мышления среди своих ровесников и друзей. Вот несколько примеров, с которых можно начать такую коллекцию:

1. «Малагасийскому солдату стоит держаться подальше от почек, потому что в малагасийском языке используется одинаковое слово для обозначения почки и выстрела; так что если он съест почку, то непременно будет застрелен». – J. G. FRAZER, *The Golden Bough* (сокращённое однотомное издание), p. 22.

2. [Ребёнку задают вопрос.] «Могли бы солнце изначально назвать «луной», а луну «солнцем»? – *Нет.* – Почему нет? – *Потому что солнце светит ярче луны...* То есть, если бы все называли солнце «луной», а луну «солнцем», мы бы знали, что это неправильно? – *Да, потому что солнце всегда больше, оно всегда остаётся таким, какое оно есть, и луна тоже.* – Да, но солнце не поменяется, только его название поменяется. Могли бы его назвать...и т.д.? – *Нет. Потому что луна встаёт по вечерам, а солнце – днём.* – PIAGET, *The Child's Conception of the World*, pp. 81-82.

3. Городской совет Кембриджа, штат Массачусетс, единогласно вынес решение (декабрь 1939 года), которое делает незаконным «обладание, сокрытие, хранение, демонстрацию или перевозку в пределах города любой книги, карты, журнала, газеты, брошюры, листовки или циркуляра, в которой присутствуют слова Ленин или Ленинград».

4. Ворота выставки 1933 года Сто Лет Прогресса в Чикаго открылись, когда на фотоэлемент попал свет звезды Арктур. По сообщениям, одна женщина, услышав от кого-то эту новость, отметила: «Правда, удивительно, как эти учёные знают названия всех звёзд!»

5. «Сенатор законодательного собрания штата Нью-Йорк Джон МакНэйбо выступил против законопроекта о решении проблем с сифилисом в мае 1937 года, потому что «из-за широкого

распространения этого термина могли пострадать невинные дети... От этого слова содрогается каждая приличная женщина и мужчина». – STUART CHASE, *The Tyranny of Words*, p. 63.

6. На фотографии в журнале *Life* (28 октября 1940) изображены ладони моряка, внешней стороной, на пальцах которых вытатуированы буквы “H-O-L-D F-A-S-T” («держись быстро»). Под изображением написано: «Эта татуировка должна была уберечь моряков от падения с рея».

3

СООБЩЕНИЯ

Смутные и бессодержательные речи и злоупотребления языком так часто принимают за тайны науки. Сложные или неправильно используемые слова, в которых мало или совсем нет смысла, в силу людской привычки, имеют такое право ошибочно приниматься за глубину образованности и высоту размышлений, что весьма не просто убедить тех, кто говорит или тех, кто их слушает, что слова эти лишь скрывают невежество и препятствуют истинным знаниям.

ДЖОН ЛОК

ОБМЕН информацией имеет основной символический акт – сообщение о том, что мы видели, слышали или чувствовали: «По обеим сторонам дороги – канавы». «Вы можете купить это в скобяной лавке Смита за \$2.75». «На той стороне озера рыбы нет, а на этой есть». Затем идут сообщения о сообщениях: «Самый высокий водопад в мире – Виктория в Родезии». «Битва при Гастингсе произошла в 1066 году». «В газете написано, что на шоссе 41 неподалёку от Эвансвиля произошла крупная авария». В сообщениях придерживаются следующих правил: во-первых, они поддаются проверке; во-вторых, они исключают, насколько возможно, суждения, заключения и использования «наводящих» слов.

ПРОВЕРЯЕМОСТЬ

Сообщения можно проверить. Возможно, мы не всегда можем провести проверку самостоятельно, так как мы не можем отследить свидетельства каждого исторического периода, о котором нам известно. Также не все из нас могут поехать в Эвансвилль, чтобы осмотреть останки на месте аварии до того, как их уберут. Но если мы ориентировочно согласовали названия вещей, например, то, что составляет «метр», «фут», «бушель», и так далее, и то, как мы измеряем время, шансы недопонимания относительно малы. Даже в нашем сегодняшнем мире, где кажется, что все друг с другом враждуют, мы на удивление в значительной мере доверяем сообщениям друг друга. Когда мы путешествуем, мы спрашиваем дорогу у людей, которых совсем не знаем. Мы следуем указаниям дорожных знаков без подозрительного отношения к людям, которые установили знаки. Мы читаем книги с информацией о науке, математике, автомобилестроении, путешествиях, географии и других фактах, и, как правило, мы предполагаем, что автор постарался изо всех сил насколько возможно правдиво рассказать нам о том, что он знает. И в большинстве случаев наши предположения ничему не грозят. Учитывая, насколько много сейчас говорят о предвзятых газетах, пропагандистах и общем недоверии к получаемой информации, мы склонны забывать,

что у нас по-прежнему есть много надёжной доступной информации, и что умышленная дезинформация, исключая случаи с войной, – это всё ещё исключение, нежели правило. Желание самосохранения, которое побудило людей развивать средства обмена информацией, также побуждает их считать передачу ложной информации достойной порицания.

В своей наиболее развитой форме язык сообщений применяется в науке. Под «наиболее развитой формой» мы имеем ввиду наиболее высокую целесообразность. Пресвитерианин и католик, рабочий и капиталист, немец и англичанин *соглашаются* в вопросах значения таких символов как $2 \times 2 = 4$, 100°C ., HNO_3 , *8:35 утра, 1940 н.э., 5000 об/мин., 1000 кВт, pulex irritans* (лат. *блоха человеческая*), и так далее. Но каким образом люди, готовые перегрызть друг друга почти по всем остальным вопросам, могут соглашаться в этом? Ответ в том, что обстоятельства *вынуждают их соглашаться*, хотя бы они того или нет. Предположим, что в США было бы десять разных сект, и каждая бы настаивала на своих названиях времени дня и дней недели. Простая необходимость иметь десяток разных календарей, часов и расписаний рабочего дня, поездов и радиопередач, не говоря о переводе из одной терминологии в другую, сделала бы жизнь, как мы её знаем, невозможной.

Язык сообщений, включая более точные сообщения науки, это язык «карт». Он даёт нам достаточно точные представления о «территории» и тем самым позволяет нам достигать желаемых результатов. Такой язык многим может показаться «скучным» и «неинтересным»; люди обычно не читают логарифмические таблицы или телефонные справочники ради забавы, но без них нельзя обойтись. Бывает много случаев в повседневных разговорах или письме, когда требуется высказаться *таким способом, чтобы все согласились с нашей формулировкой*.

НЕСКОЛЬКО ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ: ИСКЛЮЧЕНИЕ СУЖДЕНИЙ

Практика в написании сообщений – это эффективное средство быстро повысить лингвистическую осознанность. Это отличное упражнение, в котором читатель сможет рассмотреть собственные примеры принципов языка и интерпретации, которые мы обсуждаем. Сообщения должны содержать информацию о непосредственном опыте – события, которые читатель сам наблюдал или участвовал, описания хорошо знакомых ему людей, и т.д. Важно, чтобы была возможность *проверить* эти сообщения и *согласовать* их с другими людьми.

Это непростая задача. Сообщение не должно включать какие-либо выражения одобрения или порицания событий, людей или объектов со стороны того, кто их описывает. Например, в сообщении не должно быть высказываний: «Это была отличная машина», но в нём может быть высказывание: «Машина проехала 80000 километров, и ни разу не требовала ремонта». Стоит избегать таких высказываний как: «Джек нам соврал», в пользу высказываний, которые больше поддаются проверке, такие как: «Джек сказал нам, что у него не было ключей от его машины с собой. Однако когда он вытащил платок из кармана, ключи выпали». Также сообщение не должно содержать высказываний подобных следующему: «Сенатор мужественно отстаивал свои принципы», но оно может содержать: «Сенатор был единственным, кто проголосовал против законопроекта».

Большинство людей считают такие высказывания как: «Он – *вор*» или «Он – *плохой*», констатациями фактов. Опять же, их стоит избегать в пользу более проверяемых утверждений: «Его осудили за кражу, и он провёл в заключении два года»; «Его мать, его отец и большинство его соседей говорят, что он – «плохой». Если сказать о человеке, что он – «вор», то по существу это всё равно, что сказать: «Он крал *и украдёт снова*», что скорее – прогноз, нежели сообщение. Даже в высказывании: «Он крал» присутствует суждение о поступке, о котором могут быть разные мнения среди разных наблюдателей. Однако если мы говорим, что «он был осуждён за кражу», то с нашим утверждением можно согласиться, проверив судебные и тюремные записи.

Научная верифицируемость (проверяемость) основывается на внешних наблюдениях фактов, а не на нагромождении суждений. Если один человек говорит: «Питер – бездельник», а второй ему отвечает: «Я тоже так думаю», утверждение не было проверено. В судебных делах возникают серьёзные проблемы, когда свидетель не может отличить свои суждения от фактов, на которых его суждения основаны. Перекрёстный допрос в таких случаях проходит примерно таким образом:

Свидетель: Этот грязный прохиндей, Джейкобс, меня надул!

Адвокат: Ваша честь, я протестую.

Судья: Протест принят. [Высказывание свидетеля вычеркнули из протокола.] Постарайтесь рассказать, что именно произошло.

Свидетель: Он меня *обманул*, этот грязный, лживый мерзавец!

Адвокат: Ваша честь, я протестую!

Судья: Протест принят. [Высказывание свидетеля вычеркнули из протокола.] Свидетель, сосредоточьтесь на фактах.

Свидетель: Так я ж вам факты и говорю, ваша честь. Он действительно меня *обманул*.

Так может продолжаться до бесконечности, если только адвокат не проявит изобретательность, чтобы добраться до фактов. Для свидетеля, то, что его «обманули», является «фактом». Часто, на то, чтобы добраться до фактических оснований суждения требуются часы терпеливых расспросов.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЙ

Ещё одно важное требование к сообщениям заключается в том, что в них не должно быть догадок о том, что происходит в умах других людей. Когда мы говорим: «Он был зол», мы не сообщаем, а делаем *заключение* из таких наблюдаемых фактов, как: «Он ударил кулаком по столу; он ругался; он запустил телефонный справочник в свою стенографистку». Конкретно в этом примере, заключение кажется достаточно безвредным и более или менее оправданным; тем не менее, важно помнить, особенно с целью самообучения, что это заключение. Таких выражений как: «Он много о себе думал», «Он боялся девушек», «Она всегда хочет всё самое лучшее» стоит избегать в пользу более проверяемых: «Он проявлял раздражимость, когда люди обходились с ним невежливо», «Он заикался, когда приглашал девушек на танец», «Она часто заявляла, что хотела всё самое лучшее».

ИСКЛЮЧЕНИЕ «НАВОДЯЩИХ» СЛОВ

Говоря кратко, в процессе сообщения опускаются личные чувства и отношения сообщаемого. Для того чтобы добиться этого, нам стоит осмотрительно относиться к «наводящим» словам, которые могут показать или вызвать чувства. Вместо «проскользнул», можно сказать «вошёл тихо»; вместо «политики» - «члены конгресса»; вместо «чиновник» - «должностное лицо»; вместо «бродяга» - «бездомный без работы»; вместо «диктаторский заговор» - «централизованная власть»; вместо «чокнутый» - «практикующий нетрадиционные взгляды». Например, газетным репортёрам не разрешается писать: «Кучка дебилов, которые до того тупые, что повелись на идеи сенатора Смита, прошлым вечером попёрлись на сборище в какой-то полуразваленной халупе в южном конце нашего города, который она уродует». Вместо этого репортёры пишут: «Около семидесяти-пяти – ста человек присутствовали прошлым вечером на обращении сенатора Смита в районе Эвегрин Гарденз в южном районе города».

ВТОРОЙ ЭТАП ПИСЬМЕННОГО УПРАЖНЕНИЯ: УКЛОНЫ

В ходе написания сообщений о личных опытах, можно обнаружить, что, несмотря на все усилия не допускать суждений, некоторые всё же могут прокрасться. Например, описание человека можно написать таким образом: «По-видимому, он не брился несколько дней, а на руках и лице была сажа. У него была порванная обувь, а его пальто было ему малó на несколько размеров и было запачкано высохшей глиной». Несмотря на то, что никаких суждений не было утверждено, одно явно подразумевается. Давайте рассмотрим другое описание того же самого человека. «Его лицо было не выбрито и неухожено, но его глаза были ясны. Он смотрел прямо, когда быстро шагал по дороге. Он выглядел высоким; возможно, это впечатление усиливало его пальто, которое было ему малó. Он нёс книгу в левой руке, а у его ног бежал маленький терьер». В этом примере, впечатление о том же человеке значительно поменялось за счёт включения новых подробностей и опущения нежелательных. *Даже если открытые суждения не включаются в описания, подразумеваемые суждения проникают.*

Как же нам тогда передать беспристрастное сообщение? Конечно, мы не можем достигнуть полного беспристрастия при использовании языка повседневной жизни. Порой даже пользуясь объективным языком науки сложно выполнить эту задачу успешно. Тем не менее, осознавая, какие слова и факты могут вызвать благосклонные или неодобрительные чувства, мы можем достичь беспристрастности достаточной для практических целей. Эта осознанность позволяет нам *выровнять соотношение подразумеваемых благосклонных и неодобрительных суждений.* Чтобы научиться это делать, стоит написать *два* описания об одном предмете, следуя требованиям сообщения, и сопоставить их. Первое описание должно содержать подробности и факты склонные вызвать у читателя предубеждения в пользу предмета; второе должно содержать то, что склонит читателя против предмета. Например:

У него были белые зубы.

У него были неровные зубы.

У него были голубые глаза и густые светлые волосы.

Он редко смотрел людям прямо в глаза.

На нём была чистая голубая

У него были потёртые манжеты

рубашка.	на рубашке.
Он часто помогал своей жене с посудой.	Когда он вытирал тарелки, он часто разбивал несколько.
Его духовный наставник уважительно отзывался о нём.	Его бакалейщик говорил, что он не торопился платить по счетам.

УКЛОН В ОБЕ СТОРОНЫ ОДНОВРЕМЕННО

Этот процесс отбора подробностей благосклонных или неодобрительных в отношении описываемой темы можно обозначить термином *уклон*. Уклон не предполагает открытых суждений, но он отличается от сообщения тем, что он намеренно создаёт условия, в которых определённые суждения неизбежны. Тем, кто хочет добиться беспристрастия, стоит сделать уклон, *как в пользу, так и против* описываемой темы, стараясь сохранить соотношение равным. Следующим шагом упражнения будет – совместить параллельные описания в одно и включить в него подробности обеих сторон.

У него были белые, но неровные зубы. Глаза у него были голубые, а волосы – густые светлые. Он редко смотрел людям прямо в глаза. Его рубашка была слегка потёртой на манжетах, но она была чистой. Он часто помогал жене с посудой, но бил много тарелок. В обществе о нём ходили разные мнения. Его бакалейщик говорил, что он не торопился платить по счетам, но его духовный наставник отзывался о нём уважительно.

Данный пример, конечно, слишком упрощённый и далеко не самый изящный. Однако практика написания таких эссе, прежде всего, поможет предотвратить неосознанное соскальзывание от наблюдаемых фактов к суждениям; то есть от высказываний в роде: «Он был членом Ку-клукс-клана» к таким высказываниям как: «грязный подлец!» Также эта практика покажет, насколько редко мы действительно стараемся быть беспристрастными, особенно в отношении наших лучших друзей, родителей, родных институтов, детей, страны, компании, в которой мы работаем, товара, который продаём, товара нашего конкурента или чего-либо ещё, когда затрагиваются наши интересы. Наконец, мы обнаружим, что даже если у нас нет желания быть беспристрастными, мы станем писать яснее и более убедительно за счёт того, что будем придерживаться наблюдаемых фактов. Будет меньше воды и больше содержания.

КАК СУЖДЕНИЯ ПРЕПЯТСТВУЮТ МЫШЛЕНИЮ

Суждение («Он – хороший парень», «Обслуживание было великолепно», «Бейсбол – это полезный спорт», «Она – ужасно скучная») – это *вывод*, который обобщает большое число ранее наблюдавшихся фактов. Читатель наверняка знаком со случаями, когда ученикам задают написать «сочинения», и они часто испытывают трудности с написанием требуемого объёма, потому что их идеи иссякают после нескольких абзацев. Это происходит потому, что в этих первых абзацах содержится так много суждений, что после них уже почти нечего написать. Однако если исключить выводы и вместо них привести факты, проблем с объёмом написанного практически не возникает. Сочинения даже становятся слишком длинными, так как неопытные

писатели, когда их просят привести факты, часто приводят намного больше, чем необходимо, потому что не совсем отличают важные факты от банальных. Хотя, это, пожалуй, лучше, чем творческий забор, которым начинает страдать большинство студентов, когда им дают письменное задание.

Ещё одно следствие суждений, возникающее на ранних этапах письменного упражнения (и это также применимо к поспешным суждениям в повседневной жизни) – это временная слепота, которую они вызывают. Например, если эссе начинается со слов: «Он был настоящим начальником с Уолл-Стрит», или «Она была типичной милой девочкой-студенткой», то если мы вообще продолжим писать, нам придётся согласовать все дальнейшие утверждения с этим первыми суждениями. В результате, все индивидуальные качества этого конкретного «начальника» или этой конкретной «студентки» полностью теряются из виду, а остаток эссе рассматривает не наблюдавшиеся факты, а *личное понятие* автора (основанное на ранее прочитанных рассказах, просмотренных фильмах, картинах, и т.д.) о том, как выглядят «начальники с Уолл-Стрит» или «типичные студентки». Поэтому, необдуманное суждение часто мешает нам видеть то, что находится прямо перед нами. Даже если писатель чувствует в начале письменного упражнения, что описываемый человек – «бездельник», или что описываемое место – «красивый пригород», ему стоит добросовестно выкинуть такие идеи из головы, чтобы вид не загоразживали.

Несколько недель практики в написании сообщений, сообщений с уклоном и сообщений с уклоном в обе стороны усилят чуткость наблюдения и способность оценивать обоснованность и правдоподобность наблюдений в письменных сообщениях других писателей. Обострённое чувство различия между фактами и суждениями, и фактами и заключениями снизит восприимчивость к поспешным и накрученным общественным мнениям, которые порой возникают по причине того, что распространение таких мнений кому-то играет на руку. Из-за умело применённых уклонов в сообщениях, может показаться, что суждения и заключения неизбежны. Читателя, которому знакома техника уклонов, не получится заставить врасплох такими методами. Ему слишком хорошо известно, что могут иметься другие важные факты, которые были опущены. Кого сейчас беспокоит, что «Остался Двадцать-один День, Чтобы Спасти Американский Образ Жизни», как нам твердили в 1936 году в президентской кампании? Кого сегодня волнует «вмешательство в личную жизнь» и «становление американских гестапо», о котором все говорили перед переписью населения в 1940 году? Однако в своё время люди переживают из-за таких вещей.

ПРИМЕНЕНИЯ

1. Вот список высказываний, которые читатель может попробовать отнести в категорию суждений, заключений или сообщений. Так как различия не всегда отчётливы, однозначный ответ подойдёт не всегда. Если окажется, что читатель не согласен с кем-либо в вопросах классификации некоторых высказываний, ему рекомендуется вспомнить социального работника и рекламиста, и не спорить.² Заметьте, что нас здесь интересует *природа*

² Речь идёт о персонажах вступительного рассказа в данной книге. К сожалению, он не был переведён по причине отсутствия в оцифрованном оригинале страницы с завязкой рассказа.

высказывания, а не его истинность или ложность; например, утверждение: «Вода замерзает при температуре 10 градусов Цельсия» - хоть и ошибочно, но это сообщение.

- a. Она ходит в церковь только, чтобы похвастаться своей одеждой.
- b. Копейка рубль бережёт. (*более дословно с английского: Не потратил пенни – всё равно, что заработал пенни.*)
- c. Вишня, краше всех деревьев,
На Пасху белое надев.
А. Э. ХАУСМЭН (перевод: О. АНСТЕЙ)
- d. Раньше в газетах писали правду.
- e. Германо-американский союз – это агентство нацистской пропаганды.
- f. Бельгию называли Ниобой наций.
- g. «Потенциальные захватчики из Италии не смогут прорваться через территорию, оплетённую горными хребтами, и где каньоны и крайне малочисленные серпантины охраняются решительными силами Греции».

Чикаго, Дэйли Ньюс

h. Сенатор Смит долгое время в тайне вынашивал президентские амбиции.

- i. Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:
— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

УИЛЬЯМ БЛЕЙК (перевод: С. Маршак 1916)

j. «Либералов не стоит бояться, если вы их понимаете. Что нужно делать, так это продолжать быть в курсе того, чем они занимаются и относиться к ним как грязи на ботинке. Всё, на что они способны – это создавать шум, не более, и поэтому у честного человека есть преимущество, потому что в них нет ни истины, ни терпимости к другим».

УЭСТВРУК ПЭГЛЕР (журналист)

k. «Адам жил сто тридцать лет и родил сына по подобию своему по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот лет, и родил он сынов и дочерей. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер».

Книга бытия 5:3-5.

2. В дополнение к практике написания сообщений с исключением суждений и заключений, предложенной в этой главе, также рекомендуется попробовать написать (а) сообщения с сильным уклоном *против* людей или событий, к которым читатель относится *благосклонно*, и (б) сообщений с сильным уклоном *в пользу* людей и событий, к которым читатель испытывает *неприязнь*. Например, ярый демократ может представить республиканскую партию в выгодном свете, а демократическую – в невыгодном. Ярый республиканец может сделать наоборот. Это необходимо для того чтобы подготовиться к написанию сообщений с уклоном в обе стороны одновременно; очевидно, это невыполнимая задача для тех, кто может мыслить только в одном направлении. В отделах “Reporter at Large” и “Profiles” издания *The New Yorker* часто достаточно умело составляют сообщения: открытых суждений – мало, и явно прикладываются усилия, чтобы хотя бы казалось, что уклон в обе стороны имеет место.

4

КОНТЕКСТЫ

В словарях часто можно найти замены неизвестным терминам, которые лишь скрывают неспособность к настоящему пониманию. Из-за этого человек может найти перевод иностранного слова и удовлетвориться значением «снегирь», будучи совершенно неспособным опознать или описать птицу. Понимание не приходит из одних только слов; скорее, оно приходит из вещей, обозначаемых словами. Словарные определения дают нам возможность прятать наше невежество от себя и других.

ХАУЭРД РАССЕЛ ХЬЮЗ

КАК СОЗДАЮТСЯ СЛОВАРИ

ЕСТЬ очень расхожее убеждение, что у каждого слова есть «правильное значение», о котором мы узнаём в основном от учителей и литературоведов (хотя, по большому счёту, мы себя этим не утруждаем и обычно говорим «небрежным языком»), и что словари и учебники по грамматике представляют «высший авторитет» в вопросах значения и употребления. Не много людей спрашивает, под чьим руководством составители словарей и учебников по грамматике пишут то, что они пишут. Удивительно, с какой податливостью многие люди склоняются перед словарём, а на того, кто скажет: «В словаре неправильно написано!», смотрят с улыбкой изумления и жалости, как будто говоря: «Бедняга. Совсем с головой не дружит».

Давайте рассмотрим, как создаются словари и как их редакторы приходят к определениям. Стоит оговориться, что описанное далее относится только к тем составителям словарей, кто проводит прямые исследования, а не к тем, кто копирует уже существующие словари. Задача написания словаря начинается с чтения большого объёма литературы о том периоде, или на ту тему, которую хотят осветить. Когда редакторы читают, они переписывают на карточки каждое интересное или редкое слово, каждое необычное или особенное употребление часто употребляемого слова, большое количество часто употребляемых слов в их широко известных использованиях, а также *предложения, в которых появляется каждое из этих слов:*

<p>бадья   Молоко домой в бадьях приносят   Джон Китс, <i>Эндимион</i>   I, 44-45</p>
--

То есть, *контекст* каждого слова собирается вместе с самим словом. В такой масштабной работе, как например, написание *Оксфордского Словаря Английского Языка* (который насчитывает около двадцати пяти томов), собирают миллионы таких карточек, а работа над редактированием занимает десятилетия. По мере сбора карточек, их сортируют в алфавитном порядке и держат в хранилищах. По завершению сортировки на каждое слово приходится от двух – трёх до нескольких сотен демонстративных цитат, каждая из которых написана на отдельной карточке.

Для того чтобы определить слово, редактор словаря располагает перед собой карточки, каждая из которых представляет действительное употребление слова писателем, важным для литературы или истории. Он внимательно читает карточки, откладывает некоторые, перечитывает остальные и разделяет общую колоду на несколько, по его усмотрению, дающих несколько разных смыслов слова. Наконец, он пишет определения, следуя твёрдому правилу, из которого следует, что каждое определение *должно* основываться на том, что показывают цитаты относительно значения слова. Редактор не должен подвергаться влиянию того, что *он* считает слово *должно* значить. Он должен либо исходить из карточек, либо вообще не работать.

То есть, написание словаря – это не составление авторитетных высказываний об «истинных значениях» слов, а *учёт*, по мере возможности, того, что различные слова *значили* для авторов в далёком или недавнем прошлом. *Составитель словаря – это историк, а не законодатель.* Например, если бы мы писали словарь в 1890 году, или даже в 1919, мы могли бы сказать, что слово “broadcast” («вещать») означает «разбрасывать», например, семена, и т.д. Но мы бы не смогли определить, что начиная с 1921 года, наиболее распространённым значением этого слова станет «распространять звуковые сообщения, и т.д., через беспроводную связь». В таком случае, считать словарь «авторитетом» означает приписывать составителям словарей дар предвидения, которого нет ни у него, ни у кого другого. Выбирая слова, когда мы разговариваем или пишем, мы можем *ориентироваться* по историческим записям в словаре, но мы не можем *ограничиваться* ими, потому что новые ситуации, новые опыты, изобретения, чувства, и т.д. всегда вынуждают нас использовать старые слова по-новому. Если поискать слово “hood” («капюшон») в словаре пятисотлетней давности, мы найдём монаха, а в современном словаре мы найдём автомобильный двигатель.

ВЕРБАЛЬНЫЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

Способ, которым составитель словарей приходит к своим определениям – это просто систематизация способа, которым мы все учим значения слов, начиная с младенчества и продолжая до конца жизни. Представим, что мы никогда не слышали слово «гобой», и мы слышим разговор, в котором говорят следующие предложения:

Раньше он лучше всех в городе играл на *гобое*... Ему очень нравилось, когда они приходили к партии *гобоя* в третьей части... Как-то раз я видел, как он зашёл в музыкальный магазин, чтобы купить новый язычок для своего *гобоя*... Он перестал играть на кларнете с тех пор как перешёл на *гобой*. Он сказал, что потерял интерес, потому что это было слишком просто.

Даже притом, что слово может быть незнакомым, его значение становится яснее по мере того, как мы слушаем разговор. Когда мы слышим первое предложение, мы знаем, что на

«гобое» «играют», поэтому это, скорее всего, музыкальный инструмент.³ С каждым последующим предложением возможности того, чем может быть «гобой», сужаются до тех пор, пока у нас не сложится достаточно ясное представление о том, что подразумевается. Так мы учимся посредством *вербального контекста*.

Но, независимо от этого, мы учимся посредством *физического и социального контекста*. Представим, что мы играем в гольф, и когда ударяем по мячу таким способом, что он приводит к нежелательным результатам, наш компаньон говорит нам: «Это плохой *слайс*». Он повторяет своё замечание каждый раз, когда наш мяч не летит прямо. За короткое время мы можем научиться этому, и когда в следующий раз это происходит, можем сказать: «Это плохой *слайс*». В другом случае наш друг говорит нам: «В этот раз, это не *слайс*; это *хук*». Мы учитываем, что произошло, и интересуемся, чем отличается последний замах от предыдущего. Поняв разницу, мы добавляем ещё одно слово к нашему словарному запасу. В результате, после девяти лунок мы умеем применять оба слова уместно; возможно, мы в придачу узнаём несколько других слов, таких как «дёрн», «пятая стальная», «выводящий удар», и *при этом нам никто не говорил, что они значат*. Мы можем играть в гольф годами, не зная словарного определения «слайса»: удар, при котором мяч вылетает прямо, но после этого значительно отклоняется вправо (для игрока с правосторонней стойкой). Но даже если мы не можем дать такое определение, мы всё равно можем применять слово уместно случаю.

Мы учим значения практически всех наших слов (и стоит помнить, что это просто сложные звуки) не из словарей, не из определений, а когда слышим эти звуки в ситуации, и мы учимся ассоциировать определённые звуки с определёнными ситуациями. Так же, как собаки учатся опознавать «слова», например, когда они слышат «печенька» в то время как перед их носом кто-то держит печеньку, мы учимся интерпретировать язык, зная о происходящем, сопровождающим звуки, которые издают люди в наш адрес – то есть, осознавая контексты.

«Определения», которые дают маленькие дети в школе, ясно показывают, как они ассоциируют слова с ситуациями; они почти всегда дают определения в физическом и социальном контексте: «Наказание – это, когда ты плохо себя вёл, и тебя запирают в шкафу и не кормят ужином». «Газета – это то, что приносит почтальон, а ещё в них мусор заворачивают». Это отличные определения. Главная причина, по которой их нельзя использовать в словарях, в том, что они *слишком* конкретные; было бы невозможно перечислить несметное число ситуаций, в которых было употреблено каждое слово. По этой причине в словарях пишут определения на высоком уровне абстракции, то есть, с опущением определённых отсылок и подробностей, чтобы определение было сжатым. Это ещё одна причина, по которой не стоит считать, что словарное определение «даёт нам всю информацию» о слове.

ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕНСИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Начиная с этого параграфа, нам понадобятся особые термины, чтобы говорить о значении: *экстенсивное значение*, которое мы также будем называть *денотацией*, и *интенсивное значение* – обратите внимание на букву *s* в этом слове – которое также будет

³ В оригинале: «...либо игра, либо музыкальный инструмент». В английском языке со словом «играть» в обоих случаях не употребляются предлоги (*в* и *на*), которые позволяют сразу предположить «музыкальный инструмент».

называться *коннотацией*.^{4,5} Говоря кратко, экстенциональное значение высказывания – это значение, которое *указывает* или обозначает внешний, предметный мир, о котором мы говорили в Главе 3. То есть, экстенциональное значение *невозможно выразить словами*, потому что это то, что слово обозначает. Это просто запомнить, если вы, не открывая рта, указываете на что-либо, что вас попросили определить экстенционально.

Интенциональное значение слова или выражения – это значение, которое *подразумевается* (ассоциируется) в чьей-либо голове. Грубо говоря, в случаях, когда мы выражаем значения слов с помощью слов, мы даём интенциональное значение, или коннотации. Чтобы запомнить это, закройте глаза и дайте словам покружиться в голове.

Высказывания, конечно, могут иметь одновременно и экстенциональное, и интенциональное значения. Если у них совсем нет интенционального значения – то есть, если высказывания не заставляют понятия кружиться в наших головах – то они попросту бессмысленные звуки, как иностранные языки, которые мы не понимаем. Вместе с этим, высказывания также могут совсем не иметь экстенционального значения, несмотря на то, что они могут спровоцировать множество понятий в нашей голове. Эту мысль мы развёрнуто рассмотрим в Главе 5, а пока приведём один пример: утверждение: «Ангелы присматривают за мной, пока я сплю» имеет интенциональное, но не имеет экстенционального значения. Это не означает, что ангелов, которые присматривают за мной, пока я сплю, не существует. Когда мы говорим, что у высказывания нет экстенционального значения, мы подразумеваем, что мы не можем увидеть, потрогать, сфотографировать или каким-либо научным путём распознать наличие ангелов. В результате, если начинается спор на тему – присматривают ли за мной ангелы, пока я сплю, *этот спор невозможно закончить так, чтобы все его участники* – христиане и не-христиане, религиозные люди и агностики, метафизики и учёные – *были удовлетворены*. Поэтому, верим мы в ангелов или нет, зная наперёд, что любой спор на эту тему будет бесконечен и тщетен, мы можем постараться избежать его в разговорах.

Когда же у высказываний есть экстенциональное содержимое, например, когда мы говорим: «Эта комната – четыре с половиной метра в длину», спор может завершиться. Независимо от того, сколько догадок может быть о длине комнаты, обсуждения прекращаются, когда кто-то измеряет длину рулеткой. Это важное отличие между экстенциональным и интенциональным значениями: а именно, когда у высказываний есть экстенциональные значения, обсуждение может закончиться, а согласие – достигнуто; при наличии же только интенциональных значений, споры могут продолжаться до бесконечности. Такие споры могут привести только к непримиримым конфликтам. Среди индивидуумов, они могут превратить дружбу во вражду; в обществе, они часто разделяют организации на противоборствующие группы; среди стран, они могут усугубить уже имеющиеся напряжённые отношения настолько сильно, что в итоге послужат причинами войны.

⁴ Intension – в логике обозначает сущность понятия, содержание термина; intensional – содержательный, связанный с внутренней структурой – в английском языке легко спутать с омонимом intentional – намеренный, умышленный.

⁵ Слова *экстенсия* и *интенсия* взяты из логики; *денотация* и *коннотация* позаимствованы из литературоведения. В основном мы будем пользоваться первой парой понятий, когда будем говорить о «языковых привычках» (языковом поведении), а второй парой – когда будем говорить о самих словах.

Такого рода споры можно назвать «без-чувственными спорами», потому что они обусловлены высказываниями, о которых невозможно собрать какие-либо чувственные данные. Само собой, есть случаи, когда дефис можно опустить; это зависит от расположения человека в отношении конкретного спора.⁶ Читателю рекомендуется найти собственные примеры «без-чувственных споров». Даже предшествующий пример об ангелах может заставить некоторых людей почувствовать себя оскорблёнными, несмотря на то, что никаких попыток утверждать или отрицать существование ангелов, не предпринимается. Можно представить какие бурные реакции могут вызвать упоминания некоторых примеров из теологии, политики, права, экономики, литературоведения и других областей, в которых не принято проводить чёткую грань между смыслом и бессмыслием.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ «ОДНО СЛОВО – ОДНО ЗНАЧЕНИЕ»

Любой, кто когда-нибудь задумывался над значениями слов, наверняка заметил, что их значение всегда меняется. Обычно люди считают это недостатком, так как это «приводит к неясному мышлению» и вызывает «путаницу в мыслях». Чтобы с этим справиться, люди обычно предлагают сойтись на «одном значении» для каждого слова и только в этом значении его употреблять. Вслед за этим, люди обычно понимают, что заставить людей согласовать значения таким способом попросту невозможно, даже если бы мы могли установить железную диктатуру под управлением комитета лексикографов (составителей словарей), которые бы назначили цензоров в каждое газетное издательство и установили в каждый дом по диктофону. Ситуация представляется безнадёжной.

Можно выйти из этой тупиковой ситуации, начав с нового принципа – одного из принципов современной лингвистики, а именно: *что ни одно слово не никогда не повторяется в значении*. Степень, в которой этот принцип соответствует фактам, можно показать разными способами. Во-первых, если мы принимаем утверждение о том, что контекст высказывания определяет его значения, становится ясно, что, так как никакие два контекста не бывают в *точности* одинаковыми, то никакие два значения не могут быть в точности одинаковыми. Как мы можем «зафиксировать значение» даже для такого часто употребляемого выражения как «верить во что-либо», когда его можно использовать в таких предложениях, как следующие?

Я верю в тебя (У меня есть уверенность в тебе).

Я верю в демократию (Я принимаю принципы, подразумеваемые под термином демократия).

Я верю в Санта Клауса (По моему мнению, Санта Клаус существует).

Во-вторых, мы можем взять слово с «простым» значением, например, «чайник». Но, когда Джон говорит «чайник», интенциональные значения этого слова для него представляются общими характеристиками всех чайников, о которых Джон помнит. Когда Питер говорит «чайник», для него интенциональные значения этого слова представляются общими характеристиками всех чайников, о которых помнить он. *Не важно, насколько незначительной может быть разница между «чайником» Джона и «чайником» Питера; некоторая разница есть.*

⁶ Без-чувственный – *англ.* non-sense – *дословно* – отсутствие чувства. Nonsense – *англ.* бессмыслица, вздор, чушь.

Наконец давайте рассмотрим высказывания с учётом экстенциональных значений. Если Джон, Питер, Хэролд и Джордж скажут «моя пишущая машинка», нам придётся указать на *четыре разных пишущих машинки*, чтобы получить экстенциональное значение в каждом случае: Underwood Джона, Corona Питера, L. C. Smith Хэролда и не обозначенная подразумеваемая «пишущая машинка», которую Джордж планирует однажды купить: «Моя пишущая машинка, когда я куплю её, будет бесшумного типа». Также, если Джон скажет «моя пишущая машинка» сегодня, и снова «моя пишущая машинка» завтра, экстенциональное значение будет разным в этих двух случаях, потому что пишущая машинка – не *в точности* одинакова от одного дня к другому (и даже от одной минуты к другой): медленный процесс износа, перемен и ветшания происходит постоянно. Хотя мы и можем сказать, что отличия в значениях слов в один момент, в другой момент, минутой позже, и в следующий момент, ещё минутой позже – *незначительны*, но мы не можем сказать, что значение *в точности* одинаково.

Категорически заявлять, что «мы знаем, что значит слово» *до того, как мы услышали или прочли его в высказывании* – бессмысленно. Всё, что мы можем знать заведомо – это *приблизительно*, что оно *будет* значить. После высказывания мы интерпретируем, что было сказано, учитывая как вербальный, так и физический контексты, и поступаем, опираясь на нашу интерпретацию. Рассмотрение вербального контекста высказывания, как и рассмотрение самого высказывания, направляет нас к интенциональным значениям; рассмотрение физического контекста направляет нас к экстенциональным значениям. Когда Джон говорит Джеймсу: «Принеси мне ту книгу, пожалуйста», Джеймс смотрит в направлении, в котором Джон показывает пальцем (физический контекст) и видит стол с несколькими книгами (физический контекст); он вспоминает их предшествующий разговор (вербальный контекст) и знает, о какой книге идёт речь.

Интерпретация *должна* быть основана на совокупности контекстов. Если бы было по-другому, то мы бы не смогли пользоваться не совсем правильными (подходящими конкретной ситуации) словами и ждать, что люди нас поймут. Например:

А. Чёрт возьми! Ты глянь, как второй бейсмен побежал!

В. (глядит). Ты имеешь ввиду шортстопа?

А. Да, его.

А. Наверное, что-то не так с маслопроводом; двигатель стал застревать.

В. В смысле, с «бензопроводом»?

А. Да. Разве я не сказал «бензопровод»?

Иногда контексты настолько ясно показывают, что мы имеем ввиду, что часто нам даже не приходится говорить, что мы имеем ввиду, чтобы нас поняли.

ИГНОРИРОВАНИЕ КОНТЕКСТОВ

Становится ясно, что игнорирование контекстов в любой попытке интерпретации – глупая практика. Ещё хуже, когда такая практика приводит к проблемам. Распространённым примером могут послужить сенсационные газетные истории, в которых несколько слов публичной персоны вырываются из контекста и используются как основание для ложных

утверждений. Был случай на день примирения, когда преподаватель университета произносил речь, и в ней сказал, что Геттисбергская речь Авраама Линкольна была «хорошим примером эффективной пропаганды». Из контекста ясно следовало, что он употребил слово «пропаганда» в его словарном значении, нежели в популярном. Из контекста также было понятно, что выступающий восхищался Линкольном. И тем не менее, местная газета, целиком и полностью проигнорировав контекст, представила этот случай в таком свете, чтобы создать впечатление, что выступающий назвал Линкольна лжецом. На этом основании газета начала кампанию против преподавателя. На его возражения, редактор газеты ответил «*Плевать мне, что вы там ещё сказали*. Вы сказали, что Геттисбергская речь была пропагандой, так ведь?» Для редактора это было полным доказательством того, что выступавший оклеветал Линкольна, и за это заслуживал увольнения из университета. Схожая практика характерна для рекламы. На обложке книги могут поместить цитату критика: «Блестящая работа», тогда как, читая контекст можно обнаружить, что на самом деле он написал: «Произведение не дотягивает до того, чтобы можно было сказать, что это блестящая работа». Некоторые люди защищают такую практику, говоря: «Но ведь он использовал слова «блестящая работа», разве нет?»

Во время споров люди часто жалуются на то, что слова имеют разное значение для разных людей. Вместо того чтобы жаловаться, им стоит принять это как нечто само собой разумеющееся. Страшно подумать, если бы, например, слово «правосудие» имело одинаковое значение для всех девяти судей Верховного Суда Соединённых Штатов; были бы сплошные единогласные решения. Ещё страшнее представить, если бы слово «правосудие» значило одно и то же для Фьорелло Ла Гуардия (мэр Нью-Йорка 1933 – 1945) и для Иосифа Сталина. Если мы хорошо усвоим принцип, что ни одно слово не повторяется в значении, мы выработаем навык автоматически проверять контексты, что поможет нам лучше понимать, что говорят другие люди. На данный момент мы слишком вероятно реагируем сигнально на некоторые слова и видим в замечаниях людей значения, которые никогда ими не подразумевались, и мы тратим силы, обвиняя людей в «интеллектуальном мошенничестве» или «злоупотреблении словами», когда они просто пользуются словами не так, как это делаем мы. Люди не могут использовать слова не по-своему, особенно, если они прожили жизнь сильно отличную от нашей. Конечно, существуют случаи интеллектуального мошенничества и злоупотребления словами, но происходят они не всегда там, где их ищут.

В исследовании культур отличных от нашей, контексты становятся ещё важнее. Высказывание: «В доме не было водопровода и электричества», не говорит о недостатках английского дома в 1570 году, но говорит о них, если речь идёт о доме в Чикаго в 1941 году. Если мы хотим понять конституцию Соединённых Штатов, нам не достаточно, как советуют нам историки, просто сверить все слова со словарём и прочесть интерпретации судей Верховного Суда. Нам нужно рассматривать конституцию в её *историческом контексте*: условия жизни, текущие идеи, расхожие предрассудки и вероятные интересы людей, которые писали конституцию. Ведь слова «Соединённые Штаты Америки» обозначали нацию другого размера и другой культуры в 1790 году, нежели то, что они обозначают сейчас. Если мы обсуждаем широкую тему, диапазон контекстов на рассмотрение – вербальных, социальных и исторических – может стать весьма большим.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВ

Это, конечно же, не означает, что читателю стоит выкинуть свой словарь из-за того, насколько важны контексты. Любое слово в предложении – любое предложение в абзаце, любой абзац в параграфе или главе – чьё значение обусловлено контекстом, *само является частью контекста остального текста*. Когда мы сверяемся со словарём, мы находим не только объяснение самого слова, но и объяснения остального предложения, абзаца, разговора или эссе, в котором мы его нашли. *Все слова в определённом контексте взаимодействуют друг с другом*.

Понимая, что словарь – это историческая работа, нам следует понимать словарь как: «Слово *mother* наиболее часто было использовано в прошлом людьми, говорящими на английском языке, чтобы обозначить *женщину – родителя*». Из этого мы можем резонно заключить: «Если это слово использовалось так, то, скорее всего именно это оно и значит в предложении, которое я пытаюсь понять». Собственно так мы обычно и делаем. После того, как мы сверились со словарём, *мы снова изучаем контекст, чтобы узнать, подходит ли к нему это определение*.

Следовательно, словарное определение – это очень полезный помощник в интерпретации. У слов нет одного «правильного значения»; они применяются к *группам* схожих ситуаций, которые можно назвать *областями значения*. Словарь бывает полезен, когда учитываются области значения. При каждом использовании какого-либо слова, мы рассматриваем определённый контекст и (если ситуация позволяет) обозначенные экстенциональные события, чтобы найти подразумеваемую *точку* в области значения.

ПРИМЕНЕНИЯ

1. В этой главе говорилось, что заявлять о том, что у одного слова должно быть одно значение, или что мы можем знать значение слова до того как услышим его в высказывании – бессмысленно. Вот несколько примеров употребления слова *air* (воздух). Чтобы увидеть, насколько разными могут быть значения, попробуйте перефразировать следующие предложения. [*прим. перев.* Обратите внимание на то, что одно и то же слово нельзя всегда перевести одним же словом или выражением на другом языке]

She had an <i>air</i> of triumph.	В ней <i>чувствовался</i> триумф.
John left the casting director's office walking on <i>air</i> .	Джон вышел <i>окрылённым</i> из кабинета режиссёра по кинопробам.
On summer nights the <i>air</i> is warm and fragrant.	Летними ночами воздух <i>тёплый</i> и ароматный.
He gave her the <i>air</i> .	Он с ней <i>порвал</i> .
Want some <i>air</i> in your tires, Mister?	Колёса <i>подкачать</i> , мистер?
She certainly does give herself <i>airs</i> !	Она определённо играет на публику!
There was some suspicious <i>air</i> about the whole thing.	Во всём этом чувствовалось <i>что-то</i> подозрительное.
Slum children benefit from getting out into the <i>air</i> and	У детей из трущоб больше возможности гулять на

sunlight.	солнце и свежем <i>воздухе</i> .
A gentle <i>air</i> was moving the curtains at the open window.	Шторы едва покачивались от лёгкого <i>ветра</i> .
In 1789 change was in the <i>air</i> .	В 1789 году перемены ощущались <i>повсюду</i> .
High up in the <i>air</i> a hawk was circling.	Высоко в <i>небе</i> кружил ястреб.
At that she just went up in the <i>air</i> .	От этого она пришла в <i>ярость</i> .
The doctors say he needs a change of <i>air</i> .	Врачи советуют ему сменить <i>обстановку</i> .
It would be better if this whole dirty business were brought out into the open <i>air</i> ... There's nothing better in such cases than the free <i>air</i> of public discussion.	Лучше бы обо всех этих грязных делах <i>известили</i> общественность.... В таких случаях лучше всего, когда всё обсуждается <i>спокойно</i> и открыто.
Jonathan was always building castles in the <i>air</i> .	Джонатан всегда строил <i>воздушные</i> замки.
As they left the theater, half of the audience was whistling the catchy <i>air</i> .	Половина зрителей, когда покидали театр, насвистывали <i>мелодию</i> .
When he got across the border he filled his lungs with the <i>air</i> of freedom.	Когда он перебрался через границу, он, наконец, <i>почувствовал</i> себя свободным.
The Philharmonic is on the <i>air</i> every Sunday afternoon.	Оркестр играет в <i>эфире</i> после обеда каждое воскресенье.

2. Приведите контексты (в этом случае – предложения), которые демонстрируют различные области значения, которые вы сможете найти в следующих словах:

рука	день
собака	люди
рейс	богатый
лягушка	свободный

3. Сидя там, где вы сейчас сидите, скажите: «Иди сюда». Теперь пересядьте в другое место и скажите снова «Иди сюда». Одинаково ли по-прежнему экстенциональное значение? Изменилось ли интенциональное значение?

Напишите ваше имя десять – двенадцать раз на чистом листе бумаги. Теперь перед вами десять или двенадцать примеров экстенционального значения слов «моя подпись». Сравните их. Вы можете вырезать их из листа и сопоставить на свету. Одинаковы ли экстенциональные значения в каких-либо двух случаях? Были ли бы они одинаковы, если бы их напечатали?

«Чтобы приготовить жареный картофель, сначала помойте картофель и почистите его. После чистки, обдайте картофелины кипятком, поместите их в сковороду и жарьте до коричневой корочки. Готовый картофель подавайте с подливой из мясного сока». Что вы можете сказать об экстенциональных значениях «картофеля» на протяжении этого отрывка?

5

СЛОВА, КОТОРЫЕ НЕ ИНФОРМИРУЮТ

Разве слова в фатическом общении [«тип речи, при котором налаживается связь в коллективе за счёт простого обмена словами»]⁷ употребляются для того чтобы передавать значение? Определённо, нет! Они выполняют социальную функцию, и в этом их основная цель. Они не возникают в результате долгих раздумий, и не всегда провоцирует раздумья в тех, кому они были сказаны.

БРОНИСЛАВ МАЛИНОВСКИЙ

ЗВУКИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ

БОЛЬШЕ всего интерпретацию усложняет то, что слова не всегда употребляются информативно. На самом деле у нас есть все причины полагать, что способность применять звуки как символы развилась лишь недавно в ходе эволюции. Задолго до того, как мы пришли к языку, каким мы его знаем, скорее всего, мы издавали различные звуки, как низшие животные, выражающие такие внутренние состояния, как голод, страх, триумф и половое влечение. Мы наблюдаем такие звуки и условия, на которые они указывают, у наших домашних животных. Со временем эти звуки, по-видимому, становились более и более разнообразными, по мере расширения сознания. Бормотание и бессвязная речь стали символическим языком. Но, не смотря на то, что мы развили символический язык, у нас сохранились привычки издавать звуки, которые *выражают*, нежели *сообщают* о наших внутренних состояниях. Мы используем язык *до-символическими* способами, эквивалентно воплям, вою, мурлыканию и бормотанию. Эти случаи до-символического использования языка сосуществуют с нашими символическими системами, они всё ещё происходят в наших повседневных разговорах.

До-символический характер наших разговоров наиболее ярко демонстрируется возгласами, выражающими какие-либо сильные чувства. Например, если мы по невнимательности встали на проезжую часть, когда к нам едет машина, не так важно, крикнет ли человек: «Берегись!», «Kowotsuke!», «Эй!» или «Prends garde!», или же просто издаст крик, потому что любой громкий возглас нас насторожит. Необходимые чувства передаёт страх, выраженный *громкостью* и *тоном* крика, а не слова. Похожим образом, приказы, отданные чётко и резко, обычно дают более скорые результаты, чем те же приказы, отданные невыразительно. Свойства самого голоса могут выражать чувства, которые практически независимы от используемых символов. Мы можем сказать, «Надеюсь увидеть вас снова» так, чтобы ясно дать понять, что мы никогда

⁷ Например, в русском: *привет, как дела, не за что*; в английском: *what's up, how are you doing, you're welcome*.

больше не хотим видеть человека. Или, например, если молодая женщина с нами на прогулке говорит: «Луна – такая яркая сегодня», мы можем понять по тону голоса, делает ли она метеорологическое наблюдение или хочет намекнуть, чтобы её поцеловали.

РЫЧАЩИЕ И МУРЛЫКАЮЩИЕ СЛОВА

Издавание звуков органами речи происходит с помощью мышц. Многие из наших мышечных активностей – произвольны. Наши реакции на сильные стимулы (например, на то, что заставляет нас сильно злиться) – это комплекс мышечных и психологических активностей: сокращение мышц, когда мы бьём кулаком по столу, повышение кровяного давления, вырывание волос и так далее, *и помимо* этого – издавание звуков, таких как рычание. Однако человек, в силу того, что считает выражение гнева звуками подобными животным, ниже своего достоинства, обычно заменяет рычание словами, такими как «Ах ты чёртов предатель!» или «Ах ты сволочь!» Схожим образом, мурлыкания и виляния хвостом человек заменяет словами: «Она самая прекрасная во всём мире!» или «Какая же она милашка!»

Такие высказывания – это сложные человеческие эквиваленты рычанию и мурлыканию, и они не символичны в том же смысле, как высказывание: «Чикаго находится в штате Иллинойс». То есть, высказывание «Она самая прекрасная во всём мире!» - это не утверждение о девушке, а выражение чувств говорящего – такое же, как виляние хвостом или мурлыкание у животных. В том же смысле, обычные ораторские или журналистские порицания «Красных», «Уолл-Стрит», «корпоративных интересов» или «пятой колонны» - это усложнённые рыки, визги и прочее, которые на поверхности часто кажутся логически и грамматически правильно выраженными мыслями. Эти группы «рычащих» и «мурлыкающих» слов – как нам удобно будет их называть – не сообщения, описывающие условия в экстенциональном мире, а *симптомы* приятного или неприятного *беспокойства* говорящего.

Более того, то, что мы назвали «суждениями» в Главе 3 – слова, выражающие наши предпочтения и неприязни – это сильно усложненное рычание и мурлыкание. Их основная функция в том, чтобы показать одобрение или неодобрение говорящего, и одновременно с этим, они часто указывают причины этих чувств. Кто-то может счесть, что называть суждения рычанием и мурлыканием – неуважительно по отношению к человеческой расе, однако цель такой терминологии не в том, чтобы выразить неуважение. Её цель в том, чтобы подчеркнуть тот факт, что у суждений, так же, как и у рычания и мурлыкания, отсутствует как таковое экстенциональное содержимое. Об этом особенно стоит помнить, наблюдая или участвуя в дискуссии.

Например, предположим, что Смит сказал: «Сенатор Бут – жулик», а Джонс сказал: «Сенатор Бут – отличный политик». Обсуждаемый вопрос в таких обстоятельствах, скорее всего, будет: «Сенатор Бут – жулик или отличный политик?» Спор будет проходить достаточно предсказуемо. Смит будет приводить факты, чтобы «доказать», что сенатор – «жулик»; Джонс будет «доказывать» другими фактами обратное. Они начнут повышать голос, жестикулировать, грозить друг другу кулаком. В итоге, их друзьям придётся их разнимать. Такие исходы – неизбежны, когда обсуждаются без-чувственные вопросы – вопросы без экстенционального содержимого.

Поэтому стоит избегать споров о до-символических высказываниях. В некоторых случаях такие рычания и мурлыкания занимают не просто несколько слов, а несколько абзацев, статьи или речи, а порой – даже целые книги. Обсуждаемый вопрос никогда не стоит формулировать как: «Гитлер и вправду – зверь, как говорит выступающий?», а лучше как: «Почему выступающий чувствует то, что чувствует?» Стоит нам узнать причину, по которой было сделано суждение, мы можем присоединиться к выступающему или вынести собственное суждение.

Всё вышесказанное, конечно же, не подразумевает, что мы должны прекратить рычать или мурлыкать. Во-первых, мы бы не смогли это прекратить, даже если бы захотели, а во-вторых, есть много случаев, в которых агрессивные рыки и ласковые мурлыкания необходимы. Тонкие разборчивые суждения, исходящие от проницательных и здравомыслящих людей, иногда стоит слушать, так как они развивают нашу моральную восприимчивость. Но нам *стоит* быть внимательными, чтобы не спутать их с сообщениями.

ЗВУКИ РАДИ ЗВУКОВ

Существуют и другие до-символические способы использования языка. Иногда мы говорим, просто чтобы слышать, как мы говорим; то есть, по той же причине, по которой мы играем в гольф или танцуем. Когда мы делаем что-то подобное, нам приятно чувствовать себя живыми. Дети лепечут, взрослые поют в ванной; при этом и те, и другие получают удовольствие от звука собственных голосов. Иногда большие группы людей издают звуки вместе, когда поют, скандируют, и т.д. по таким же до-символическим причинам. В этих случаях, значимость слов – практически не имеет значения. Иногда, например, мы можем хором петь печальные слова о ностальгии по детскому дому в Верджинии притом, что мы никогда там не были и ехать туда не собираемся.

Тому, что мы называем «светскими беседами» тоже свойственна до-символичность. Например, когда мы – на чаепитии или на вечере, всем приходится о чём-то разговаривать: о погоде, о том, как сыграли Чикаго Уайт Сокс, о последней книге Томаса Мана, о последнем фильме Мирны Лой, и т.д. Для таких разговоров – если только вы не общаетесь с близкими друзьями – типично не придавать значения замечаниям по теме и не вдаваться в их информативность. Тем не менее, если не говорить ничего, то это могут счесть «грубым». Если говорить о приветствиях и прощаниях: «Доброе утро», «Чудесный день», «Как ваша семья?», «Рад встрече», «Надо будет встретиться, когда вы снова сюда приедете», и т.д., если такие выражения не произносить, это считается ошибкой общения, даже когда мы не имеем ввиду то, что говорим. Существует множество повседневных ситуаций, в которых мы разговариваем просто потому, что не разговаривать было бы невежливо. В каждой социальной группе есть присущая ей форма такого общения – «искусство беседы», «светская беседа» или любимый американцами «обмен шутками». Исходя из рассмотрения этих практик, можно заключить, что общий принцип предполагает, что *предотвращение самого молчания является важной функцией речи*, и что в обществе для нас в крайней степени сложно разговаривать, только когда нам «есть, что сказать».

Эти до-символические разговоры ради разговоров, как и возгласы животных, являются формой времяпровождения. Мы разговариваем друг с другом ни о чём, и таким способом

заводим дружбу. Цель таких разговоров – не обмен информацией, как может показаться из-за символов («Доджерс снова лидируют»), а создание общности. У человека есть много способов создания общности: разделение хлеба между собой, игры, сотрудничество, и т.д. Взаимный разговор – это наиболее легко организуемое коллективное времяпровождение. Поэтому *общность* разговора – это наиболее важный аспект социального общения; тема разговора – вторична.

ДО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В РИТУАЛЕ

Проповеди, закрытые собрания политических партий, съезды, митинги и другие церемониальные собрания людей демонстрируют то, что все группы – религиозные, политические, патриотические, научные и профессиональные – любят периодически собираться вместе с целью разделить некоторые традиционные времяпровождения. Они одеваются в особую одежду (риза в религиозных организациях, регалии в ложах, униформа в патриотических сообществах, и т.д.), принимают вместе пищу (банкеты), демонстрируют, флаги, ленты, гербы и другие символы их группы, и маршируют в процессиях. В эти ритуальные мероприятия почти всегда включаются речи, написанные традиционно или соответственно событию. Цель этих речей *не* в том чтобы поделиться со слушателями новой информацией, и *не* в том, чтобы создать новые ощущения, а в чём-то совсем другом.

В чём конкретно, мы проанализируем в Главе 7 о «Директивном Языке». Пока что, мы можем проанализировать один аспект языка в ритуальных речах. Давайте взглянем на то, что происходит на студенческих митингах, которые проходят перед футбольными матчами. Члены «нашей команды» «представляются» аудитории, которая их уже знает. Затем игроков вызывают, чтобы они сделали невнятные и часто грамматически неправильные высказывания, которые принимают аплодисментами. Ведущие митинга дают невероятные обещания о том, как на следующий день команда противника будет разгромлена. Толпа скандирует приветствия, обычно состоящие из животных звуков в крайне примитивных ритмах. *Никто не покидает митинг с большим объёмом новой информации или полезных навыков, в сравнении с тем, с которым они пришли.*

В некоторой степени, религиозные церемонии, на первый взгляд, тоже – весьма странные. Священник или проповедник произносит фиксированные речи, *часто непонятные для прихожан* (на иврите в синагоге, на латинском в римско-католической церкви, на санскрите в китайских и японских храмах), и в итоге, по большому счёту, никакой информации прихожанам не передаётся.

Если мы подойдём к этим лингвистическим событиям как лингвисты и попытаемся понять, что происходит, и если мы рассмотрим собственные реакции в качестве участников такой ситуации, мы заметим, что независимо от того, что могут обозначать высказывания в ритуале, мы почти не задумываемся о значении в процессе ритуала. Например, многим из нас приходилось повторять молитву или петь патриотическую песню, совсем не задумываясь о словах. В детстве нас учат повторять такие высказывания до того, как мы учимся понимать их, и многие из нас продолжают повторять их до конца жизни, не интересуясь значениями. Некоторые люди могут посмотреть на это с поверхностной точки зрения и заключить, что

«такое поведение демонстрирует человеческую глупость». Мы не можем считать такие высказывания «бесмысленными», потому что они без сомнения оказывают на нас влияние. Мы можем выйти из церкви, и не помнить, о чём была проповедь, но при этом чувствовать, что служение «сказалось на нас благоприятно».

Таким образом, ритуальные высказывания, составленные из слов, имеющих символическую значимость в другое время, из слов из иностранных или мёртвых языков или из слогов без значения, можно считать в большей степени до-символическим использованием языка, то есть, *традиционным набором звуков*, которые не передают информацию, но ассоциируются с чувствами (в данном случае, с групповыми). Такие высказывания редко имеют смысл для тех, кто не состоит в группе. Абракадабра на собрании ложи кажется бредом для тех, кто не является членом ложи. Когда язык становится ритуалом, его эффект в значительной степени становится независимым от того, что когда-то означали его слова.

ПОЧЕМУ ВАЖНО ПОНИМАТЬ ДО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА

До-символическое использование языка имеет характерную особенность: его функцию можно выполнить, если необходимо, без грамматически или синтаксически сочлѐнных символических слов. Его функцию можно выполнить даже без распознаваемой речи. Чувство общности создаѐтся среди животных коллективным лаем или воем, и среди людей – скандированием, групповым пением и похожими действиями. Показатели дружелюбия, такие как: «Доброе утро» или «Хорошего дня» можно создать улыбкой, жестами или, среди животных – обнюхиванием, и т.д. Хмурость, смех, улыбка, прыжки и пр. может удовлетворить множество нужд выражения без применения вербальных символов. Однако применение вербальных символов – более привычно для человека, и поэтому вместо выражения наших чувств физической расправой с оппонентом, мы можем разнести его проклятиями; вместо того чтобы топить печали в алкоголе, мы можем, например, писать стихи.

Крайне важно понимать до-символические элементы, которые входят в наш повседневный язык. Мы не можем свести нашу речь к предоставлению и запросам фактической информации; мы не можем ограничить себя сугубо буквально правдивыми утверждениями, иначе мы бы едва смогли сказать даже «Рад вас видеть», когда это будет необходимо. Интеллектуально педантичные люди часто советуют нам «говорить, что мы думаем», «думать, что мы говорим» и «говорить только, когда нам есть, о чём поговорить». Этим рекомендациям, конечно же, невозможно следовать.

Как правило, необразованные люди знают о до-символическом использовании языка (и часто понимают его интуитивно), как и «образованные» люди, которые относятся с ярким презрением к глупости других, и часто имеют очень высокое мнения о своей проницательности. Такие «просветлѐнные» люди слушают болтовню на чаепитиях и собраниях, и заключают, что все гости – болваны, кроме них самих, естественно. Они могут узнать о том, что люди часто выходят из церкви, не помня, о чём была проповедь, и заключить, что прихожане – либо болваны, либо лицемеры. Они могут услышать политическую речь партии оппозиции, подумать: «как только люди верят в этот бред?» и заключить из этого, что в целом люди такие

неразумные, что заставить демократию работать не получится никогда. (Они, скорее всего, не обратят внимание на то, что такие же выводы можно сделать, послушав речи, которым аплодируют они). Практически все такие удручающие выводы о глупости и лицемерии наших друзей и соседей – несправедливы при таких свидетельствах, потому что к ним обычно приходят, учитывая стандарты только символического языка к лингвистическим событиям, которые частично или полностью до-символичны по характеру.

Следующий пример может внести прояснения. Представим, что мы на обочине дороги пытаемся поменять спущенное колесо. К нам подходит не особо одарённо выглядящий молодой человек и спрашивает: «Что, колесо спустило?» Если мы интерпретируем его слова буквально, то нам это покажется крайне глупым вопросом, и мы можем ответить: «Ты что, баран тупой, не видишь, что пробил?» Если же мы не обратим внимание на слова и, понимая, что он проявляет дружелюбный интерес, тоже ответим ему дружелюбием, то возможно, он захочет помочь нам поменять колесо. Похожим образом, многие жизненные ситуации требуют, чтобы мы не обращали внимание на слова, так как значение часто может оказаться куда более разумным и понятным, чем поверхностный смысл самих слов. Вероятно, что немалая доля нашего пессимизма по отношению к миру, человечеству и демократии может быть частично вызвана тем, что мы неосознанно применяем стандарты символического языка к до-символическим высказываниям.

ПРИМЕНЕНИЯ

Попробуйте прожить день без до-символического использования языка, позволяя себе только (1) конкретные утверждения фактов, которые информируют слушателя и (2) конкретные запросы информации или действий. Это упражнение рекомендуется только тем, чья преданность науке и экспериментальному методу – больше, чем желание сохранить друзей.

6

КОННОТАЦИИ

Десятки тысяч лет прошло с тех пор как мы отбросили хвосты, и до сих пор мы сообщаемся средством, которое почти не изменилось с тех пор, как человек слез с дерева. Нас могут смешить языковые иллюзии первобытного человека, но нам стоит помнить, что механизмы языка, на который мы так смело полагаемся, и которым наши метафизики заявляют, что исследуют Природу Бытия, возникли благодаря ему, и могут быть причиной других, более тонких и проще искореняемых иллюзий.

ЧАРЛЬЗ ОГДЕН И АЙВОР РИЧАРДС

ДВОЙНАЯ ЗАДАЧА ЯЗЫКА

ЯЗЫК сообщений – *инструментален*; то есть, он способствует решению задач. До-символический язык выражает чувства говорящего и служит как *средством*, так и *целью*. С точки зрения слушателя, мы можем сказать, что язык сообщений *информирует* нас, а до-символический язык *аффективно* (*эмоционально*) влияет на нас, то есть – влияет на наши чувства.⁸ Например, словесное оскорбление провоцирует словесное оскорбление в ответ, так же как удар провоцирует удар в ответ; громкий категорический приказ подталкивает к действию подобно физическому толчку; разговор и крик – это выплески энергии.

Например, если кто-то громко, пронзительно кричит: «в доме пожар!», выполняются две задачи: во-первых, так как это сообщение, оно *информирует* нас о факте; во-вторых, так как громкость крика выражает чувства говорящего, оно *аффективно* влияет на наши чувства. То есть, информативные и аффективные элементы во многих случаях присутствуют в одном высказывании. Первый из аффективных элементов речи, как показывает пример выше – это тон голоса, его громкость или мягкость, его приятный или неприятный окрас, его изменения громкости и интонации в ходе высказывания.

Другой аффективный элемент в языке – это ритм. Ритмом мы называем эффект, который производится повторением слуховых (или кинестетических) стимулов на относительно устойчивых интервалах. От примитивного стука барабана до тонких тактов цивилизованной

⁸ Таких терминов как «эмоциональный» и «эмотивный», которые предполагают обманчивое различие между «эмоциональной притягательностью» и «интеллектуальной притягательностью» языка, стоит избегать. В любом случае, слово «эмоциональный» слишком конкретно применимо к сильным чувствам. Слово «аффективный» в таком выражении как «аффективное использование языка», описывает не только способ, которым язык может вызвать сильные чувства, но и способ, которым он вызывает крайне тонкие, иногда неосознанные, реакции. Слово «аффективный» также удобнее, потому что не представляет различий между «физической» и «психической» реакциями.

поэзии и музыки, восприимчивость человека к ритму постоянно развивается. Ритм привлекает внимание и вызывает интерес; он настолько аффективен, что привлекает наше внимание, даже когда мы этого не хотим. Ритм в языке подчёркивается с помощью таких средств как *рифма* и *аллитерация*, когда похожие звуки повторяются на устойчивых интервалах. Те, кто пишут политические и рекламные слоганы, особенно любят рифмы и аллитерации: “Tippesano and Tyler Too”, “Keep Cool with Coolidge”, “Order from Horder”, “Better Buy Buick” – весьма бредовые слоганы, если говорить об их информативности, но благодаря их ритмичности, становится сложно их забыть.⁹

Помимо тона голоса и ритма, ещё один важный аффективный элемент в языке – это чувства, приятные или неприятные, которые присутствуют практически во всех словах. В Главе 4 мы провели различие между денотациями (экстенциональным значением), указывающими на вещи, и коннотациями (интенциональным значением), указывающими на «идеи», «понятия», «концепты» и подразумеваемые чувства. Эти коннотации можно разделить на два типа: *информативные* и *аффективные*.

ИНФОРМАТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ

Информативные коннотации слова – это его согласованные в обществе, «обезличенные» значения, *в той мере, в которой значения вообще могут быть присвоены дополнительными словами*. Например, если мы говорим о «свинье», мы не можем сразу дать экстенциональное значение (денотацию) слова, если только по ситуации у нас рядом нет настоящей свиньи, на которую мы можем указать. Однако мы можем дать информативные коннотации: «одомашненное парнокопытное млекопитающее того вида, который обычно выращивают фермеры, чтобы производить свинину, бекон, ветчину, сало...» - коннотации, о которых все могут согласиться. Иногда информативные коннотации слов, используемые в повседневной жизни, настолько разнятся, в зависимости от места и человека, что, когда требуется особая точность; приходится использовать замещающую терминологию с более закреплёнными информативными коннотациями. Научные названия растений и животных могут послужить примером терминологии с такими тщательно присвоенными информативными коннотациями.

АФФЕКТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ

Аффективные коннотации слова – это аура личных чувств, которое слово вызывает. Например, «свинья»: «Фу! Грязные, вонючие существа, которые валяются в грязи», и так далее. С этими чувствами необязательно согласны все – некоторым нравятся свиньи, другим – нет – но само наличие этих чувств позволяет нам использовать слова, в некоторых обстоятельствах, *только из-за их аффективных коннотаций*, и не независимо от их информативных коннотаций. То есть, когда мы сильно взволнованы, мы выражаем наши чувства, высказывая слова с аффективными коннотациями, которые подходят нашим чувствам, и, не обращая внимание на

⁹ “Tippesano and Tyler Too” (рус. [для] Типекану (река) и Тайлера (город) тоже) – песня предвыборной кампании Уильяма Хэрисона в 1840 году; “Keep Cool with Coolidge” (рус. будьте спокойны с Кулиджем) – песня предвыборной кампании Кэлвина Кулиджа в 1924 году; “Order from Horder” (рус. порядок от Хордера) – рекламный слоган магазина канцелярских товаров для офиса; “Better Buy Buick” (рус. лучше купите Бьюик) – рекламный слоган компании General Motors.

информативные коннотации этих слов. Когда мы злимся, мы можем назвать человека «гадом», «волчарой», «хряком», «слизняком», а любимого человека можем назвать «голубчик», «сладкий», «рыбка», и т.д. Более того, все вербальные выражения чувств в некоторой степени используют аффективные коннотации слов.

Во всех словах, относительно того, где и как они употребляются, есть некоторое аффективное свойство. Есть слова, аффективная ценность которых преобладает над информативной. Например, мы можем назвать «того мужчину» «тем джентльменом», «тем индивидуумом», «тем человеком», «тем господином», «тем товарищем», «тем парнем» или «тем болваном». И притом что человек во всех случаях может быть одним и тем же, каждый из терминов показывает разницу в наших чувствах по отношению к нему. Некоторые антиквары пишут на вывесках “Gyfte Shoppe” (вместо современного написания “Gift Shop”) в надежде, что такое написание придаёт их магазинам античность, даже если их сувениры были изготовлены в наши дни. Мужским костюмам и пальто часто даются названия с аффективными коннотациями, навевающими мысли об Англии: “Glenmoor”, “Regent Park”, “Bond Street”. Продавцы духов выбирают такие названия своим товарам, которые бы напоминали о Франции – “Mon Désir”, “Indiscret”, “Evening in Paris” – дорогие марки всегда продаются во флаконах, но никак не пузырьках. Прочтите высказывания ниже и обратите внимание на разницу между ними:

Имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства...

Хотел бы вам сообщить...

Хотел бы уведомить вас, сэр...

Послушайте меня, Мистер...

Ну, шеф, короче, слушай сюда...

В столбцах ниже также приведены примеры того, как можно поменять аффективные коннотации, притом, что экстенциональное значение остаётся неизменным:

Бифштекс из вырезки наивысшего качества.	Первоклассный кусок дохлой коровы.
Кабз обошли Джайэнтс 5-3.	Счёт: Кабз 5, Джайэнтс 3
Маккормик Бил прошёл в сенат как паровой каток.	Сенат принял Маккормика Била, не смотря на сильную оппозицию.
Японские дивизии продвинулись на пять миль.	Япошки встали через пять миль продвижения.
Французские войска спешно отступают!	Отступление французских сил на заранее заданные позиции в тылу было выполнено быстро и эффективно.
Губернатор, был заинтересован в решении вопроса и сообщил, что сделает официальное заявление после тщательного рассмотрения фактов.	Губернатор учёл происходящее.

Есть история о том, что во время Англо-бурской войны в британской прессе буров описывали, «шныряющими за камнями и кустами». Когда британские силы, наконец, научились у буров

тактике ведения боя в южноафриканской степи, о них писали, что «они ловко используют укрытия».

ВЕРБАЛЬНОЕ ТАБУ

Аффективные коннотации некоторых слов создают специфические ситуации. Например, в некоторых кругах общества считается «невежливым» говорить о приёме пищи. Горничная, когда отвечает на звонок, должна говорить: «Мистер Джонс на ужине», а не: «Мистер Джонс ест». Экстенциональное значение одинаково в обоих случаях, но последняя форма считается неприемлемой из-за нежелательных коннотаций. Схожая нерешительность в отношении слишком резких именовании приёма пищи демонстрируется использованием Французского и Японского слова «есть» - *manger* и *taberu*; подобная учтивость существует во многих других языках.

Когда кредиторы высылают счета, в них практически никогда не упоминаются «деньги», не смотря на то, что это собственно то, о чём они пишут. Существует множество различных иносказаний: «Мы будем признательны, если вы в скором времени уделите внимание этому вопросу», «Можем ли мы рассчитывать на снятие обвинений?», «Имеется остаток в нашу сторону, который вы, вероятно, сочтёте нужным прояснить». Помимо этого, мы спрашиваем консьержей или работников автозаправки, где находится «уборная» или «комната отдыха», когда мы не собираемся поправлять убор или отдыхать. Будучи в вежливой компании, невозможно сказать, для чего используется «комната отдыха», без обращения к медицинскому словарю. Слово «умер» также стараются употреблять реже, и заменяют его такими выражениями, как: «отошёл в мир иной», «отправился на небеса», и т.д. В каждом языке есть длинный список избегаемых слов, аффективные коннотации которых настолько неприятны или нежелательны, что люди не могут их сказать, даже когда это нужно.

Слова, относящиеся к физиологии и сексу – даже в едва значительной степени – имеют поразительные аффективные коннотации в Американской культуре. Женщины в предыдущем веке не могли заставить себя сказать «грудь» или «ножка» - даже если речь шла о курице – и поэтому употреблялись слова «белое мясо» и «тёмное мясо». Считалось бестактным говорить “go to bed” («ложиться спать»; дословно – «идти в кровать»), и вместо этого говорили “retire” («удаляться», «уединяться»). Такие вербальные табу – многочисленны и сложны, особенно сегодня на радио. Учёные и врачи, которых просили поучаствовать в радиотрансляциях, отказывались, когда узнавали, что простые физиологические термины, такие как «желудок» и «кишечник» - запрещены к произнесению на некоторых станциях. Более того, есть некоторые хорошо известные слова, аффективные коннотации которых настолько сильны, что если бы их напечатали в этой книге, даже с целью научного анализа, её бы изъяли из всех средних школ и библиотек, а те, кто бы послал её по почте США, подверглись бы федеральному преследованию.

Тем не менее, у сильных вербальных табу есть социальная ценность. Когда мы очень сильно злимся и чувствуем, что хотим выразить наш гнев насилием, высказывание этих запретных слов даёт нам относительно безвредную вербальную замену выхода из себя и разноса мебели в щепки. То есть, они выполняют функцию отдушины в кризисные моменты жизни.

Представляется сложным в полной мере объяснить, почему у некоторых слов есть такие сильные аффективные коннотации, а у других, с *такими же информативными коннотациями* – нет. Некоторые из наших вербальных табу, особенно религиозные, приходят из нашей ранней веры в магию слов; например, имена богов часто считались слишком священными, чтобы их произносить. Но не все табу можно объяснить магией слов. Физиологи считают, что наши вербальные табу на секс и физиологию, скорее всего, связаны с тем фактом, что у всех нас есть определённые чувства, которых мы настолько стыдимся, что не хотим признаваться об их существовании даже самим себе. Поэтому мы стараемся избегать слов, напоминающих нам об этих чувствах, и злимся на тех, кто эти слова говорит. Такое объяснение могло бы подтвердить весьма частое наблюдение, что те фанатики, кто наиболее ярко выражает мнение против «грязных» книг и пьес, поступают так не потому что их разум особенно благочестив, а потому что он особенно нездоров.

ПОВСЕДНЕВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА

Язык повседневной жизни отличается от «сообщений», которые мы обсудили в Главе 3. В сообщениях мы стараемся осторожно выбирать слова с информативными коннотациями, которые нам нужны, иначе читатель или слушатель не узнает, о чём мы говорим. Но, помимо этого, нам нужно снабдить эти слова аффективными коннотациями, чтобы заинтересовать, возбудить любопытство и вызвать чувства подобные нашим в отношении того, что мы говорим. Эта двойная задача возникает почти во всех обычных разговорах, речах, письмах и литературе. В основном, эта задача выполняется нами интуитивно; не осознавая, мы выбираем тон голоса, ритмы и аффективные коннотации, подходящие высказываниям. Однако в выборе информативных коннотаций высказываний мы практикуем более осознанный контроль. Наша способность понимать и применять язык улучшается в зависимости не только от тренировки нашего чувства информативности коннотаций слов, но также от тренировки наших интуитивных восприятий.

Ниже приведены примеры случаев, которые могут произойти в речи:

1. Информативные коннотации могут быть неадекватными и обманчивыми, тогда как аффективные коннотации могут быть организованы достаточно умело, чтобы мы могли их интерпретировать правильно. Например, когда кто-нибудь говорит: «Знаешь, кого я встретил сегодня?! Этого старого, как его зовут-то, ну ты знаешь, о ком я. Этот, который живёт на той улице, как её там», несмотря на то, что средства не информативны в достаточной мере, у нас всё равно, получается понимать, о чём идёт речь.

2. Информативные коннотации могут быть достаточно правильными, а экстенциональные значения ясными, но аффективные коннотации могут быть неподходящими, обманчивыми или нелепыми. Это случается часто, когда люди пытаются придать изящности тому, что они написали: «Джим сегодня на игре съел так много арахиса культурного, который обычно называют просто арахисом, что не смог должным образом обойтись со своим ужином».

3. Как информативная, так и аффективная коннотации могут «звучать нормально», но может не хватать «территории» соответствующей «карте». Например: «Долгие годы он жил в холмистой местности к югу от Чикаго». К югу от Чикаго нет холмистых местностей.

4. Как информативная, так и аффективная коннотации могут *сознательно* использоваться для создания «карт», «территорий» которых не существует. Есть много причин, по которым мы иногда хотим так поступать. Во-первых, когда мы хотим доставить удовольствие:

Но Купидонов жгучий дрот погас
 В сияньи чистом влажного светила,
 А царственная жрица шла спокойно,
 В девичьей думе, чуждая страстям.
 Все ж я заметил, что стрела вонзилась
 В молочно-белый западный цветок,
 Теперь багровый от любовной раны;
 У дев он прозван "праздною любовью".
 Ты мне его достань; его ты знаешь.
 Чьих сонных вежд коснется сок его,
 Тот возгорится страстью к первой твари,
 Которую, глаза раскрыв, увидит.

Сон в Летнюю Ночь (Перевод М. Лозинского)

Во втором случае мы делаем планы на будущее. Например, мы можем сказать: «Предположим, мы построим мост на этой улице; тогда плотность автомобилей на Хай Стрит частично снизится за счёт него...» Отчётливо представив результаты, мы можем рекомендовать или оспорить решение о строительстве моста, в зависимости от того, как мы относимся к результату. Отношения слов в настоящем к событиям в будущем мы обсудим в следующей главе.

ПРИМЕНЕНИЯ

1. Реклама известна своим относительным отсутствием информации и избытком аффективных коннотаций. Тем не менее, проанализировать образцы, приведённые ниже, разделяя их на два столбца, может оказаться полезным:

Вы оцените *различные* томатные соки, выжатые из *аристократических* помидоров.

Появился новый тип рубашки! Рубашка, продвинутая как самые быстрые самолёты! Рубашка, обладающая совершенством завтрашнего дня и *комбинацией* качеств, не превзойдённых ни одной из рубашек сегодня! Не *одно* превосходство – а *сумма* многих – делает новую *филадельфийскую* рубашку полностью удовлетворяющей вашим потребностям! Словами невозможно описать, как она сидит, ощущается и смотрится на вас! Вам нужно увидеть и примерить её, чтобы это понять.

Хотите ощутить чувство первого детского приключения? Тогда приходите прокатиться на *Уэстуиндском планере!* Этот автомобиль построен для быстрой езды по самым ухабистым дорогам с плавностью планера в полёте. Кузов установлен на мягкие, водянистые пружины, и пока вы сидите в капитанском кресле, бесшумный двенадцати-цилиндровый двигатель несёт вас по волнам.

Богатая мягкость табака Кингсуэй обязана заново открытому искусству *россыпи* – старому способу медленного смягчения высококачественных сортов табака. В *россыпи* неторопливо происходят чудеса природы; грубые свойства смягчаются, и каждый лоскуток табака Кингсуэй вбирает тонкие ароматы, что придаёт дыму непревзойденную мягкость.

2. Как мы отметили, такое утверждение как «Он ведёт себя грубо и невоспитанно», может быть сделано тем, кто подходит к ситуации более дружелюбно: «Он ведёт себя просто и непринуждённо». Попробуйте перефразировать следующие утверждения так, чтобы их можно было применить к той же ситуации, но передать более благосклонные суждения:

Партия больших шишек была реакционной.

Миссис Смит всегда совала нос в чужие дела.

Он предвзято относится к профсоюзам.

Она много и громко болтает.

Он завалил учёбу, и его вышвырнули из школы.

Они тратят все деньги, которые он зарабатывает.

Он – коммунистический перебежчик.

Он был шпионом во время мировой войны.

Новое правительство беспощадно подавило всю оппозицию.

Толпа, приветствовавшая кандидата, истерила и буйствовала.

Конгрессмен Блэнк – демагог.

Полоний был нравоучительным болваном.

Он однобоко думал о календарной реформе.

Небольшая группа упрямых людей препятствовала необходимому законодательству.

Она всегда готова похвастаться своими навыками игры на пианино.

Мужчины за ней бегают, потому что она всегда ведёт себя мило и беспомощно.

7

ДИРЕКТИВНЫЙ ЯЗЫК

Влияние парада звонких фраз на человеческое поведение до сих пор не исследовали надлежащим образом.

ТЁРМАН У. АРНОЛЬД

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

НАИБОЛЕЕ интересной и, по-видимому, наименее понятой связью между словами и вещами является связь между словами и событиями будущего. К примеру, когда мы говорим: «Иди сюда!», мы не описываем экстенциональный мир вокруг нас, и не просто выражаем свои чувства; мы пытаемся *сделать так, чтобы что-то произошло*. То, что мы называем «командами», «требованиями», «просьбами» и «приказами» - это наши самые простые способы делать так, чтобы вещи происходили с помощью слов. Существуют, конечно, и более сложные способы. Когда мы говорим: «Наш кандидат – выдающийся американец», мы восторженно мурлыкаем о кандидате, но мы также можем оказывать этим влияние на людей, чтобы они за него проголосовали. Когда мы говорим, «Наша война против врага – это война по воле божьей, которой мы должны следовать до победы», мы говорим о чём-то, что нельзя проверить научно; тем не менее, это может повлиять на других так, что они будут продолжать поддерживать войну. Или если мы просто утвердим фактом: «Молоко содержит витамины», мы можем поспособствовать тому, что кто-то станет покупать молоко.

Подумайте также о таком высказывании как: «Встретимся завтра в два часа у театра Пэлэс». Стоит заметить, что такое утверждение о *будущем* можно сделать только в системе, в которой символы не зависят от вещей, которые они символизируют. Другими словами, карту можно сделать, не смотря на то, что обозначаемая ею территория ещё не существует. Ориентируясь по таким картам будущих территорий, мы можем допустить некую прогнозируемость будущих событий.

Таким образом, словами мы влияем и в значительной степени *контролируем события будущего*. Именно по этой причине писатели пишут, проповедники проповедуют, начальники, родители и учителя ругают, пропагандисты делают пресс-релизы, политики выступают с обращениями, и т.д. Все они, по разным причинам, пытаются повлиять на наше поведение – иногда для нашего блага, а иногда для собственного. Эти попытки контролировать, направлять или влиять на будущие поступки своих собратьев людей словами, можно обозначить термином *директивное использование языка*.

Очевидно, что если директивный язык должен давать директивы, то он не может быть сухим и скучным. Если он должен влиять на наше поведение, то он *обязан* целесообразно

использовать все аффективные элементы языка: драматические смены тона голоса, рифмы и ритмы, рычание и мурлыканье, слова с сильными аффективными коннотациями, бесконечное повторение. Если слушателей побуждают бессмысленные звуки, значит нужно издавать бессмысленные звуки; если их побуждают факты, нужно приводить факты; если их побуждают благородные идеалы, нужно, чтобы наши предложения выглядели благородно; если ими движет страх, нужно их как следует напугать.

Аффективные средства директивного языка ограничены природой наших целей. Если мы хотим настроить людей дружелюбно друг к другу, мы, очевидно, не хотим вызывать чувства ненависти или жестокости. Если мы хотим, чтобы люди вели себя более разумно, нам явно не стоит полагаться на неразумные призывы. Если мы хотим, чтобы люди делали свою жизнь лучше, мы станем использовать аффективные призывы, которые пробудят их самые благородные чувства. Поэтому среди директивных высказываний можно встретить множество великих и высоко оцениваемых литературных трудов: христианские и буддистские писания, произведения Конфуция, *Ареопагитика* Милтона и Геттисбергская речь Линкольна.

Однако бывают случаи, когда чувствуется, что сам язык недостаточно аффективен, чтобы привести к желаемым результатам. Поэтому мы дополняем директивный язык *невербальными аффективными призывами*. Мы дополняем слова «Иди сюда» жестами рук. Рекламодателям недостаточно говорить слова о том, какими красивыми нас сделают их товары; они дополняют свои слова использованием ярких цветов и фотографий. Газетчикам нельзя просто написать, что Новый курс¹⁰ «опасен»; они дополняют статью политической карикатурой, где сторонники Нового курса изображены, как невменяемые преступники, которые укладывают динамитные шашки под красивое строение с вывеской «Американский образ жизни». Аффективные призывы религиозных проповедей могут дополнить костюмами, запахом ладана, литаниями, хоровым пением и звоном колоколов. Политический кандидат, желающий занять пост, подкрепляет свою речь широким многообразием невербальных аффективных призывов: духовые оркестры, флаги, парады, пикники и бесплатные сигары.

Если мы хотим, чтобы люди делали определённые вещи, и нам нет дела до того, *почему они их делают*, аффективные призывы – неотъемлемы. Некоторые политики хотят, чтобы мы голосовали за них, независимо от того, какие у нас на это причины. Поэтому если мы не любим богатый класс, они будут рычать для нас на богатый класс; если нам не нравятся забастовщики, они будут рычать на забастовщиков; если нам нравятся пикники, они устроят пикник; если большинству из нас нравится деревенская музыка, они могут не сказать ничего о проблемах с правительством и путешествовать по стране с деревенскими музыкантами. Большинство предпринимателей хотят, чтобы мы покупали их товары, независимо от того, почему мы их станем покупать. Если ложные представления и выдумки подталкивают нас к покупке их товаров, то они будут стараться создать ложные представления и выдумки. Если мы хотим пользоваться популярностью противоположного пола, они нам это пообещают; если нам нравятся привлекательные девушки в купальниках, они постараются создать видимую ассоциацию их товаров с привлекательными девушками в купальниках, и не важно, что они

¹⁰ "Новый курс" (система экономических мероприятий президента Ф. Д. Рузвельта (1933-45) (Большой англо-русский фразеологический словарь. © «Русский язык-Медиа», 2006, Кунин А.В.)

продают – крем для бритья, автомобили, летние курорты, мороженное, краску для забора или инструменты. Если бы закон не запрещал им показывать привлекательных девушек без купальников, то они бы так и делали. Отчёты федеральной торговой комиссии, а также реклама в некоторых крупно-тиражных изданиях, показывают, что некоторые рекламодатели вообще не знают в этом пределов.

СКРЫТЫЕ ОБЕЩАНИЯ ДИРЕКТИВНОГО ЯЗЫКА

Помимо аффективных вербальных и невербальных элементов, сопровождающих директивные высказывания, которые имеют своей целью привлечение внимания или создание приятных ощущений, среди которых можно назвать повторение, красоту языка, духовые оркестры на политических парадах, яркие цвета в рекламе, фото привлекательных девушек, и так далее – *практически все директивные высказывания говорят что-то о будущем*. Они – «карты», явно или косвенно, «территорий» которые должны появиться. Они указывают нам, как нужно поступать с обещанием, что у наших поступков будут определённые последствия: «Если вы соблюдаете билль о правах, то ваши гражданские права тоже будут защищены». «Живите по этим религиозным принципам, и в вашей душе будет покой». «Читайте этот журнал, и вы будете в курсе важных событий». «Принимайте таблетки МакКартера для печени и наслаждайтесь жизнью». Конечно, мы знаем, что некоторые из этих обещаний выполняются, а другие нет. Более того, мы ежедневно слышим обещания, которые очевидно невозможно выполнить.

Возражать против рекламы и политической пропаганды – как поступают некоторые люди – на том основании, что они основаны на «эмоциональных призывах», не имеет смысла. Это бесполезно, если только у языка нет какой-либо аффективной силы. Мы не протестуем против кампаний, в которых говорится: «По жертвуйте деньги в объединённый благотворительный фонд, чтобы обеспечить лучшую заботу о сиротах», хотя это «эмоциональный призыв». Мы также не возмущаемся по поводу напоминаний о родине, друзьях и стране, когда кто-то директивным языком говорит нам о морали или патриотизме. Важный вопрос, который стоит задать о директивных высказываниях – это «Случится ли обещанное, если я поступлю в соответствии с директивой? Если я приму вашу философию, я достигну душевного спокойствия? Если я за вас проголосую, мои налоги снизят? Если я буду пользоваться этим мылом, мой молодой человек вернётся ко мне?»

Наше неодобрение справедливо в отношении рекламодателей, делающих ложные и обманчивые заявления, и в отношении политиков, которые не выполняют свои обещания, хотя и стоит признать, что порой они дают невыполнимые обещания под давлением самих избирателей. Жизнь неопределённа и непредсказуема, и поэтому мы всегда стараемся узнать, что произойдёт в будущем, чтобы быть к этому готовыми. С помощью директивных высказываний мы пытаемся узнать, как осуществить определённые желательные события, и как избежать нежелательных событий. Мы снижаем неопределённость жизни, полагаясь на то, что говорит нам директивный язык. Однако директивные высказывания имеют такое свойство, что события *не* происходят так, как были спрогнозированы. Если после того как мы поступили, как нам было сказано, но не нашли душевного спокойствия, наши налоги не снизили, наш

молодой человек к нам не вернулся, и желе, которое рекламировали на всю страну, не дало нам «моря энергии», наступает разочарование. Такие разочарования могут быть как тривиальными, так и тяжкими; так или иначе, они настолько распространены, что мы порой даже не жалуемся на них. В своих последствиях они, тем не менее, весьма серьёзны. Каждое из них, в большей или меньшей степени, служит нарушению взаимного доверия, без которого невозможно сотрудничество в человеческом обществе.

Поэтому каждый из нас, кто делает директивные высказывания, вместе с их указанными или скрытыми обещаниями, морально обязан быть настолько уверенным, насколько может, так как не может быть абсолютной уверенности в том, что он не создаёт в слушателях ложные ожидания. Политики, которые обещают немедленно покончить с бедностью, рекламодатели, которые обещают, что проблемы жизни в браке можно решить, покупкой хозяйственного мыла новой марки, газетчики, которые пророчат развал страны, если финансирующая их партия не будет избрана – все, кто подобным образом пользуется языком, по описанным причинам, угрожает общественному порядку. Не имеет значения, высказываются ли такие обманчивые директивы в силу невежества и ошибок или с сознательным намерением ввести в заблуждение, потому что разочарования, которые они вызывают – близки в том, что они губительно сказываются на умении и желании людей доверять друг другу.

ФУНДАМЕНТ ОБЩЕСТВА

Однако проповеди, неважно, насколько возвышенные, и пропаганда, не важно, насколько, убедительная, не создают общество. Мы можем игнорировать такие директивы, если захотим. Мы подходим к директивным высказываниям, которые мы не можем игнорировать, если хотим оставаться организованными в социальных группах.

То, что мы называем обществом – это обширная сеть взаимных согласований. Мы соглашаемся воздерживаться от убийства наших сограждан, и они соглашаются, в свою очередь, не убивать нас. Мы соглашаемся вести машину по правой стороне дороги, и другие соглашаются делать то же самое. Мы соглашаемся доставлять определённые товары, а другие соглашаются платить нам за них. Мы соглашаемся соблюдать правила организации, а организация соглашается позволять нам получать удовольствие от её привилегий. В эту сложную сеть согласований вплетены почти все мельчайшие аспекты наших жизней, и на ней основывается большинство наших ожиданий; и состоит она по существу из *утверждений о событиях будущего, которые мы должны собственными усилиями осуществить*. Без таких согласований, такой вещи как общество не существовало бы. Мы бы жаллись по одиночим пещерам и не смели бы доверять никому. С такими согласованиями и желанием со стороны подавляющего большинства людей жить по ним, поведение становится относительно предсказуемым; сотрудничество становится возможным; устанавливаются мир и свобода.

Поэтому, для того чтобы продолжать существовать как люди, мы *должны* прививать образы поведения друг другу. Мы должны способствовать тому, чтобы граждане следовали социальным и гражданским традициям; мы должны способствовать тому, чтобы мужья почтительно относились к своим жёнам, тому, чтобы солдаты были отважными, судьи – справедливыми, проповедники – благочестивыми, а учителя – заботливыми в отношении своих

учеников. На ранних стадиях культуры основным средством прививания образов поведения было физическое принуждение. Но такой же контроль можно практиковать, как люди открыли давным-давно, *словами* – то есть, директивным языком. Поэтому директивы, касающиеся того, что общество в целом считает существенным для собственной безопасности, делаются наиболее влиятельными, чтобы каждый индивидуум в этом обществе смог прочувствовать свой долг. Для полной уверенности, слова подкрепляются обещаниями наказания, которое, возможно, включает пытки и смерть, тех, кто не следует директивам.

ДИРЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С КОЛЛЕКТИВНОЙ САНКЦИИ

Среди наиболее интересных лингвистических событий выделяются директивные высказывания с коллективной санкции, имеющие своей целью попытаться привить образы поведения индивидуумам в интересах всей группы. Как правило, они не просто сопровождаются ритуалом, а служат его главной целью. Пожалуй, не существует высказываний, которые воспринимаются нами серьёзнее и влияют на нашу жизнь сильнее, чем те, о которых мы спорим наиболее ожесточённо. Среди высказываний такого типа можно назвать: конституции стран и организаций, законные контракты, должностные присяги, и т.д. В брачных клятвах, конфирмациях, инициациях и официальных введениях в должность они выступают основной составляющей. Наводящие ужас вербальные джунгли, называемые законами – это просто систематизация директив, которые накапливали и изменяли на протяжении столетий. Законы – это сильнейшая коллективная попытка общества обеспечить предсказуемость человеческого поведения.

Директивные высказывания, сделанные с коллективной санкции, могут проявлять любые или все из следующих свойств:

1. Такой язык практически всегда выражается словами с аффективными коннотациями, чтобы произвести сильное впечатление. Архаичные и устаревшие слова, или возвышенная фразеология маловероятно используются в повседневном языке. Например: “Wilt thou, John, take this woman for thy lawful wedded wife?”¹¹ «Данный договор аренды, от десятого июля тысяча девятьсот сорокового года, между Сэмюэлом Смитом, здесь и далее именуемым Арендодатель, и Джеремайя Джонсоном, здесь и далее именуемым Арендатор, удостоверяет, что Арендодатель в соответствии со статьями данного договора, сдаёт в аренду Арендатору частное жилое помещение, а именно помещения, подпадающие под следующее описание...».

2. Такие директивные высказывания часто сопровождаются отсылками к сверхъестественным силам, призванным помочь выполнить клятву, или наказать нас за её невыполнение. Например, присяга обычно заканчивается словами: «И да поможет мне Бог». Молитвы и проповеди сопровождают высказывания важных клятв практически во всех культурах, от самых примитивных до самых цивилизованных. Они служат для того чтобы наши клятвы произвели на нас впечатление.

¹¹ рус. «Согласен ли ты, Джон, взять эту женщину в законные супруги?»; на современном английском: “Will you, John, take this woman to be your wife?”

3. Если Бог не накажет нас за не следование согласованиям, то в утверждениях указывается или подразумевается, что это сделают наши собратья люди. Например, нам всем известно, что нас могут посадить в тюрьму за отказ от выполнения обязательств, неуплату алиментов или за супружескую измену. Нас могут также судить за «нарушение условий договора», «лишить сана» за действия, противоречащие священным клятвам, «лишить звания» за «попущки, неподобающие офицеру», «свергнуть» за «злоупотребление общественным доверием» или расстрелять за «измену».

4. Официальному и публичному высказыванию клятв могут предшествовать различные подготовительные дисциплины, такие как обучение значению высказываемых клятв; пост и умерщвление плоти перед приёмом в духовенство; церемонии инициации с пытками, как в случаях с присвоением статуса воина в некоторых племенах или в студенческих сообществах.

5. Высказывание директивного языка может сопровождаться другими мероприятиями или жестами в расчёте на то, что они произведут впечатление на разум. К примеру, все встают в зале суда, перед тем как судья начинает заседание; коронации сопровождаются огромными парадами, на которых все одеты в необычные костюмы; на церемониях вручения дипломов надевают академическую мантию; на свадьбы нанимают органистов и сопрано, и одеваются в особую одежду.

6. За произнесением клятв может последовать банкет, танцы или другие увеселительные мероприятия; и они, по-видимому, тоже служат лучшему закреплению влияния клятв. На свадьбах принимают гостей и празднуют, на выпускной вечер для студентов организуются танцы, для призывников организуют банкеты, и даже в самых скромных социальных кругах имеется некоторая форма «торжества», когда член семьи вступает в какое-либо социальное соглашение. В первобытных культурах за церемониями инициации лидеров могут следовать празднества, длящиеся несколько дней или недель.

7. В тех случаях, когда первая клятва не произносится во время особой церемонии, влияние на память оказывается с помощью частого повторения. Ритуал с флагом («Я клянусь в верности флагу Соединённых Штатов...») повторяется ежедневно в некоторых школах. Девизы – кратко сформулированные общие директивы – часто повторяются вслух, наносятся на посуду, ворота, стены, двери, оружие – на любые хорошо заметные места, чтобы напоминать людям об их обязанностях.

Общая черта всех этих действий, сопровождающих директивные высказывания, наряду с аффективными элементами в языке директивных высказываний – это глубокое влияние, которое они оказывают на память. Для этого используются сенсорные впечатления – от трудом переносимой боли на церемонии инициации до удовольствия от празднования, музыки и цветастой одежды – и эмоции – от страха божественного наказания до гордости за особое общественное внимание. Всё это делается для того чтобы человек, который вступает в соглашение с обществом – то есть, человек, который высказывает «карты» ещё не существующей «территории» - никогда не забывал о том, что ему нужно продолжать пытаться сделать так чтобы эта «территория» существовала.

По этим причинам, когда кадет получает свое звание, когда еврейский мальчик празднует *бар-мицва* (тринадцатилетие), когда священник даёт свои клятвы, когда полицейскому вручают его нагрудный жетон, когда гражданин иностранного происхождения получает гражданство США или когда президент принимает присягу – такие события не забываются. Даже если потом человек понимает, что он не выполнил свои клятвы, он не может избавиться от чувства, что он должен был их выполнить. Все из нас пользуются и реагируют на такие директивы. Фразы и речи, на которые мы реагируем, демонстрируют наши глубочайшие религиозные, социальные, патриотические, профессиональные и политические преданности более точно, нежели наши документы о гражданстве или членские карты в наших карманах, или значки, приколотые к одежде. Человек, сменивший свою религию, будучи уже взрослым, может захотеть вернуться к прежней форме вероисповедания, если увидит или услышит ритуал, к которому он привык с детства. Такими способами люди применяют слова, чтобы прогнозировать будущее и контролировать поведение друг друга.

ЧЕТЫРЕ СНОСКИ

Перед тем как мы закончим обсуждение директивного языка, стоит добавить четыре примечания. Во-первых, стоит помнить: учитывая, что слова не могут «сказать всего» о чём-либо, подразумеваемые обещания в директивном языке – это не более чем «контурные карты» «грядущих территорий». Будущее заполняет эти контуры, часто весьма неожиданным образом. Порой, будущее никак не связано с нашими «картами», не смотря на все наши попытки осуществить обещанные события. Мы клянёмся всегда быть хорошими гражданами и всегда исполнять наш долг, но нам никогда не удаётся быть хорошими гражданами *каждый* день нашей жизни, и исполнять *все* наши долги. Благодаря пониманию, что директивы не могут в *полной мере* привить какой-либо образ поведения в будущем, мы не строим невероятных ожиданий, и поэтому не страдаем от излишних разочарований.

Во-вторых, стоит различать между директивным «есть» и информативным «есть».¹² Такие утверждения как «Бойскаут – честен, смел и благороден» или «Полицейские – защитники слабых» *ставят цель*, но не обязательно описывают имеющуюся ситуацию. Это крайне важно, потому что слишком часто люди понимают такие определения за описания, и из-за этого удивляются и разочаровываются, когда встречают не благородных бойскаутов или полицейских, которые обижают слабых. Такие люди могут решить, что они «больше не будут доверять никаким бойскаутам» или «никаким полицейским», что, конечно же – вздор.

В-третьих, стоит отметить, что определения, когда они не являются описательными утверждениями о языке, как более полно объясняется в Главе 8, они почти всегда являются *директивами о языке*. Определения не говорят нам ничего о вещах, которые слово обозначает; они просто показывают нам, как использовать слова. Например, если кто-то говорит нам: «Воинский призыв можно определить как организованное растаптывание прав человека», это не говорит нам ничего непосредственно о воинском призыве, а просто говорит нам говорить о

¹² Имеется ввиду часто используемый в английском языке глагол *to be* (*быть/являться*), который в русском языке, в форме настоящего времени часто опускается; на письме может заменяться знаком *тире*. Например: He is an engineer. – Он – (есть) инженер.

воинском призыве так же, как мы бы говорили о чём-либо другом, к чему можно было бы применить выражение «организованное растаптывание прав человека». Нередко такие определения якобы призваны раскрыть нам «истинную суть» того, что определяется: «Вот, что такое воинский призыв на самом деле!» Даже в этой книге есть утверждения, которые могут прозвучать, будто они раскрывают «истинную суть» некоторых лингвистических процессов. Читатель может считать это предупреждением, что таких намерений книга не имеет. Она просто рекомендует читателю *говорить* о лингвистических событиях определёнными способами, например, используя такие термины как «сообщение», «символический процесс», «директивный язык» и «аффективная коннотация». Под этой рекомендацией, читателю обещается, что если он будет поступать в соответствии с ней, он сможет прояснить некоторые проблемы. Похожие директивы о том, какие слова употреблять в каких условиях, можно найти практически во всех описаниях.

И наконец, стоит отметить, что многие из наших социальных директив и многие из ритуалов, которые их сопровождают – устарели и, в некотором роде, оскорбительны для зрелого ума. Ритуалы, возникшие во времена, когда людей нужно было пугать, чтобы они поступали хорошо, не нужны людям, уже имеющим чувство социальной ответственности. Например, пятиминутная свадебная церемония, проведённая в здании муниципалитета для взрослой, ответственной пары, может быть лучше, чем полно-парадная церковная церемония для молодой пары. Не смотря на то, что сила социальных директив, очевидно, зависит от готовности, зрелости и разумности людей, которым эти директивы адресованы, люди всё ещё слишком склонны полагаться на эффективность церемоний как таковых. Эта склонность существует из-за давней веры в магию слов – идее о том, что *говоря* что-либо по несколько раз или определённым церемониальным способом, мы можем заковать будущее и заставить события происходить так, как мы сказали: “There’ll always be an England!” (рус. «Англия будет всегда» - патриотическая песня, 1939). Интересный пример этого суеверного отношения к словам и ритуалам можно найти среди школьных комитетов и преподавателей, которые сталкиваются с проблемой «образования студентов для демократии». Вместо того чтобы уделять больше времени фактическому изучению демократических институтов, создавая больше возможностей для демократических практик, способствующих выработке политического понимания и зрелости студентов, такие преподаватели довольствуются тем, что устраивают более крупные церемонии дани уважения флагу и ищут больше поводов хором спеть “God Bless America” (рус. «Боже Благослови Америку» - патриотическая песня, 1918, 1938). Удивляться не придётся, если в результате таких «образовательных» мероприятий слово «демократия» станет бессмысленным звуком для некоторых студентов.

ПРИМЕНЕНИЯ

Большинство, но не все, из следующих фраз – директивы. Какие это директивы, и каковы их подразумеваемые обещания?

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Дорога ложка к обеду. (дословный перевод: Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти.)

Между капиталом и рабочим классом нет конфликта.

Стоит ли забывать о старых знакомых и никогда о них не вспоминать?

Парковка запрещена.

Лучший друг человека – его собака.

Мы считаем очевидными следующие истины: все люди созданы равными и одарены своим Создателем определёнными неотъемлемыми Правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью.

Господа присяжные! Вам стоит признать это подлое преступление тем, чем оно является – жестоким, хладнокровным убийством!

Прямая линия – это кратчайшее расстояние между двумя точками.

Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки!

Потоки, ураганы, затопите

Все колокольни, флюгера залейте!

Король Лир (перевод Т.Л. Щепкина-Куперник)

«Великодушие и милость будет сопровождать меня всю жизнь: и я пребуду в царстве Господа всегда».

Псалтырь 23:6

**ДАнным УДОСТОВЕРЯЕТся ВКЛАД В КАЗНАЧЕЙСТВЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В РАЗМЕРЕ ОДНОГО ДОЛЛАРА,
ПОДЛЕЖАЩИЙ ВЫПЛАТЕ СЕРЕБРОМ ПО ЗАПРОСУ ВЛАДЕЛЬЦА**

Данным я завещаю сумму в десять тысяч долларов своей сестре, Мэри Андерсен Джонс и её наследникам и правопреемникам...

Я торжественно клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет мне Бог.

Мы упали духом? Нет!

И запомните, дамы и господа, уважаемые слушатели, что когда вы говорите “Blotto Coffee” продавцу в магазине, вы говорите нам «Спасибо».

8

КАК МЫ ЗНАЕМ ТО, ЧТО ЗНАЕМ

Силлогизм состоит из утверждений; утверждения состоят из слов; слова – это символы идей. Следовательно, если сами идеи, как источник материи, спутаны и опрометчиво абстрагированы из фактов, надстройка будет шаткой.

ФРЭНСИС БЭЙКОН

КОРОВА БЭССИ

Вселенная пребывает в процессе постоянного изменения. Звёзды постоянно движутся, растут, остывают, взрываются. Планета Земля тоже не прекращает меняться; горы осыпаются, реки меняют направление, долины углубляются. Вся жизнь – это процесс изменений, включающий рождение, рост, увядание и смерть. Даже то, что мы привыкли называть «инертным веществом» - стулья, столы и камни – не инертно, ведь нам известно, что на субмикроскопическом уровне, они представляют собой вихри электронов. Если стол выглядит сегодня почти так же, как он выглядел вчера или сто лет назад, это не потому, что он не изменился, а потому, что изменения эти были слишком малы для нашего грубого восприятия. Для современной науки «цельного вещества» не существует. Если для нас вещество выглядит «цельным», то только потому, что его движение слишком быстрое или незначительно медленное для нашего восприятия. Оно «цельное» только в том смысле, в котором быстро вращающаяся цветовая палитра – «белая» или быстро вращающийся волчок «стоит на месте». Наши чувства – крайне ограничены, и поэтому нам всегда приходится пользоваться инструментами, такими как микроскопы, телескопы, спидометры, стетоскопы, сейсмографы, чтобы распознавать и фиксировать события, которые мы не можем напрямую воспринимать. То, как мы видим и чувствуем – это следствие особенностей наших нервных систем. Существуют «видимости», которые мы не видим, и, как это знают даже дети благодаря высокочастотным свисткам для собак, «звуки», которые мы не слышим. Из этого следует, что абсурдно предполагать, что мы можем воспринимать что-либо «как оно есть».

Даже притом, что наши чувства позволяют воспринимать окружающий мир не в полной мере, благодаря вспомогательным инструментам они позволяют узнавать очень много. Открытие микроорганизмов с помощью микроскопа позволило нам в некоторой степени контролировать бактерии. Мы не видим и не слышим радиоволны, но мы можем создавать и передавать их с пользой для себя. Мы познаём внешний мир в инженерии, в химии и в медицине благодаря механическим приспособлениям, которые увеличивают возможности наших нервных систем. Чтобы узнать о чём-то в современном мире, наших чувств, без помощи таких приспособлений, едва ли достаточно. Мы даже не можем поддерживать лимит скорости

на дорогах или провести вычисления для уплаты наших счетов за газ и электричество, если у нас нет устройств, расширяющих наше восприятие.

Возвращаясь к отношениям между словами и тем, что они обозначают, давайте представим, что перед нами корова по кличке «Бэсси». Бэсси – это живой организм; она постоянно меняется, постоянно поглощает пищу и воздух, трансформирует их и избавляется от них. Её кровь циркулирует, а нервы посылают сигналы. Если рассмотреть её под микроскопом, она представляет собой массу разнообразных частиц, клеток и бактериальных организмов; с точки зрения современной физики, она представляет собой непрерывное движение электронов. Чем она является в своей целостности, мы никогда не узнаем; даже если в какой-то конкретный момент мы могли бы точно сказать, чем она является, то в следующий момент она бы изменилась до такой степени, что наше описание уже нельзя было бы к ней применить из-за его неточности. Невозможно в полной мере сказать, чем Бэсси или что-либо другое на самом деле *является*. Бэсси – это не статичный «объект», а динамический процесс.

Бэсси, которую мы воспринимаем – это опять же, что-то другое. Мы испытываем лишь малую часть целой Бэсси: свет и тени на её поверхности, её движения, её общие очертания, звуки, которые она издаёт, и ощущения, возникающие от прикосновения к ней. *И за счёт нашего прошлого опыта, мы наблюдаем в ней схожести с определёнными другими животными, к которым в прошлом мы применяли слово «корова».*

ПРОЦЕСС АБСТРАГИРОВАНИЯ

«Объект» нашего восприятия – это не «вещь сама по себе», а *взаимодействие между нашей нервной системой (со всеми её несовершенствами) и чем-то за её пределами*. Бэсси – уникальна – во вселенной нет ничего в точности такого же, как она. Но наша нервная система, автоматически *абстрагируя* или отбирая из процесса Бэсси те свойства, которыми она схожа с другими животными похожего размера, функций и поведения, *классифицирует* её как «корову».

Поэтому, когда мы говорим: «Бэсси – это корова», мы лишь отмечаем, что процесс Бэсси схож с другими «коровами», и *игнорируем отличия*. Кроме того, мы уходим достаточно далеко от динамического процесса Бэсси – вихря электро-химическо-нейронных событий – к относительно статичной «идее», «концепту», или *слову*, «корова». Чтобы лучше понять это, вы можете ознакомиться с диаграммой «Лестница Абстрагирования» на следующей странице.

Как показывает диаграмма, «объект», который мы видим – это абстракция самого низкого уровня, но это, тем не менее, абстракция, так как она опускает характеристики процесса, который является настоящей Бэсси. Слово «Бэсси» (корова₁) – это самый низкий *вербальный* уровень абстракции, опускающий ещё больше характеристик – различия между Бэсси сегодня и Бэсси вчера; между Бэсси сегодня и Бэсси завтра – и отбирающий только схожести. Слово «корова» отбирает только схожести между Бэсси (коровой₁), Дэйзи (коровой₂), Роузи (коровой₃), и так далее, и следовательно, опускает ещё больше подробностей о Бэсси. Словосочетание «домашний скот» отбирает или абстрагирует только те свойства, которыми Бэсси схожа со свиньями, курицами, козами и овцами. Термин «сельское имущество»

абстрагирует только те свойства, которыми Бэсси схожа с сараями, заборами, домашним скотом, мебелью, генераторными установками и тракторами, и поэтому находится на очень высоком уровне абстракции. Ветви указывают на то, что в обсуждении Бэсси с разными целями, абстрагирование происходит по-разному. Этот момент мы обсудим подробнее в Главе 10.

ЛЕСТНИЦА АБСТРАГИРОВАНИЯ¹

Начинайте читать с низа страницы *ВВЕРХ*

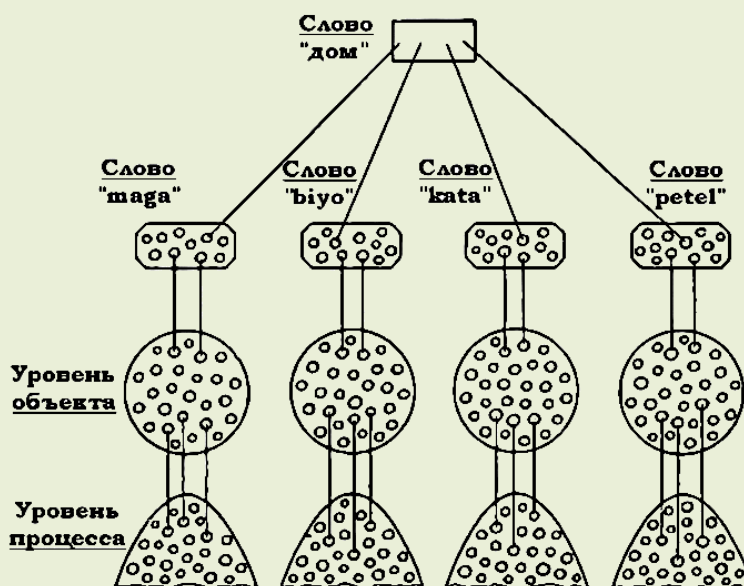
¹ Адаптировано из "Структурного дифференциала", с разрешения автора - А. Коржибски.

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ АБСТРАГИРОВАТЬ

Этот процесс абстрагирования, в котором мы опускаем характеристики – незаменимо удобен. Чтобы это продемонстрировать, приведём ещё один пример: представим, что есть деревня, в которой живёт четыре семьи, и у каждой из них есть дом. Дом семьи А называют *taqa*; дом семьи В называют *biyo*; дом семьи С называют *kata*, а дом семьи D – *pelel*. Это удовлетворяет потребностям обычного общения в деревне, если только не начнётся обсуждение постройки нового дома на случай, если кто-то захочет пожить отдельно. Мы не можем назвать спроецированный дом одним из четырёх слов для уже существующих домов, потому что у каждого слова есть слишком определённое значение. Нам нужно найти *общий*

термин, на более высоком уровне абстракции, который бы означал «что-то, имеющее общие характеристики с *maga*, *biyo*, *kata* и *petel*, но при этом не принадлежать ни одной из семей». Проговаривать это каждый раз – слишком неудобно, поэтому нужен термин *покороче*. Предположим, что мы выбрали звук *дом*. Слова приходят из необходимости условно что-то обозначить. Создание новой абстракции – это большой шаг вперёд, так как он *делает обсуждение возможным*; в этом случае – не только обсуждение пятого дома, но и всех будущих домов, которые мы можем построить, увидеть в путешествиях или во снах. Такой *вещи* как «некий дом» не существует.¹³ «Некий дом» - это абстракция. Есть только дома – дом₁, дом₂, дом₃, и так далее, и каждый из них имеет характеристики, которых нет у других домов.

(Адаптировано с разрешения из книги *Science and Sanity* Альфреда Коржибски)

Незаменимость процесса абстрагирования можно также продемонстрировать тем, что мы делаем, когда «калькулируем». Слово «калькулировать» (*англ.* “calculate”) произошло от латинского слова *calculus*, означавшего «гальку». Современное значение оно приобрело за счёт древней практики класть камешек в коробку каждый раз, когда одна овца покидала загон, чтобы можно было сверить количество вернувшихся овец с количеством гальки, и убедиться, что ни одна овца не потерялась. Несмотря на примитивность этого примера калькуляции, он показывает, почему работает математика. Каждый камешек в этом примере – это абстракция, представляющая «тождественность» каждой овце – её числовое значение. Так как мы абстрагируем подробности из экстенциональных событий по ясным и унифицированным принципам, числовые факты, относящиеся к гальке, предотвращают непредвиденные обстоятельства числовых фактов, относящихся к овцам. Наши иксы, игреки и другие математические символы – такие же абстракции, только ещё более высокого уровня. Ими удобно пользоваться в прогнозировании событий и выполнении задач, потому что, за счёт того, что это абстракции, сделанные с правильным и единообразным учётом экстенционального

¹³ «некий дом» - в оригинале “a house” – в английском языке артикль *a* перед существительным придаёт ему значение *неопределённый, один из многих подобных, какой-то, не конкретный* и т.д.; в русском языке данное значение понимается из контекста или уточняется.

мира, отношения, которые показывают символы, будут препятствовать непредвиденным обстоятельствам – отношениям в экстенциональном мире.

КАСАТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Определения, вопреки мнению большинства, не говорят нам ничего о вещах. Они лишь описывают лингвистические привычки людей; то есть, они говорят нам о том, в каких условиях, какие звуки люди издадут. Определения стоит понимать как *утверждения о языке*.

Дом. Это слово, на более высоком уровне абстракции, которым можно заменить более громоздкое выражение: «Нечто, имеющее общие характеристики с бунгалом Билла, коттеджем Джордана, гостиничным домом Миссис Смит, поместьем доктора Джонса...»

Красный. Абстрагируется свойство, которое разделяют рубины, розы, спелые помидоры, грудное оперение малиновки, сырая говядина и губные помады, и это слово выражает эту абстракцию.

Кенгуру. Когда биологи говорят: «травоядное млекопитающее, сумчатое семейства кенгуровых», обычные люди говорят «кенгуру».

Стоит заметить, что определения «дома» и «красного», данные здесь, указывают, на *нижние* уровни абстракции (см. диаграммы), но определение «кенгуру» остаётся на том же уровне. То есть, в случае с «домом» мы при необходимости могли бы пойти и *посмотреть* на бунгало Билла, коттедж Джордана, гостиничный домик Миссис Смит и на поместье доктора Джонса, и самостоятельно заключить, какие свойства они разделяют; таким способом мы могли бы начать понимать, в каких условиях использовать слово «дом». Но всё, что мы знаем о «кенгуру» из вышесказанного – это то, что некоторые люди говорят одно, а другие – другое. Другими словами, когда, давая определение, мы остаёмся на *одинаковом* уровне абстракции, мы не даём никакой информации, кроме тех случаев, когда слушатель или читатель уже достаточно знаком с определяющими словами, чтобы самостоятельно спуститься по лестнице абстрагирования. Чтобы сэкономить бумагу, при составлении словарей во многих случаях предполагается, что читатель уже знаком с таким языком. Однако в тех случаях, когда предположение – неоправданно, определения на том же уровне абстракции – бесполезны. Если поискать слово «безразличие» в каком-нибудь дешёвом карманном словаре, можно найти такое определение как «апатия»; если же поискать слово «апатия», можно найти слово «безразличие».

Но ещё бесполезней, это когда определения отправляют *вверх* по лестнице абстрагирования, на *более высокие* уровни абстракции – именно такие определения многие из нас дают автоматически. Попробуйте следующий эксперимент с кем-нибудь, кто не знаком с обсуждаемой темой:

«Что имеется ввиду под *красным*?»

«Это цвет».

«Что такое *цвет*?»

«Ну, это качество некоторых вещей».

«Что такое *качество*?»

«Ты скажи, к чему это делаешь вообще».

Вы запустили собеседника к облакам. Он не знает, куда ещё выше.

Если же мы регулярно *спускаемся* к *нижним* уровням абстракции, когда нас спрашивают о значении слова, мы с меньшей вероятностью заблудимся в вербальных лабиринтах; нам будет проще «твёрдо стоять на земле» и знать, о чём мы говорим. Рассмотрим следующий пример:

«Что имеется ввиду под *красным*?»

«Например, в следующий раз, когда увидите, как машины останавливаются на перекрёстке, посмотрите на светофор перед ними. Ещё, вы можете пойти в пожарную часть и посмотреть на их машины».

ХОЖДЕНИЯ ПО ВЕРБАЛЬНОМУ КРУГУ

Нам стоит остерегаться «мышления», которое *никогда* не покидает верхние уровни абстракции и никогда не отправляет нас *вниз* по лестнице абстрагирования, откуда мы приходим к экстенциональному миру:

«Что вы имеете ввиду под *демократией*?»

«Демократия означает защита прав человека».

«Что вы имеете ввиду под *правами*?»

«Под правами я имею ввиду те привилегии, которые даёт нам всем Бог – я имею ввиду неотъемлемые привилегии».

«Например?»

«Например, свобода».

«Что вы имеете ввиду под *свободой*?»

«Религиозную и политическую свободу».¹⁴

«А что это значит?»

«Религиозная и политическая свобода – это то, что у нас есть, когда мы поступаем демократически».

Безусловно, говорить о демократии содержательно – возможно. Среди примеров навскидку можно привести Джеферсона и Линкольна, Чарльза и Мэри Берд в труде *The Rise of American Civilization (Восход Американской Цивилизации)*, Фредерика Джексона Тёрнера в *The Frontier in American History (Рубеж Американской Истории)*, Линкольна Стеффенса в *Autobiography (Автобиография)*, Тёрмана Арнольда в *The Bottlenecks of Business (Лазейки Бизнеса)*. Пример, приведённый выше, показывает, как не стоит говорить о демократии. Проблема с людьми, не покидающими высшие уровни абстракции состоит не только в том, что у них не получается понимать, когда они что-то говорят, и когда не говорят ничего. Помимо этого они способствуют тому, что их слушатели тоже этого не понимают. Никогда не спускаясь с небес на землю, они часто ходят вербальными кругами, не осознавая, что издают бессмысленные звуки.

Это, однако, не означает, что нам не стоит издавать экстенционально бессмысленные звуки. Когда мы используем директивный язык, говорим о будущем, делаем ритуальные высказывания или участвуем в социальной беседе, и когда мы выражаем наши чувства, обычно мы делаем экстенционально не проверяемые высказывания. Стоит обращать внимание на то,

¹⁴ В английском языке, говоря о политических, религиозных, и т.д. свободах употребляется слово *liberty*, в более общем смысле употребляется слово *freedom*, которое в том числе может заменять слово *liberty* (но не наоборот). В диалоге собеседник пытается определить слово *liberty* словом *freedom*. В русском языке слово *свобода* употребляется в обоих контекстах.

что наши способности к логическим умозаключениям и воображению обусловлены тем, что символы *не* зависимы от вещей, которые они символизируют. Именно поэтому мы не только можем свободно переходить от низких к высоким уровням абстракции (от «консервированного гороха» к «бакалее» к «товарам» к «народному достоянию») и манипулировать символами так, как это невозможно делать с вещами, которые они обозначают («Если соединить все грузовые вагоны в стране в одну линию...»), но мы также можем по желанию создавать символы, даже если они обозначают абстракции, выведенные из других абстракций, и не обозначают ничего в экстенциональном мире. К примеру, математики часто играют с символами, у которых нет экстенционального содержания, просто чтобы узнать, что с ними можно сделать; это называется «чистой математикой». И эта чистая математика – далека от бесполезного развлечения, потому что математические системы, созданные без учёта экстенционального применения, часто оказываются целесообразно применимыми. Когда математики работают с экстенционально бессмысленными символами, обычно они знают, что делают. Мы тоже *должны* знать, что мы делаем.

Все мы (включая математиков), когда говорим на языке повседневной жизни, часто издаём бессмысленные звуки, не зная, что мы это делаем. Мы уже обсудили, к каким недоразумениям это может привести. Главным образом, лестница абстрагирования, как показано в этой и следующей главе, служит средством осознания процесса абстрагирования.

ПРИМЕНЕНИЯ

1. Расположите нижеследующие слова в порядке возрастания уровня абстракции, начиная как можно ниже на лестнице абстрагирования.

- a. мужчина, Герберт Ф. Джексон, человек, американец, житель штата Айова, «рыжий».
- b. фрукт, садовая культура, яблоко, агрокультурный продукт, плод семечковых, товар международной торговли, экспортный товар, Уайнсэп (сорт осенних яблок с красной кожурой).
- c. Пол Роубсон, артист, бас, певец, негр, человек, член Фи Бета Каппа (студенческое сообщество), спортсмен, футболист. Используйте несколько ветвей при необходимости.
- d. розничный бизнес, система распределения, Аптека Макгриви, бизнес, экономическая жизнь страны, фармацевтический бизнес.
- e. газета, the New York Times, ежедневное издание, общественный источник информации, пресса, публикация.

2. Все вышеперечисленные примеры процесса абстрагирования (неизбежно) начинались на вербальных уровнях абстракции. Возьмите какой-либо объект из вашего окружения – книгу, карандаш, стул, окно – что-то, что вы можете видеть, потрогать или услышать. Составьте несколько лестниц абстрагирования, начиная с уровня объекта. Обращайте внимание на то, какие характеристики вы опускаете по мере абстрагирования.

3. Примените следующие термины к событиям в экстенциональном мире, то есть спуститесь от них по лестнице абстрагирования: американский уровень жизни, колледже, природа человека, национальное достоинство, оскорбление.

9

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Всем известно, что обычный человек не видит вещи такими, какими они в действительности являются, а видит лишь определённые фиксированные типы.... Мистер Уолтер Сикерт часто говорит своим ученикам, что они не могут нарисовать любую индивидуальную руку, потому что они думают о ней как о руке; и по этой причине они думают, что знают, чем она должна быть.

ТОМАС ЭРНЕСТ ХЬЮМ

КАК НЕ ЗАВОДИТЬ МАШИНУ

ГАЗЕТЫ не так давно писали о человеке, у которого возникли проблемы с машиной, и он из-за этого разозлился на неё и «ткнул ей в глаз» - то есть, разбил кулаком одну из фар. (Журналисты узнали об этом, когда он появился в больнице, чтобы ему перевязали руку.) Он разозлился на автомобиль так же, как он мог бы разозлиться на человека, лошадь или на осла, который отказывался слушаться. И после этого он продолжил «преподавать» машине «урок». Можно сказать, что он сигнально отреагировал на поведение машины – то есть, отреагировал необдуманно и автоматически.

Дикари часто ведут себя так же. Когда урожай не всходит или когда им на голову падает камень, они «заключают сделку с духами», то есть, приносят жертву «духам» растительности и камней, чтобы они более благосклонно относились к ним в будущем. Все мы реагируем подобным образом: иногда, споткнувшись о стул, мы пинаем и ругаем его; некоторые люди могут злиться на почтальонов, когда к ним не доходят письма. В таком поведении мы путаем абстракцию *внутри* нашей головы с абстракцией *вне* нашей головы, и поступаем так *будто* абстракция – это событие во внешнем мире. В своей голове мы создаём воображаемый стул, который умышленно делает так, чтобы мы споткнулись, и «наказываем» экстенциональный стул, который никому ничего плохого не желает. Мы создаём воображаемого почтальона, который «не доносит нам письма» и ругаем экстенционального почтальона, который бы с радостью принёс нам письма, если бы они были.

СПУТЫВАНИЕ НИЖНИХ УРОВНЕЙ АБСТРАКЦИИ

В широком смысле мы постоянно спутываем уровни абстракции – то есть, спутываем то, что у нас в голове с тем, что вне нашей головы. Например, мы говорим о желтизне карандаша, будто желтизна – это «качество», которым карандаш обладает, а не, как мы знаем, продукт *взаимодействия* нашей нервной системы и чего-либо вне нас. Это означает, что мы спутываем

два самых низких уровня лестницы абстрагирования (см. диаграмму в параграфе Процесс Абстрагирования в предыдущей главе) и считаем их одним и тем же. Надлежащим образом, нам не стоит говорить: «Этот карандаш – жёлтый», так как этим утверждением мы присваиваем желтизну карандашу; вместо этого нам стоит говорить: «То, что оказывает на меня влияние, которое приводит меня к тому, что я говорю «карандаш», также оказывает на меня влияние, которое приводит меня к тому, что я говорю «жёлтый». Нам, конечно, необязательно придерживаться такой точности в языке повседневной жизни, но стоит заметить, что последнее высказывание, в отличие от первого, принимает в расчёт роль, которую играют наши нервные системы в создании каких-либо изображений реальности в нашей голове.

Такая привычка спутывать то, что у нас в голове и то, что вне её, по большей части, проявляется среди детей и дикарей, хотя и среди «взрослых» её тоже нередко можно встретить. Чем более продвинутой становится цивилизация, тем лучше нам стоит осознавать, что наши нервные системы *автоматически опускают характеристики* событий перед нами. Если мы не осознаём опущение характеристик в процессе абстрагирования, мы начинаем *видеть и верить в одном процессе*. Например, если вы реагируете на двадцать вторую гремучую змею в вашем жизненном опыте так, будто она идентична абстракции, развившейся в вашей голове в результате вашего опыта с двадцать одной предыдущей змеёй, ваша реакция вероятно оправдана. Однако в цивилизованной жизни мы сталкиваемся с более сложными проблемами. В своей книге *Science and Sanity (Наука и Здравомыслие)* Коржибски рассматривает случай человека, страдавшего от сенной лихорадки каждый раз, когда он оказывался вблизи роз. В эксперименте, в комнату неожиданно внесли розы и поставили перед ним, и у него сразу же случился приступ лихорадки, несмотря на то, что «розы» в этом случае были *сделаны из бумаги*. То есть, его нервная система увидела-и-поверила в одном процессе.

СПУТЫВАНИЕ ВЕРХНИХ УРОВНЕЙ АБСТРАКЦИИ

Слова, как мы видели на лестнице абстрагирования, находятся на более высоких уровнях абстракции, чем «объекты» восприятия. Чем больше слов у нас есть на крайне высоких уровнях абстракции, тем лучше мы можем осознавать процесс абстрагирования. Например, термин «гремучая змея» опускает каждое важное свойство собственно гремучей змеи. Но если слово ярко запоминается как часть комплекса ужасающих случаев с настоящей гремучей змеёй, само слово способно вызвать такие же чувства, какие вызывает настоящая гремучая змея. Есть люди, которые бледнеют, лишь услышав *слово*.

Отсюда и происходит магия слов. Термин «гремучая змея» и настоящая змея считаются *одним и тем же*, потому что они вызывают одинаковые чувства. Это похоже на вздор, и, да, это вздор. Но с точки зрения ребёнка, этот вздор оправдан. Как объясняет Люсьен Леви-Брюль в своей работе *How Natives Think (Как Думают Аборигены)*, примитивная «логика» работает по такому принципу. Нас пугает существо; нас пугает мир; следовательно, существо и мир – это «одно и то же» - возможно, не совсем одно и то же, но между ними есть некая «мистическая связь». Леви-Брюль называл чувством «мистической связи» то, что мы называли «неотъемлемой связью» в обсуждении лингвистической наивности. Таким способом словам приписывается «мистическая сила» и появляются «страшные слова», «запретные слова»,

«недопустимые слова» - слова, которые приобретают характеристики вещей, которые они обозначают. Такие чувства в отношении силы слов, вероятно, несут ответственность за такие социальные явления как активная кампания начала 1930х годов, которая обещала вернуть процветание за счёт частого повторения *слов*: «Процветание – не за горами!»

Наиболее общий случай спутывания уровней абстракции демонстрируется, когда мы реагируем на двадцать второго республиканца, с которым мы сталкиваемся в своей жизни, так, будто он идентичен абстракции «республиканца» в нашей голове. «Если он республиканец, то, скорее всего, он либо нормальный – либо невыносимый», мы часто говорим, путая экстенционального республиканца с нашей абстракцией «республиканца», которая сформировалась не только из двадцати одного республиканца, которых мы встретили, но также из того, что нам когда-либо *рассказывали* о «республиканцах».

«ЕВРЕИ»

Для того чтобы прояснить эти принципы, мы воспользуемся примером, который загружен большим числом предрассудков: «Мистер Миллер – еврей». Такое утверждение может вызвать у некоторых «христиан» достаточно известную сигнальную реакцию, которая может принимать такие формы как: автоматическое заключение, что Мистер Миллер не тот человек, с которым людям нравится встречаться в обществе, хотя, конечно, в бизнесе «евреев» избежать сложно; автоматическое исключение его из списка арендаторов в многоквартирном доме арендодателем или из студенческого сообщества или загородного клуба человеком, в них состоящим; автоматическое ожидание своеобразных финансовых практик; автоматическое подозрение его в коммунистических взглядах; автоматическое избегание.

В этих случаях «христианин» принимает экстенционального Мистера Миллера за свою абстракцию высокого уровня – «еврея», и ведёт себя так, будто Мистер Миллер является этой абстракцией. (См. диаграмму в параграфе Процесс Абстрагирования в предыдущей главе.)

Так случилось, что слово «еврей», в результате некоторых исторических событий, обрело сильные аффективные коннотации в христианской культуре. Евреи – небольшая группа в христианском мире средневековья – были единственными людьми, кому разрешалось законом давать деньги в займы под проценты, потому что среди христиан ростовщичество было вне закона. Их не допускали к агрокультуре и большинству других профессий, потому что они были «не-христианами», и по этой причине суеверные христиане их остерегались. Тем не менее, некоторое число евреев *приходилось* терпеть, потому что для развития бизнеса необходимы были кредиторы. Поэтому для христиан стало нормальным занимать деньги у евреев, чтобы достигнуть своих целей в бизнесе, и при этом поругивать их, чтобы удовлетворить собственную совесть. Этот случай схож с сухим законом в США, когда считалось нормальным покупать товары у бутлегеров, чтобы удовлетворить алкогольную жажду, но в то же время осуждать их за «беззаконие» в беседах, чтобы удовлетворить совесть. Кроме того, многие крупные предприниматели и аристократы, которые оказывались должны много денег евреям, с радостью обнаруживали, что для того чтобы избежать выплат долгов можно было просто распускать слухи среди простого народа, подстрекающие негативные настроения в отношении евреев под предлогом «крестовых походов», и это впоследствии приводило к резне. В

результате, евреев либо убивали, либо же они прощали долги, чтобы спасти собственные жизни. Такие риски вынуждали евреев поднимать процентные ставки, так же как риски полицейских рейдов заставляли поднимать цены на контрабандное спиртное. Повышенные процентные ставки приводили к ещё большему недовольству христиан. Таким образом, слово еврей обзавелось сильными аффективными коннотациями, которые одновременно выражали страх христиан перед не-христианами и недовольство людей по отношению к заёмщикам, которых считали «скупыми», «бессовестными» и «хитрыми».

Моральные запреты денежных займов исчезли, особенно после того, как начали возникать новые формы христианства, отчасти, чтобы была возможность заниматься этим делом. Тем не менее, аффективные коннотации слова «еврей» сохранились даже до сих пор. Они проявляются в таких употреблениях слова как: “He *jewed* me out of ten dollars” («Он *сбил цену* на десять долларов» - слово «еврей» используется как глагол), “Go on and give him some money; don’t be such a *Jew*” («Дай ты ему немного денег; не будь таким *евреем*»). В некоторых кругах матерями считается нормальным ругать непослушных детей словами: «Если будешь продолжать безобразничать, я продам тебя *еврею*».

Вернёмся к нашему гипотетическому Мистеру Миллеру, которого представили как «еврея». Те, для кого эти коннотации имеют силу, и кто по привычке путает то, что в его нервной системе с тем, что вне её, считает, что Мистер Миллер – «человек, которому доверять не стоит». Если Мистер Миллер успешно ведёт бизнес, это «доказывает», что «евреи – умные»; если Мистер Джохансен успешно ведёт бизнес, это доказывает лишь то, что Мистер Джохансен – умён. Если бизнес Мистера Миллера прогорает, предполагается, что он всё равно «где-то припрятал деньги». Если у Мистера есть странные или не общепринятые привычки, это «доказывает», что «евреи плохо вписываются в культуру». Если в своём поведении он неотличим от американца – значит, он «пытается выдать себя за одного из нас». Если Мистер Миллер не даёт деньги на благотворительность, то это потому, что «евреи – скупы»; если же он щедро даёт деньги на благотворительность, он «пытается выкупить себе место в обществе». Если Мистер Миллер живёт в еврейской части города, это потому, что «евреи склонны собираться в группы»; если он переезжает в место, где нет других евреев, это потому что «они пытаются везде пролезть». Короче говоря, Мистеру Миллеру автоматически выносится приговор, независимо от его поступков.

Сам же Мистер Миллер может быть богатым или бедным, образцовым семьянином или жестоким мужем, филателистом или скрипачом, фермером или врачом, офтальмологом или дирижером. Если, в результате наших сигнальных реакций, мы станем переживать за наши *деньги*, как только встретим Мистера Миллера, мы можем оскорбить человека, от которого мы могли получить финансовую, моральную или духовную выгоду, или мы можем не заметить, как он попытается флиртовать с нашей женой – то есть, мы поступим совершенно неуместно по отношению к *данной* ситуации. Мистер Миллер – не идентичен нашим идеям о «еврее», *независимо от того, какие у нас могут быть идеи о «евреях»*. «Еврея» созданного из интенционального определения слова, *попросту нет*.

ДЖОН ДО, «ПРЕСТУПНИК»

Другой пример спутывания уровней абстракции можно найти в случаях подобных следующему. Предположим, что есть человек по имени Джон До, которого представили как человека «недавно вышедшего из тюрьмы после отбывания в ней трёх лет». Это изначально находится на достаточно высоком уровне абстракции, и тем не менее, это *сообщение*. Отсюда, однако, многие люди взбираются на ещё более высокие уровни абстракции: «Джон До – бывший заключённый ...он – преступник!» Но слово «преступник» не только находится на более высоком уровне абстракции, чем «человек, который провёл три года в тюрьме», но также, как мы обсудили в Главе 3, является *суждением*, в котором подразумевается: «Он совершил преступление в прошлом и вероятно совершит больше преступлений в будущем». В итоге, когда Джон До устраивается на работу и вынужден сказать, что он провёл три года в тюрьме, потенциальный работодатель, автоматически спутывая уровни абстракции, может сказать ему: «Вы же не думаете, что я беру на работу преступников!»

Мы можем предположить из сообщения, что Джон До полностью перевоспитаться, или же вообще был несправедливо лишён свободы; и всё же ему приходится блуждать впустую в поисках занятости. Если он от отчаяния, в конце концов, скажет себе: «Раз все обращаются со мной, как с преступником, я могу с таким же успехом стать преступником», и совершит ограбление, кто несёт ответственность за его поступок? Однако если Джона До поймают, то те, кто отказался брать его на работу, читая об ограблении в газете, скажут: «Я ж говорил! Хорошо, что я не нанял этого преступника!»

Читателю наверняка знакомы случаи, когда слухи растут по мере своего распространения. Преувеличения слухов во многом происходит из-за неспособности некоторых людей воздержаться и не карабкаться к высшим уровням абстракции – от сообщений к заключениям к суждениям – а потому спутывать эти уровни. Исходя из таких «рассуждений»:

Сообщение: «Мэри Смит вернулась в общежитие после двух часов утра в прошлую субботу».

Заключение: «Держу пари, она на гулянках пропадала!».

Суждение: «Она жалкая потаскуха. Я это понял, когда впервые её увидел. Мне она никогда не нравилась».

Когда мы основываем наши поступки в отношении наших собратьев людей на таких поспешных суждениях, не удивительно, что мы порой делаем жизнь окружающих и свою собственную несчастной.

В качестве последнего примера такого типа спутывания, *обратите внимание на разницу между тем, что происходит, когда человек говорит себе: «Я потерпел неудачу три раза», и что происходит, когда он говорит: «Я – неудачник!» Это разница между здравомыслием и саморазрушением.*

МИРЫ ИЛЛЮЗИЙ

Осознанность абстрагирования готовит к тому, что вещи, выглядящие похоже – *не* похожи, что вещи, которые называются одинаково – *не* одинаковы, что суждения – это *не* сообщения. Кратко говоря, она предотвращает наши глупые поступки. Без осознанности абстрагирования – то есть, без навыка *задержки реакций*, который вырабатывается с большей осознанностью того, что видеть – это не то же самое, что верить – мы не сможем отличить розы от бумажных роз, интенционального «еврея» от экстенционального Мистера Миллера, интенционального «преступника» от экстенционального Джона До.

Задержка реакций – признак зрелости. Однако в результате плохого образования, пугающих опытов в детстве, устаревших традиционных убеждений, пропаганды и других влияний в жизни, у всех нас есть то, что можно было бы назвать «зонами безумия» или лучше – «зонами инфантилизма». Есть определённые темы, о которых мы никогда не можем «ясно мыслить» из-за наших предрассудков. Некоторые люди, в результате детского опыта, не могут сдерживать страх при виде полицейского – любого полицейского; страшный «полицейский» в их голове «является» экстенциональным полицейским вне их головы, который даже не думает кого-то пугать. Некоторые люди бледнеют от вида паука – любого паука – даже безобидного паука в аквариуме. Некоторые люди могут начать вести себя агрессивно, когда слышат *слова* «антиамериканский», «нацист» или «коммунист».

Образ реальности, созданный в наших головах неосознанным абстрагированием – очень далёк от «карты» какой-либо существующей «территории». Это иллюзорный мир. В этом вымышленном мире все «евреи» пытаются вас обмануть; все «капиталисты» – толстые тираны, которые курят дорогие сигары и злобно посматривают на профсоюзы; все «общественные работники» празднично «облокачиваются на лопаты» и между тем «купаются в роскоши». В этом мире также все змеи – ядовиты, автомобили можно воспитывать ударами в глаз, а каждый незнакомец с иностранным акцентом – шпион. Некоторых людей, которые проводят слишком много времени в таких иллюзорных мирах, впоследствии отправляют в учреждения, под замок, но, как известно, многие из них всё ещё на свободе.

Как нам уменьшить зоны инфантилизма в нашем мышлении? Один из способов – это чётко уяснить, что «неотъемлемой связи» между словами и тем, что они обозначают, не существует. По этой причине, всегда полезно изучать иностранный язык, даже если мы его нигде больше не используем. Другие способы уже были предложены: осознать процесс абстрагирования и *понять в полной мере, что слова никогда не «скажут всего» о чём-либо*. Лестница абстрагирования – адаптация диаграммы, разработанной Альфредом Коржибски, чтобы наглядно показать отношения между словами, «объектами» и событиями – создана, чтобы помочь нам понять и сохранить осознанность процесса абстрагирования. На неё стоит смотреть чаще. В своей изначальной форме – в которой деревянные элементы связаны верёвками, чтобы её можно было не только увидеть, но и потрогать – её сегодня используют психиатры в лечении психических расстройств и умопомешательств.

ПРИМЕНЕНИЯ

Читателям, желающим попрактиковаться в анализе неадекватных реакций, описанных в этой книге, рекомендуется собрать информацию о схожих случаях, описать их и попытаться найти источник тумана в голове. Скорее всего, у читателя получится найти множество примеров среди своих знакомых, ораторов, писателей и других людей в общественной жизни. Стоит также добавить, что некоторые примеры можно найти в себе.

10

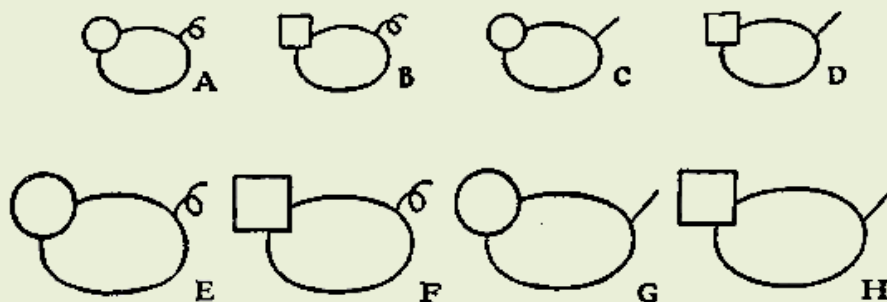
КЛАССИФИКАЦИИ

Истинное значение термина стоит искать в том, что человек с ним делает, а не в том, что он о нём говорит.

ПЕРСИ УЛЬЯМС БРИДЖМАН

ИМЕНОВАНИЕ ВЕЩЕЙ

НА рисунке ниже изображено восемь объектов. Предположим, что это животные, среди которых четыре больших и четыре маленьких, четыре с круглыми головами и четыре с квадратными головами, и ещё четыре пары со скрученными и прямыми хвостами. Предположим, что эти животные бегают по вашей деревне, но так как вам пока нет до них дела, вы их игнорируете, и никак их не называете.

Однажды вы замечаете, что маленькие животные едят ваше зерно, а большие – не едят. Появляется различие, и абстрагируя общие характеристики животных А, В, С и D, вы решаете назвать их *gogo*; а животных Е, F, G и H вы решаете назвать *gigi*. Вы прогоняете *gogo*, и не трогаете *gigi*. Однако у вашего соседа был другой опыт; он узнал, что животные с квадратными головами кусаются, а животные с круглыми головами не кусаются. Абстрагируя общие характеристики В, D, F и H, он называет их *daba*, а А, С, Е и G он называет *dobo*. Ещё один сосед обнаружил, что животные со скрученными хвостами убивают змей, а с прямыми хвостами – нет. Он различает их, абстрагируя другой набор общих характеристик: А, В, Е и F он называет *busa*, а С, D, G и H – *busana*.

Теперь представьте, что вы стоите вместе со своими соседями, когда мимо пробегает Е. Вы говорите: «Вот бежит *gigi*»; ваш первый сосед говорит «Вот бежит *dobo*»; ваш второй сосед говорит: «Вот бежит *busa*». Сразу возникает разногласие. Что же это было *на самом деле*, *gigi*, *dobo* или *busa*? Как его *правильно называть*? Вы стоите, спорите, и тут приходит четвёртый человек из другой деревни, который называет его *tuglock*, съедобное животное, в отличие от *uglock* – несъедобного животного – и это совсем не помогает разрешить ситуацию.

Конечно же, вопрос: «Что это *на самом деле*? Как его *правильно называть*?» - это бессмысленный вопрос. Под бессмысленным вопросом имеется ввиду вопрос, на который невозможно ответить. Вещи возможно «называть правильно», если существует неотъемлемая связь между символами и символизируемыми вещами, а мы с вами видели, что её не существует. То есть, в свете вашего интереса защитить ваше зерно, вам нужно отличать животное Е как *gigi*; ваш сосед, который не хочет, чтобы его кусали, считает практичным отличать его как *dobo*; другой сосед, которому хочется видеть, как убивают змей, отличает его как *busa*. То, как мы называем вещи, и где мы проводим границу между классами вещей, зависит от наших интересов и назначений классификации. Например, животные классифицируются по-разному в мясной, кожевенной и меховой промышленности, и в биологических исследованиях. Ни одна из этих классификаций – не более конечна, чем какая-либо другая. Каждая из них полезна в своём назначении.

Сюда входит всё, что мы воспринимаем. Стол «является» столом для нас, потому что мы можем понять его отношения к нашему поведению и интересам; мы за ним едим, работаем, кладём на него вещи. Но для человека, живущего в культуре, где столы не используются, это может быть большой табуреткой, небольшой платформой, или бессмысленной структурой. Если бы наша культура и воспитание были другими, наш мир выглядел бы совсем по-другому.

Например, многие из нас не видят разницы между щурёнками, щуками, лососем, корюшкой, окунями, палтусами и скумбриями; мы говорим, что это «просто рыба, а я рыбу не люблю». Однако для ценителя морепродуктов, эти различия реальны, потому что для него они означают разницу между хорошим блюдом, другим хорошим блюдом и не очень хорошим блюдом. Для зоолога важны ещё более тонкие различия, так как у него есть другие более общие цели. Поэтому, когда мы слышим утверждение: «Эта рыба – представитель семейства спаровых, *Lagodon rhombides*», мы принимаем его как «истинное», даже если нам всё равно, не потому что этому «правильное название», а потому что так она *классифицируется* в наиболее полной и общей системе классификации, которую разработали люди глубоко заинтересованные в рыбе.

Следовательно, когда мы что-то именуем, мы это классифицируем. *Отдельный объект или событие, которое мы именуем, не имеет имени и не принадлежит к какому-либо классу до тех пор, пока мы его туда не отнесём.*

Приведём ещё один пример. Предположим, что нам нужно дать экстенциональное определение слова «кореец». Нам бы пришлось указать на всех «корейцев» живущих в определённый момент и сказать: «Слово «кореец» обозначает в данный момент этих людей: $A_1, A_2, A_3...A_n$ ». Теперь предположим, что среди этих «корейцев» рождается ребёнок, которого мы обозначим Z . *Экстенциональное значение слова «кореец», определённое до существования Z , не включает Z .* Z – это новый индивид, не принадлежащий к какой-либо классификации, потому что мы классифицировали, не принимая Z в расчёт. Почему же тогда Z – тоже «кореец»? *Потому что мы так говорим.* И говоря так – относя его к классу – мы определяем в значительной степени отношения к Z в будущем. Например, у Z всегда будут определённые права в Корее; в других странах его будут считать «иностранцем» и будут применять к нему

законы для «иностранцев»; ему разрешат переехать в США, только если он будет соблюдать поставленные условия и предъявленные требования.

То, как работают классификации особенно хорошо видно на примерах «расы» и «национальности». Например, автор данной книги по «расе» - «японец», по «национальности» - «канадец», но его друзья говорят, что «в сущности» он – «американец», потому что он думает, разговаривает, ведёт себя и одевается в целом так же, как другие американцы. Из-за того, что он – «японец», законы не дают ему возможности стать гражданином США; так как он – «канадец», он располагает определёнными правами на всей территории Британской Империи; в силу того, что он – «американец», он хорошо ладит со своими друзьями и преподаёт в американском учебном заведении без особых трудностей. Эти классификации – «реальны»? Безусловно – да, и *влияние, которое они оказывают* на то, что он делает или не делает, составляют их «реальность».

Несколько лет назад ходила история о ребёнке «чешских» иммигрантов, которым дали право въехать в США по квоте. Однако ребёнок, из-за того, что он родился на «британском» корабле, был «британским гражданином». Квота на британцев была уже заполнена на тот год, и поэтому иммиграционными властями было решено «не допускать» новорождённого «в США». Как решилось дело – неизвестно. Читатель может привести подобные примеры из своего опыта.

Рассмотрим подобный пример: «Этот человек – «негр»?» По определению, принятому в США, любой человек, у которого есть хотя бы малая доля «негритянской крови» - то есть, если его родители или предки были классифицированы как «негры» - является «негром». *Логически можно было бы с тем же успехом сказать, что любой человек с наличием хотя бы малой доли «белой крови» - является «белым».* Почему мы говорим одно вместо другого? Потому что первая классификация *удовлетворяет удобству тех, кто создаёт эту классификацию.*

Классификации не сильно сложны на уровнях собак и кошек, ножей и вилок, сигарет и конфет, но когда мы имеем дело с классификациями на высоких уровнях абстракции, например, такими, которые описывают поведения, социальные институты, философские и моральные проблемы, возникают серьёзные сложности. Когда один человек убивает другого, это предумышленное убийство, временное помешательство, непредумышленное убийство, несчастный случай или акт героизма? Как только процесс классификации завершён, наше отношение и поведение может определяться совершенно по-разному. Мы вешаем убийцу, отправляем помешанного в психбольницу, освобождаем жертву обстоятельств и награждаем героя.

ТУМАН В ГОЛОВЕ

К сожалению, люди не всегда осознают, как они приходят к своим классификациям. Не осознавая характеристики экстенционального Мистера Миллера, которые не указываются за счёт отнесения его к классу «евреев», и присваивая Мистеру Миллеру характеристики, которые *подразумеваются* за счёт аффективных коннотаций термина, люди выносят окончательные суждения о Мистере Миллере, говоря: «Что ж, еврей есть еврей. Тут ничего не поделаешь».

Нам не стоит поддаваться таким несправедливостям в отношении «евреев», «католиков», «республиканцев», и т.д., возникающим из-за поспешных суждений, или – как их стоит называть – сигнальных реакций. Термин «поспешные суждения» предполагает, что таких ошибок можно избежать, если думать медленнее; это, конечно же, не так, ведь некоторые люди думают очень медленно, но лучших результатов не достигают. Нас интересует то, как мы блокируем развитие нашего разума такими сигнальными реакциями.

Давайте разберём дальше пример о людях, которые говорят: «Еврей есть еврей. Тут ничего не поделаешь». Как мы уже отметили, они путают обозначенного, экстенционального еврея с выдуманным «евреем» в их голове. Таких людей, однако, можно заставить признать что «есть исключения», напомнив им о некоторых «евреях», которыми они восхищаются; например, Альберт Эйнштейн, Хэнк Гринберг, Яша Хейфец, Бенни Гудмен. Опыт убедил их принять к сведению, что есть, по меньшей мере, несколько из множества «евреев», которые не вписываются в их предрассудки. В этот момент они обычно триумфально заявляют: «Исключения подтверждают правило!»¹⁵ - а это всё равно что сказать: «Факты не считаются». В крайне серьёзных случаях с людьми, которые так «думают» можно наблюдать, что их лучшие друзья могут быть Айзеками Кознами, Исидорами Гунсбергами и Эйбами Синэйкосами; и тем не менее, в своих объяснениях они скажут: «Я совсем не думаю о них как о евреях. Они просто друзья». Другими словами, выдуманный «еврей» в их голове остаётся неизменным, *не смотря на их опыт*.

Такие люди *не могут учиться на опыте*. Они продолжают голосовать за «республиканцев» или за «демократов», независимо от того, что республиканцы или демократы делают. Они продолжают протестовать против «социалистов», независимо от того, что социалисты предлагают. Они продолжают считать «матерей» священными, и не важно, каких матерей. Комитет рассматривал дело одной женщины, которую врачи и психиатры признали безнадежно душевнобольной. Комитет должен был вынести решение о том, нужно ли поместить её в дом для душевнобольных. Один из членов упорно отказывался голосовать за помещение. «Господа», сказал он с глубочайшим благоговением в голосе, «вам стоит помнить, что эта женщина – мать». Похожим образом такие люди продолжают испытывать ненависть по отношению к «протестантам», независимо от того, к каким протестантам. Не осознавая, что в процессе классификации были опущены характеристики, они не замечают важных различий между тем, когда термин «республиканский» применяется к партии Авраама Линкольна и к партии Уоррена Гардинга: «Если республиканская партия устраивала Эйба Линкольна, то она устраивает и меня».

КОРОВА₁ – ЭТО НЕ КОРОВА₂

Как нам избежать попадания в такие интеллектуальные тупики, или если уж мы попали в такой тупик, как нам из него выбраться? Один из способов – это запомнить, что практически все утверждения в обычном разговоре, дискуссии и общественных разногласиях, приобретающие

¹⁵ “Exception proves the rule” – Это крайне глупое высказывание раньше означало: «Исключение *проверяет* правило» - *лат.* “Exceptio probat regulam.” В английском языке это старое значение слова “prove” («доказывать») сохранилось в таких выражениях как “automobile proving ground” – «испытательный полигон для автомобилей».

форму: «евреи есть евреи», «республиканцы есть республиканцы», «бизнес есть бизнес», «мальчишки всегда остаются мальчишками», «женщины – водители есть женщины – водители», и т.д. – *не истинны*. Давайте рассмотрим одно из этих утверждений в контексте реальной жизни.

«Не думаю, что нам стоит идти на эту сделку, Билл. Разве это честно по отношению к железнодорожной компании?»

«Да, забудь ты! В конце концов, *бизнес есть бизнес*».

Такое утверждение, хотя и похоже на «простую констатацию факта» - не простое и не констатация факта. Первое слово «бизнес» *обозначает* обсуждаемую сделку; второе слово «бизнес» *задействует коннотации* слова. Таким образом, в предложении говориться: «Давайте рассматривать эту сделку, не обращая внимание на честь, чувства или справедливость, как и предполагает слово «бизнес»». Схожим образом, когда отец пытается оправдать проказы своих сыновей, он говорит: «Мальчишки всегда остаются мальчишками»; другими словами: «Давайте относиться к действиям моих сыновей с приятным изумлением, как мы это обычно делаем в отношении тех, кого мы называем «мальчишками»», хотя рассерженный сосед, конечно же, скажет: «Мальчишки, чёрт бы их подрал! Маленькие хулиганы, вот они кто!» Это не информативные высказывания, а *директивы, которые предписывают нам классифицировать обсуждаемый объект или событие данным способом, чтобы мы чувствовали или поступали так, как предполагают термины классификации*.

Есть простая техника, позволяющая избежать вредных влияний таких директив на наше мышление. Альфред Коржибски предложил снабжать наши термины «индексами»: англичанин₁, англичанин₂...; корова₁, корова₂, корова₃...; коммунист₁, коммунист₂, коммунист₃... Термины классификации сообщают нам о том, что общего индивидуумы в этом классе имеют; индексы напоминают нам об опущенных характеристиках. Отсюда мы можем вывести общее правило для мышления и чтения: Корова₁ – это не корова₂; еврей₁ это не еврей₂; политик₁ – это не политик₂, и так далее. Это правило, если его запомнить, поможет нам избежать спутывания уровней абстракции и заставит нас подумать о фактах в тех случаях, в которых, не подумав, мы можем начать скакать к выводам, о которых впоследствии можем пожалеть.

«ИСТИНА»

Большинство интеллектуальных проблем составляют проблемы классификации и номенклатуры. Сегодня до сих пор идут дебаты между американской медицинской ассоциацией (АМА) и антимонопольным отделением министерства юстиции о том, считать ли медицинскую практику «профессией» или «предпринимательством». В АМА *хотят* иммунитет от законов, запрещающих «ограничение свободы торговли», и поэтому настаивают, что медицина *является* «профессией». В антимонопольном отделении *хотят* остановить некоторые экономические практики связанные с практикой медицины, и поэтому настаивают, что медицина *является* «предпринимательством». Сторонники обеих групп обвиняют друг друга в «искажении значений слов» и «неспособности понять простой английский язык». Кто прав?

Как правило, такие вопросы решаются обращениями к этимологическим словарям, чтобы найти «настоящие значения» слов «предпринимательство» и «профессия», изучением прошлых судебных решений и различных научных трудов. Решение, однако, принимается не на основании обращений к авторитетным источникам прошлого, а в зависимости от того, *что хочет общество*. Если общество хочет, чтобы АМА имела иммунитет от антимонопольных обвинений, оно, в конечном счёте, добьётся решения верховного суда об «определении» медицины как «профессии». Если же общество хочет обвинений в сторону АМА, оно добьётся решения в пользу определения медицины как «предпринимательства». В любом случае общество получит желаемое решение, даже если придётся ждать, пока все текущие члены верховного суда умрут, и по этому вопросу созовут новый комитет. Когда желаемое решение будет официально объявлено, люди скажут: «Истина восторжествовала». *Кратко говоря, общество считает «истинными» те системы классификации, которые приводят к желаемым результатам».*

Научная проверка «истины», как и социальная проверка – исключительно практическая, но «желаемые результаты» - сильно ограничены. Результаты, которые желает общество, могут быть иррациональными, суеверными, эгоистичными или гуманными, а результаты, желаемые учёными, состоят лишь в том, чтобы наши системы классификации производили результаты, которые можно прогнозировать. Классификации, как уже было отмечено, определяют наше отношение и поведение с классифицированными объектами или событиями. Когда молнию классифицировали как «свидетельство божьего гнева», не предлагалось никаких действий, кроме молитв, чтобы избежать попадания молнии в людей. Однако как только её классифицировали как «электричество», Бенджамин Франклин добился определённого контроля над ней с помощью изобретения молниеотвода. Некоторые физические расстройства раньше классифицировали как «одержимость демонами», и предполагалось, что можно было «изгнать демонов» различными заклинаниями. Результаты были неясны. Но когда эти расстройства классифицировали как «палочковые инфекции», были предложены решения, которые приводили к более предсказуемым результатам. В науке ищут только системы, которые *наиболее широко можно применять с пользой*. Они используются и считаются «истинными» до тех пор, пока не изобретут более полезные классификации.

ПРИМЕНЕНИЯ

1. Применений этой главы настолько много, что здесь можно привести лишь несколько.
  - a. Что имеет в виду человек, который говорит: «То, что люди обычно называют зайцами, на самом деле – кролики, а то, что они называют кроликами, на самом деле – зайцы»?
  - b. Что происходит, когда судья выносит решение о том, что данная фирма занимается или не занимается «межштатной торговлей»? Является ли «корпорация» «лицом», или нет?
  - c. В чём разница между «проводником в вагоне» и «стюардессой в самолёте» (1) с точки зрения выполняемых услуг и (2) с точки зрения социального статуса? И почему эта разница существует?

d. Какие различия подразумеваются в криминологической теории, когда место, куда определяют правонарушителей называется (1) тюрьмой, (2) исправительным заведением для несовершеннолетних преступников и (3) учреждением социальной реабилитации, и какие различия возникают в таких вопросах с выбором персонала, обращение с заключёнными, план помещений, мебель и организация зданий и территорий?

e. Когда спортсмен «любитель»?

f. В чём разница между «пособием» и «социальным страхованием»?

g. Является ли Британия (март 1941 года) «демократией», или нет – и что следует из ответа на этот вопрос?

h. Нам иногда говорят, что проблемы мира – «экономические», иногда, что они – «политические», иногда, что они – «духовные». Что люди имеют ввиду под такими утверждениями?

2. В свете нашего изучения классификаций, нам стоит также обратить внимание на юмор. Вам не кажется, что по большому счёту юмор строится на изменении привычных классификаций таким образом, что вещи начинают казаться совсем другими?

В былые времена любил красивую и добрую,
И клятвой под венцом с ней жизнь связал:
С тех пор, так изменились её ум с физиономией,
Что я б ту клятву нынче лжесвидетельством назвал.

РОБЕРТ ЭРА НЬЮДЖЕНТ

(1702 – 1788)

Может ли это быть причиной, что люди, которые видят вещи только в своих привычных классификациях, обычно считаются не остроумными, и что люди, которые «думают в одном направлении» и видят жизнь в рамках одного доминирующего интереса, обычно не располагают чувством юмора?

Внимательные читатели смогут найти много применений в науке, этике, праве, бизнесе и повседневной жизни.

11

ДВУСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ

Широко уважаемое искусство полемики внесло немалый вклад в естественное несовершенство языков.... Это происходит неизбежно там, где интеллект и правота человека оценивается по его навыкам дискутировать. И если такие победы вознаграждаются... не удивительно, что роль звуков ошеломляет, притягивает внимание и возвышается в человеческом уме; что бы человек ни сказал в протест или в защиту любого вопроса, победа присуждается не тем, на чьей стороне истина, а тем, за кем было последнее слово в споре.

ДЖОН ЛОК

В таких выражениях, как: «В каждом вопросе нужно выслушать обе стороны», присутствует предположение, часто незамеченное, что у каждого вопроса в своей основе есть только две стороны. Мы часто строим рассуждения на противоположностях, когда предполагаем, что то, что не «хорошо» должно быть «плохо», а то, что не «плохо» должно быть «хорошо». Это предположение усиливается, когда мы волнуемся или злимся. К примеру, во время войны, многие люди считают, что тот, кто не «стопроцентный патриот» скорее всего – «иностранный агент». У детей проявляется такая же склонность. Например, когда им преподают английскую историю, первое, что их интересует о каком-либо правителе – это, был ли он «хорошим королём» или «плохим королём». В популярной литературе и кино для детей всегда имеются «герои» с одной стороны, чтобы им сопереживать, и «злодеи» - с другой, чтобы их ненавидеть. Большинство рассуждений о политике основываются на противопоставлении «американизма» (что бы это ни значило) «иностранизму» (что бы ни значило и это). Эту склонность смотреть на вещи только в рамках двух значений, утвердительного и отрицательного, хорошего и плохого, горячего и холодного, любви и ненависти, можно обозначить термином – *двустороннее ориентирование*.

ДВУСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ И БОЙ

В рамках одного желания, грубо говоря, существует два значения: то, что удовлетворяет и то, что разочаровывает это желание. Если мы голодаем, есть только два типа вещей в мире, которые волнуют нас в этот момент: съедобные вещи и несъедобные вещи. Если мы в опасности, есть то, чего мы боимся и то, что нам может помочь и защитить нас. На примитивных уровнях существования, в нашей сосредоточенности на самосохранении и поисках пищи, в рамках этих ограниченных желаний, существует только две возможных категории: то, что причиняет боль и то, что доставляет удовольствие. Жизнь на таких уровнях

располагается где-то посередине, со всем хорошим с одной стороны, и всем плохим – с другой, и при этом *всё принимается во внимание*, потому что вещи нерелевантные нашим интересам попросту не попадают в наше поле зрения.

Борьба целиком и сразу сводит нас к двустороннему ориентированию. На это время в мире остаёмся только мы и наш противник. Завтрашний ужин, красота пейзажей, любопытные очевидцы – всё забывается. Таким образом, мы боремся, вкладывая все силы, какие у нас есть; наши мускулы напряжены, пульс учащён, вены расширены, а число лейкоцитов в крови возрастает, чтобы справиться с потенциальным ущербом. Двустороннее ориентирование проявляется в условиях сильного волнения как «физически» так и «психически», и может считаться неотъемлемой частью боя.

В борьбе мы настраиваемся на двустороннее ориентирование; настроившись на двустороннее ориентирование, мы склонны к борьбе. Под влиянием двустороннего ориентирования вместо наших нормальных реакций – широкие наборы сигнальных реакций, которые способствуют тому, что мы рассматриваем все виды зл как одно Зло, и все проявления благ как одно Благо.

Для дикарей, чья жизнь представляет собой непрерывную борьбу со стихиями, врагами, животными или злыми духами, предположительно обитающими в предметах природы, двустороннее ориентирование, по-видимому, является нормальным ориентированием. Каждое действие человека в примитивном, суеверном обществе определяется ритуальной необходимостью или табу. Как показывает антропология, в существовании дикарей нет свободы в силу того, что каждый малый аспект жизни обусловлен принуждающими правилами о «плохом» и «хорошем». Например, охотиться и рыбачить человек обязан определённым образом, с принятыми церемониями, чтобы в этом преуспеть; нельзя наступать на чужую тень; суп в котле нужно перемешивать строго по или против часовой стрелки; нельзя называть людей по их именам, иначе их услышат злые духи. Если над деревней пролетает птица, то это к «удаче» или к «неудаче». Для дикаря всё имеет значение и причину, потому что всё, что он видит, *должно* подпадать под одно из двух значений.

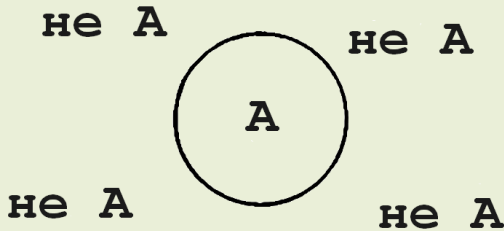
Проблема этого мышления в том, что не существует никакого способа оценки какого-либо нового опыта, процесса или объекта, кроме как приписывания им терминов «добрая магия» и «злая магия». Отклонение от традиции не одобряется на том основании, что оно «беспрецедентно» и, следовательно, является «злой магией». По этой причине, многие примитивные народы живут в статичных цивилизациях, в которых каждое поколение почти в точности повторяет жизнь предыдущих поколений – и поэтому их называют «отсталыми» народами. В их языке нет средств развития в сторону новых оценок, потому что всё рассматривается в рамках двух двусторонней системы ценностей.¹⁶

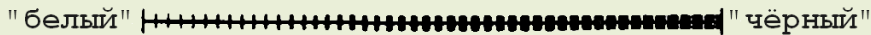
¹⁶ Это не означает, что примитивные народы – «не умны». Это означает, что недостаток межкультурного общения не дал им возможность объединить свои знания с другими народами, поэтому у них не получилось создать лингвистические механизмы, которые бы позволили более адекватно производить оценку для объединения знаний. Цивилизованные народы – в той мере, в которой они цивилизованы – развились не потому, что у них есть более развитый интеллект от природы, а потому, что они унаследовали продукты веков широкого межкультурного общения.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

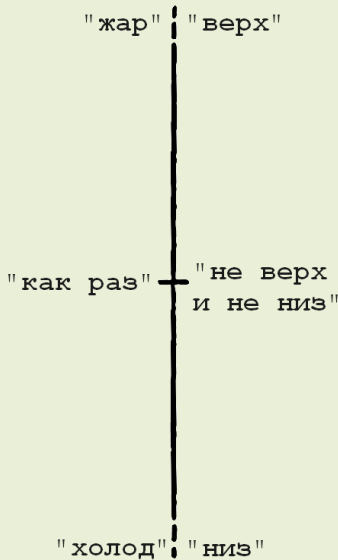
Кто-то может возразить: «Но разве у всего нет своего антипода?» Жар и холод, любовь и ненависть, жизнь и смерть, чёрное и белое, здравомыслие и безумие, грязь и чистота, и т.д. Это возражение было бы убедительным, если бы все виды противопоставлений были похожи – а они не похожи. Самый простой вид противопоставления – это противопоставление в рамках единственного интереса: съедобное против несъедобного; мы против них; американцы против иностранцев (всех остальных). Это противопоставление можно проиллюстрировать следующей диаграммой:

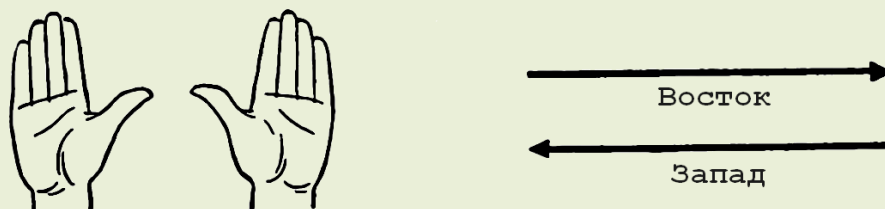
Но противопоставление «белого» «чёрному» - это другой тип противопоставления. Белое и чёрное – это два крайних *предела шкалы*, а между ними – длинный диапазон различных оттенков серого цвета:

Противопоставления «жара» «холоду» и «верха» «низу» - это отношения, в которых учитывается определённая *точка* на диапазоне:

Существуют и другие типы противоположностей, такие как *комплементарные*; например позитив и негатив фотографии, или правая и левая руки; и противопоставления *направлений*, такие как запад и восток, куда и откуда, приход и уход.

Это лишь несколько типов противопоставления, но их достаточно, чтобы показать не только неадекватность ориентирования, основанного на двух значениях, но и ошибочность предположения о том, что все противопоставления похожи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДВУСТОРОННЕГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

Двустороннее ориентирование можно наблюдать в модной в наши дни регрессивной тенденции, которая наиболее ярко проявила себя в гитлеровской Германии. Достаточно лишь беглого взгляда на официальную пропаганду нацистской партии, чтобы убедиться, что она почти всецело полагается на двустороннее ориентирование. Голод, нищета, безработица, мошеннический капитализм, поражения в первой мировой войне, вонь, безнравственность, предательство, эгоизм и всё неприятное выстроено на «плохой» стороне, вместе с «еврейской плутократией». Всё, что стоит на пути гитлеровских желаний обозначается «еврейским», «дегенеративным», «развращённым», «демократическим», «интернационалистическим» и, в качестве венчающего оскорбления, «неарийским». Всё же то, что Гитлер считает нужным назвать «арийским» - это «благо», «добродетель», «героизм» и «слава». Доблесть, дисциплина, честь, красота, здоровье и радость – всё это – «арийское». Все действия, к которым он призывает, являются частью «арийского наследия». В рамках этого двустороннего ориентирования – «арийство» против «не-арийства» - всё рассматривается и оценивается: искусство, книги, люди, философии, музыка, математика, физика, собаки, кошки, аэробика, архитектура, мораль, кулинария, религия, и т.д. Если Гитлер одобрил, значит – «арийское». Если Гитлер не одобрил, значит – «неарийское» или «еврейское». Классифицировать японцев «арийцами» лишь потому, что между Германией и Японией складываются хорошие отношения, президента Рузвельта – «евреем», заострённые крыши – «арийскими», а плоские крыши «международными» и поэтому «еврейскими», или классифицировать одну ветвь физики «арийской», а другую «еврейской» - абсурдно, но ни Гитлера, ни его министерство пропаганды эта абсурдность не останавливает.

Связь между двусторонним ориентированием и боем очень наглядно показана в истории нацизма. С самого начала Гитлер твердил своим последователям, что «враги – повсюду». С тех пор как Гитлер пришёл к власти, Германия маршем шла на войны против настоящих или вымышленных врагов. Ещё до того, как эта война началась, всех, включая женщин и детей, призывали оказывать войне ту или иную поддержку. Для того чтобы поддерживать рост агрессивных настроений до начала войны, немцев толкали на борьбу с «врагами внутри страны»: в основном, с евреями, и с кем угодно, кто как-то пытался противостоять нацистам. Жестокость в отношении несогласных – евреев, католиков, протестантов – даже в так называемые мирные времена, показывает характерную военную истерию: чувство, что ничто

не хорошо так, как «хорошо» должно быть, и ничто не плохо так, как «плохо» могло быть, и что *нет никаких компромиссов*. «Кто не с нами, тот против нас».

МНОГОСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ

Исключая ссоры и яростные разногласия, в повседневном языке проявляется то, что можно назвать многосторонним ориентированием. У нас есть *диапазоны* суждения. Вместо «хорошо» и «плохо», у нас есть «очень плохо», «плохо», «неплохо», «нормально», «хорошо», «очень хорошо»; вместо «здравомыслия» и «безумия», у нас есть «вполне здраво», «достаточно здраво», «слегка дурновато», «дурно», и т.д. Если у нас только два значения, например, «законопослушание» и «нарушение закона», то у нас всего два способа действовать в отношении данной правовой ситуации; первых освобождают, а вторых, предположим, казнят. Человек, который проезжает на красный свет на перекрёстке при таком рассуждении – «такой же нарушитель закона, как убийца» и поэтому получит такое же наказание. Если это кажется абсурдным, то стоит вспомнить средневековые суды, на которых «правоверных» отпускали на свободу, а «еретиков» придавали смерти – и в результате праведники, которые допускали едва значительные теологические ошибки, благодаря христианскому рвению сжигались так же, как и те, кто отрёкся или опозорил церковь. С установлением дополнительных *степеней* нарушения закона, открываются дополнительные возможности, поэтому за мелкие дорожно-транспортные правонарушения полагается небольшой денежный штраф, за бродяжничество – десять дней заключения; за контрабанду – от двух до пяти лет тюрьмы; за крупное хищение – от пяти до десяти лет. То есть, *степеней* наказания существует столько же, сколько определяется *степеней* вины.

Чем больше число различий, тем больше имеется возможных образов действия. Это означает, что мы расширяем свои возможности реагировать *подходящим образом* на множество сложных жизненных ситуаций. Врач не делит людей на «здоровых» и «больных», он различает неопределённое количество состояний, которые можно обозначить словом «болезнь» и применяет неопределённое количество лечений или комбинаций лечений. Примитивные знахари применяли одинаковые свистопляски ко всем болезням.

Двустороннее ориентирование, как мы уже знаем, основано на одном интересе, тогда как у человека есть множество интересов: человек хочет есть, спать, общаться с друзьями, издавать книги, продавать недвижимость, строить мосты, слушать музыку, поддерживать мир, преодолевать болезни. Некоторые из этих желаний – сильнее других, и жизнь представляет постоянную проблему расстановки приоритетов среди этих желаний: «Мне нравится, когда у меня есть деньги, но мне кажется, что когда у меня будет та машина, мне это понравится больше». «Я бы хотел уволить забастовщиков, но мне кажется, намного важнее следовать законам». «Я бы хотел следовать законам, но мне кажется, важнее проучить этих забастовщиков». «Я не люблю стоять в очередях за билетами, но мне хочется посмотреть представление». Присвоение приоритетов многообразным и сложным желаниям в современной цивилизации требует тонко откалиброванной шкалы значений и дальновидности, чтобы добиваясь исполнения одних желаний, мы не препятствовали исполнению других.

Способность смотреть на вещи в рамках более чем двух значений можно обозначить термином *многостороннее ориентирование*.

МНОГОСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ

Многостороннее ориентирование проявляется в практически всех интеллектуальных и даже не особо интеллектуальных социальных диалогах. Редакторы ответственных газет, таких как *New York Times*, *PM*, *Kansas City Star*, *Chicago Daily News*, *Milwaukee Journal* и писатели уважаемых журналов, таких как *Fortune*, *The New Republic*, *Common Sense* или *Atlantic Monthly* сознательно избегают двустороннего ориентирования, как признака необразованности. Они осуждают Гитлера, но и не забывают упомянуть о причинах, которые привели к гитлеризму, а также о фашистских тенденциях в нашей стране. Они критикуют политическое руководство, но и говорят об их положительных достижениях. Они даже могут поддержать войну, но укажут на ограниченность войны, как способа решения проблем. С нашей точки зрения, не так важно, по каким причинам – например, из-за нерешительности – они избегают рассуждений в рамках ангелов и демонов. Важно – то, что они это делают, и тем самым оставляют возможность для рассмотрения различий, примирения конфликтующих сторон и проведения справедливых оценок. Некоторым не нравится такое «хождение вокруг да около», и они настаивают на «чётком да или нет». Это люди, которые режут гордиев узел; они избавляются и от узла, и от верёвки.

Более того, многие свойства демократических процессов предполагают многостороннее ориентирование. Даже древние судебные процедуры, суды присяжных, ограниченные выводами «виновен» и «невиновен», не настолько двусторонние, как может показаться. Для того чтобы предъявить обвинения, приходится выбирать из большого числа возможных. Кроме того, вердикт присяжных и приговор судьи может быть изменён за счёт «обстоятельств, смягчающих вину». Современные административные трибуналы и посреднические советы не связаны необходимостью выносить чёткий вердикт «виновен» или «невиновен» и располагают полномочиями заключать мирные соглашения между сторонами, что говорит о более высокой степени задействия многостороннего ориентирования, чем в случае суда присяжных, и соответственно, для некоторых целей, о большей эффективности.

Очень мало законопроектов одобряется демократическим парламентом в той форме, в которой они изначально представляются. Соперничающие партии обсуждают их до бесконечности, договариваются, идут на компромиссы, и за счёт такого процесса они часто приходят к решениям, более подходящим общим нуждам, в отличие от предложенных изначально. Чем более полно развита демократия, тем гибче её ориентирование, и тем больше она способна примирить конфликтующие интересы людей.

Ещё более многосторонне ориентирован – язык науки. Вместо того чтобы говорить «горячо» и «холодно», мы приводим температуру в *градусах по фиксированной согласованной шкале*: - 20° F., 37° C., и так далее. Вместо того чтобы говорить «сильный» и «слабый», мы приводим силу в *напряжении* и мощность в *лошадиных силах*; вместо «быстро» и «медленно», мы приводим скорость в километрах в час или в метрах в секунду. Вместо того чтобы ограничивать себя двумя или даже несколькими возможными ответами, у нас есть бесчисленное количество

за счёт использования числовых методов. Можно сказать, что язык науки предлагает *бесконечно-стороннее ориентирование*. Располагая средствами подстраивания действий бесконечным числом способов, под конкретную ситуацию, наука способна решать задачи и стремительно развиваться.

АФФЕКТИВНАЯ СИЛА ДВУСТОРОННЕГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

Не смотря на все рекомендации многостороннего и бесконечно-стороннего ориентирования, стоит помнить о том, что в *выражении чувств* двустороннее ориентирование – практически неизбежно. В двустороннем ориентировании есть глубокая «эмоциональная» истина, которой обусловлено его применение в ярких выражениях чувств, особенно тех, которые вызывают жалости или помощи в борьбе. «Покончим с трущобами и добьёмся лучших жилищных условий» (“Down with the slums and up with better housing” – *дословно* – «Вниз с трущобами, вверх с лучшим жильём».) «Билет на корабль сейчас – это пропуск в жизнь! Тысячи преданных антифашистов встретят смерть от болезни и голода этой зимой». Чем ярче выражение, тем чётче границы между «добром» и «злом».

Двустороннее ориентирование, как выражение чувств, и, следовательно, как аффективный элемент в разговоре и письме проявляется практически всегда. Выразить сильные чувства и вызвать интерес равнодушного слушателя крайне сложно без передачи некоторого конфликта. Каждый, кто пытается проинформировать людей о каком-либо вопросе или проблеме, в какой-то момент речи или письменной работы воспользуется двусторонним ориентированием. Двустороннее ориентирование представляется компетентным всеми сознательными попытками в представлении того, что считается правдой – способами указанными выше: указанием на то, что можно сказать против «добра» и что можно сказать в пользу «зла» - и в другие моменты речи или письменного материала введением многостороннего подхода к проблемам.

Двустороннее ориентирование можно сравнить с веслом, которое выполняет функции, в примитивных методах судоходства, как двигателя так и навигационного устройства. В цивилизованной жизни двустороннее ориентирование может быть двигателем, в силу своей аффективной способности вызвать у нас интерес, но навигационным устройством, направляющим нас к месту назначения, должно быть много- или бесконечно-стороннее ориентирование.

«ГИДРОСТАТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС РАЗНОГЛАСИЯ»

Одна из главных ситуаций, в которой двустороннее ориентирование может вызвать серьёзные проблемы в нашем мышлении – это разногласие. Если представитель одной стороны, исходя из двустороннего ориентирования, считает, что, например, Новый Курс «всецело хорош», а республиканцы «всецело плохи», он неосознанно подталкивает своего оппонента к удержанию позиции, что Новый Курс «всецело плох», а республиканцы «всецело хороши». Если мы дискутируем с таким человеком, очень сложно не бросаться в крайность своей позиции так, как это делает он со своей позицией. Этот факт очень хорошо описал

Оливер Уэнделл Холмс в своей коллекции эссе *Autocrat of the Breakfast-Table*, в котором он обсуждает «гидростатический парадокс разногласия»:

Разве вы не знаете, что это значит? – Что ж, я вам объясню. Если бы у вас была согнутая труба, один конец которой был бы не шире мундштука курительной трубки, а другой – настолько широк, что мог бы вместить океан, вода бы с обоих концов стояла бы на одинаковом уровне. Разногласие уравнивает дураков с мудрецами таким же образом – *и дураки об этом прекрасно знают.*

Дискуссии, в которых происходит такое «уравнивание», безусловно – трата времени впустую. *Приведение к абсурду* таких дискуссий часто можно услышать в «дебатах» в старшей школе или в колледже, которые до сих пор много где устраивают. Так как и «положительный», и «отрицательный» участники могут лишь преувеличивать свои заявления и преуменьшать заявления оппонента, итог рассуждений, как правило – незначителен, а решение о том, кто «победил» в дебатах принимается по таким нерелевантным критериям, как презентабельность изложения позиции и самого участника. Стоит заметить, что парламенты и конгрессы не проводят серьёзные обсуждения в такой манере. Речи читаются в основном для избирателей, а не для других членов законодательных органов. Правительство занимается своей работой в залах комиссии, где традиционная атмосфера дебатов отсутствует. У них нет необходимости непреклонно настаивать на «положительной» или «отрицательной» позициях, и поэтому они располагают возможностью тщательно обсудить проблемы, рассмотреть факты, и могут прийти к осуществимым выводам, которые представляют позиции между возможными крайностями. По-видимому, для подготовки студентов к жизни в качестве граждан демократии, практика дачи показаний следственному комитету может принести больше пользы, нежели дебаты до «победы», в стиле средневековых преподавателей.

ДВУСТОРОННЕЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ И СТАДНОЕ ЧУВСТВО

Не один только Гитлер применяет двустороннее ориентирование в политической и социальной дискуссии. Его использование в качестве основной дискуссионной техники свойственно всем тем, кого мы называем «ура-патриотическими ораторами» и «демагогами». Так же как в Германии, здесь это вызывает волнения, фанатизм и бесчеловечность. «Какое им дело» - кричит такой оратор, «этим международным банкирам и владельцам корпораций, разжигающим войны, их помощникам заговорщикам, атеистам евреям и коммунистам, и их наёмным политикам и прессе – какое им дело при их алчном стремлении к власти, до прав простого рабочего на плоды его же труда, до прав на достойную жизнь простого фермера на земле, которую он возделывает, и до прав мелкого бизнесмена на скромные вознаграждения за управление предприятием? Мы долго страдали. Мы долго терпели. Но пришло время остановить силы международной анархии! Пришло время американцам восстать!» Слушатели, которые некритически позволяют себе увлекаться такими речами на протяжении недель, практически всегда приходят к тому, что пульс их скачет, кулаки сжимаются, а желание вести себя агрессивно нарастает.

Из-за этого мирное собрание людей превращается в воинственную толпу. Стоит, однако, признать, что оратор не несёт за это ответственность всецело, так как слушатели должны иметь склонность к двусторонней оценке до того, как они слышат речь. Внутреннее беспокойство,

которое вызывают такие речи настолько сильно, что для того чтобы его выпустить требуется некая активность. В итоге, если людей в таком состоянии не сдержат полицией, они весьма вероятно начнут бунт на улицах, кидая кирпичи в витрины магазинов, и избивая прохожих. В таком состоянии сознания люди совершают групповое линчевание. Любая жестокость по отношению к людям, происходит из-за подозрения их в том, что они – на стороне «зла».

Такое поведение обычно сопровождается, и частично обуславливается, великим чувством самоуверенности. Людям, которым внушили строгое двустороннее ориентирование, как правило, не испытывают сожалений о совершаемых жестоких поступках, потому что им кажется, что «эти мерзавцы сами напросились». Они начинают верить, что ими движет божественное правосудие. Способность одновременно утолить жажду крови и считать себя инструментом правосудия – редкое сочетание удовольствий. Те, кто часто позволяют себе такое потворство собственным желанием, с большой вероятностью становятся неизлечимо зависимыми к жестокости, чем известны члены СС в Германии или некоторые полицейские в этой стране.

Такое внушение обычно предполагает религиозные или патриотические мотивы. Иногда оправданием может служить «поддержание закона и порядка». Возразить на это с практической точки зрения можно тем, что они терпят крайнюю неудачу в достижении этих целей. Нападение толпой на представителей малых пацифистских или религиозных групп, чтобы заставить их целовать флаг, никак не приближает к решению вопросов государственной обороны, а наоборот – замедляет их решение из-за негодования представителей этих групп. Линчевание и самосуд в южных штатах не решают проблемы чернокожих, а лишь усугубляют их. Кратко говоря, двустороннее ориентирование способствует воинственному духу, и *ничему более*. Когда мы руководствуемся им с целью отличной от борьбы, мы практически всегда достигаем результатов противоположных желаемым.

Тем не менее, некоторые ораторы и газетчики используют простое и незатейливое двустороннее ориентирование очень часто, предполагая, что делают это ради мира, процветания, достойного правительства и других возвышенных целей. Они это делают, потому что по-другому не могут? Или же они настолько презрительно относятся к своим читателям и слушателям, что такое компетентное высказывание как: «Преимущества партии оппозиции умалются её недостатками» - слишком тонко для понимания публики? Возможно, что они просто искренны, и не могут не реагировать сигнально, когда возникают предметы обсуждения, к которым они равнодушны. Самое страшное, о чём можно подумать – это то, что они только по им известным причинам, намеренно стараются вызвать беспокойства, замешательство, ненависть и гражданское неповиновение под предлогом благих намерений.

ПРИМЕНЕНИЯ

Двустороннее ориентирование проявляется во всех следующих отрывках в грубой форме (вместе со спутыванием уровней абстракции), на высоких уровнях чувств, как компетентное, так и некомпетентное. Проанализируйте каждый отрывок, задавая следующие вопросы: «Насколько уверенно я могу судить автора этого отрывка? Достаточно ли свидетельств, чтобы

быть в полной уверенности?» Будьте внимательны относительно предположения о том, что двустороннее ориентирование – это всегда «плохо».

1. Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет.

Не так - нечестивые; но они - как прах, возметаемый ветром. Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники - в собрании праведных.

Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет.

Псалтырь 1

2. «Я предупреждаю Джона Л. Льюиса и его коммунистических пособников о том, что мы не будем более терпеть никакие авантюрные кампании под красным флагом Советского Союза на Юге под лозунгами КПП (Конгресса производственных профсоюзов). Если приспешники КПП попытаются реализовать свои преступные планы организации на Юге, если они попытаются деморализовать нашу промышленность, обратить цветное население, подстрекать расовую ненависть и вражду, я предупреждаю его здесь и сейчас, что вышеуказанная деятельность будет встречена Югом во всеоружии, и им придётся пожинать плоды своей недалёковидности». [Цитата представителя шт. Джорджия, Э. Э. Кокса]

СТЮАРТ ЧЕЙЗ, *Тирания Слов*

3. «Как образ жизни, демократия теперь имеет схожее значение с цивилизацией: именно демократия, а не коммунизм, является настоящей альтернативой фашистскому варварству. В демократических странах существуют разные виды зла: проявления произвольной власти, эксплуатация классов, локальные вспышки группового садизма.... Но, в отличие от фашизма, демократия не поощряет существование таких видов зла, объявляя их новым благом.

Вывод – следующий. Не существует ничего, что цивилизованный человек где-либо построил и воспевал, что демократический строй отрицает. Скорее, он предоставляет свободу всем силам, институтам и идеям, которые привели к гуманизации человека: если фашизм привнёс что-то в общее человеческое знание или развитие, демократия должна быть готова принять и включить эти уроки в свой синтез.

Фашизм не доверяет цивилизации как таковой: под влиянием чудовищного коллективного демонизма, он намеренно – что обусловлено самозащитой – растаптывает добродетель.

ЛЬЮИС МАМФОРД, *Men Must Act*

4. Господь, воздай савойцу за святых,
 Чьи трупы на отрогах Альп застыли,
 Чьи деды в дни, когда мы камни чтили,
 Хранили твой завет в сердцах своих,
 Вовеки не прости убийце их
 Мук, что они пред смертью ощутили,
 Когда их жен с младенцами схватили
 И сбросили, глумясь, со скал крутых,
 Их тяжкий стон возносят к небу горы,
 Их прах ветра в Италию несут -
 В край, где царит тройной тиран, который
 Сгубил невинных. Пусть же все поймут,
 Узрев твой гнев, что призовешь ты скоро
 Блудницу вавилонскую на суд.

ДЖОН МИЛТОН, «О Недавней Резне в Пьемонте» (Перевод Ю. Корнеев)

12

АФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

То, что я называю «слуховым воображением – это чувства слога и ритма, проникающих глубже уровней осознания мысли и чувств, делая каждое слово вдохновляющим; оно проникает в самое примитивное и забытое, возвращаясь к источнику в поисках начала и конца. Оно работает за счёт значений, или в привычном смысле, не обходится без них; оно сочетает старое, забытое, банальное, текущее, новое, и способно удивить даже самый древний и самый цивилизованный разум.

ТОМАС СТЁРНЗ ЭЛИОТ

Художественные методы поэзии – это не просто украшения; это методы давления.

ДЖОЗЕФИН МАЙЛЗ

ЯЗЫК науки, как мы уже знаем, помогает в выполнении жизненно важных задач, но он не говорит нам о том, как сама жизнь чувствуется. Мы можем сообщать друг другу научные факты, не зная, и не думая о чувствах друг друга; но перед тем как устанавливать между людьми любовь, дружбу и сообщество, чтобы возникло *желание* сотрудничать и стать обществом, должен возникнуть приток взаимопонимания. Этот приток, конечно же, обусловлен аффективным использованием языка. Ведь, в основном, мы не пытаемся скрывать наши чувства при общении, а скорее наоборот – стараемся выражать их в максимально полной мере. Давайте рассмотрим ещё несколько аффективных функций языка.

ВЕРБАЛЬНЫЙ ГИПНОТИЗМ

Сперва, стоит снова отметить, что красиво звучащие речи, длинные слова и общее *впечатление*, что человек говорит что-то важное, всё это, в результате – аффективно, независимо от того, что говорится. Часто, когда мы слушаем или читаем впечатляюще сформулированные проповеди, речи, политические обращения, эссе или «занимательное чтение», мы полностью прекращаем оценивать критически, и позволяем себе волноваться, печалиться, радоваться или злиться, как того желает автор. Подобно змеям под влиянием музыки из флейты заклинателя, мы поддаёмся вербальным гипнотизёрам. Если автору можно доверять, то нет причин иной раз доставить себе удовольствие таким способом. Но слушать или читать нечто подобное по привычке – вредно. Есть такие церковные прихожане, которые по привычке с удовольствием слушают любые проповеди, независимо от того, какие моральные принципы проповедуются и насколько умело это делается, лишь бы всё произносилось впечатляющим тоном с надлежащим, то есть традиционным, музыкальным и

физическом окружении. Таких слушателей, конечно, можно найти не только в церквях. Автору данной книги нередко приходилось стискивать зубы в гневе после выступления перед женским клубом с разговором о проблемах, о которых он хотел спровоцировать вдумчивое обсуждение, когда некоторые женщины подмечали: «Это было прекрасное обращение. У вас такой приятный голос». То есть, некоторые люди никогда не слушают то, о чём идёт речь, потому что их интересует то, что можно было бы назвать тонким душевным массажем, который они получают от звука слов. Так же как собакам и кошкам нравится, чтобы их иногда гладили, некоторым людям тоже нравится, чтобы их вербально гладили с определённой периодичностью; это форма рудиментарного удовлетворения. Благодаря тому, что таких слушателей – немало, интеллектуальные недостатки редко препятствуют успешной карьере в публичной жизни, на сцене или на радио, у лекционной кафедры или в правительстве.

ДРУГИЕ АФФЕКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Мы уже упоминали аффективную силу повторения похожих звуков в названиях и слоганах (*The Mind in the Making* – рус. *Развитие Разума*, *Live Alone and Like It* – рус. *Живи Один Без Жалоб*, *Roosevelt or Ruin* – рус. *Рузвельт или Руины*). На более высокой ступени находятся не только звуки, но и грамматические структуры, например:

First in war, first in peace, first in the hearts of his countrymen...	Первый в войне, первый в мире, первый в сердцах своих соотечественников...
---	---

Government of the people, by the people, for the people...	Правительство из народа, от народа, для народа...
--	---

Такие элементы дискурса, с точки зрения науки – паразитические, но без них, эти фразы никого бы не впечатлили. Линкольн мог бы передать ту же мысль, сказав: «правительство из, от и для народа», или ещё проще: «правительство народа». Однако он не писал научную монографию. Он вбивает слово «народ» в наши головы три раза, и с каждым на первый взгляд необязательным повторением, он пытается пробудить более глубокие и влиятельные коннотации слова. Бегло рассмотреть все подробности и сложности аффективных качеств языка в одном только звуковом аспекте – невозможно, но важно помнить, что многие притягательные свойства литературы и красноречия основываются на простых фонетических приёмах – на рифме, аллитерации, ассонансе и тонких нюансах ритма. Все эти звуковые эффекты применяются, чтобы насколько возможно усилить другие аффективные приёмы.

Другим примером аффективного приёма может послужить *прямое обращение* к слушателю или читателю, например: «Уйди с газона. Это я тебе!» Этим приёмом пользовался журналист и телеведущий, Джимми Фидлер: «И да, я имею ввиду тебя». С помощью этого приёма говорящий пытается привлечь внимание слушателя и заставить его поверить в то, что обращаются к нему лично. Данный приём используется не только на рекламных плакатах и ведущими на радио. Он смягчает формальную речь и добавляет то, что обычно называют «своеобразием». Когда говорящий или пишущий считает своё сообщение особенно важным, он почти не может отказать себе в использовании этого приёма. Поэтому он встречается как в самых красноречивых сочинениях, так и в самых простых. Практически так же как «ты»,

распространено использование приёма «мы». В этом случае писатель обозначает читателя своим сторонником, для того чтобы последний на протяжении чтения смотрел на вещи так же, как и первый: «Далее *мы* рассмотрим следующее...», «*Мы* можем убедиться на примере...», «*Наша* задача – продолжать идти вперёд...» Этот приём часто используется в более вежливых формах проповедей и наставлений, и его можно часто встретить в этой книге.

В таких риторических приёмах как *предложение с задержкой* привычный порядок слов меняется с целью придания ему аффективности. В предложении с задержкой основная мысль высказывается только в самом конце для создания лёгкого драматического эффекта за счёт удержания читателя некоторое время в ожидании. Также есть такой приём как *антитеза* – лёгкая форма двустороннего ориентирования, которая, несомненно, обладает аффективными качествами. В антитезе два сильно разнящихся понятия приводятся близко друг к другу в фонетических или грамматических параллельных конструкциях, чтобы читатель хорошо прочувствовал контраст: «Родился слугой, но умер королём», «В самых прекрасных песнях поётся о грустном», «Голодные судьи скоро подписывают приговоры. "Повесить этого вора!" Как раз и поужинать впору».

МЕТАФОРА И ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ

Как мы уже знаем, у слов, помимо информативной ценности, есть ещё и аффективные коннотации. Это объясняет тот факт, что такие утверждения как: «Я тебя ждал *вечность* – ты на целый час опоздал!», «У него *куча* денег!» и «Я устал до *смерти*» - бессмысленны в буквальной интерпретации, и тем не менее, «несут смысл». Неточность или неадекватность информативных коннотаций наших слов – не релевантны с точки зрения аффективной коммуникации. Поэтому мы можем называть луну «куском сыра», «дамочкой», «серебряным кораблём», «осколком злой конфеты»¹⁷ или как-либо ещё, лишь бы слова вызывали желаемые чувства в отношении луны или ситуации, в которой луна фигурирует. Именно поэтому литературу так сложно переводить с одного языка на другие. Перевод, который следует информативным коннотациям, часто искажает аффективные коннотации, и наоборот; и впоследствии читатели, владеющие как языком оригинала, так и языком перевода, выражают неудовлетворённость фразой: «духом оригинала пришлось пожертвовать» или «в переводе полно неточностей».

В то время как *метафора* и *образное сравнение* считались «украшениями» речи – то есть, как вышивка на постельном белье, которая красиво выглядит, но ничего полезного не приносит – психологией этих коммуникативных приёмов пренебрегали. Мы рассмотрели, что в результате спутывания уровней абстракции, мы склонны предполагать, что вещи, которые вызывают одинаковые реакции – идентичны друг другу. Представим, что некоторое поведение знакомого человека на ужине вызвало у нас чувство отвращения, которое до этого у нас возникало, только когда мы смотрели на свиней у корыта. Нашей первой, необдуманной реакцией в таких обстоятельствах будет – сказать: «Он – свинья». В этот момент, как нам подсказывают чувства, человек и свинья – идентичны друг другу. В другом примере мягкий

¹⁷ Из последней строчки стихотворения Эдварда Каммингса *the Cambridge ladies who live in furnished souls*: "...the moon rattles like a fragment of angry candy" – рус. «/луна гремит как осколок злой конфеты».

тёплый весенний ветер может создать приятные ощущения; мягкие руки милых молодых девушек тоже создают приятные ощущения; поэтому с точки зрения человека, выражающего свои чувства: «У весны мягкие руки». Это простой пример процесса создания метафоры. Метафора – это не «украшение дискурса»; это прямое выражение чувств, и она возникает там, где есть сильные чувства, которые хочется выразить. Поэтому их можно найти в избытке в любой примитивной речи, в традиционных разговорах, в речи малограмотных людей, детей, бандитов, в профессиональном театральном жаргоне и в других активных занятиях.

ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ

Даже на ранних стадиях развития цивилизации было понятно, что при назывании человека свиньёй различия между человеком и свиньёй не учитывались. Если человек над этим задумается, он может, в отличие от вышеприведённого высказывания, сказать: «Он – как свинья». Такое выражение называется *образным сравнением* – когда указываются схожести наших чувств в отношении человека и свиньи. И здесь важно заметить то, что само понятие схожести подразумевает осознание различий, тогда как в метафоре свинья и человек отождествляются. Таким образом, образное сравнение – это своего рода компромисс между прямым, необдуманым выражением чувства и сообщением, стоящий ближе первому, нежели к последнему.

Ещё никогда не признавался тот факт, что «сленг» и «вульгаризм» функционирует по тем же принципам, по которым функционирует «великая поэзия». В сленге постоянно используется метафора и образное сравнение: «лезть в петлю», «зевака», «до потери пульса», «лить воду», «лакричная палочка» (кларнет), и т.д. Художественный процесс, с помощью которого появляются фразы подобные вышеупомянутым – такой же, как и в случае с написанием поэзии. В поэзии наблюдается такая же манера смотреть на вещи научно недопустимым или эмоционально экспрессивным способом:

Горбатые верблюды ночи
Плывут по прозрачным,
Серебряным водам луны.

ФРЭНСИС ТОМПСОН

Снегу нет никакого мягкого, белого дела
до того, Кто на него ступает.

ЭДВАРД КАММИНГС

...бегут листья,
Как перед чародеем привиденья,
То бурей желтизны и красноты,
То пестрым вихрем всех оттенков гнили;
То голых пашен черные пласты.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ (Перевод Б. Пастернак)

Есть сладостная польза и в несчастье:
Оно подобно ядовитой жабе,
Что ценный камень в голове таит.
Находит наша жизнь вдали от света
В деревьях - речь, в ручье текучем - книгу,
И проповедь - в камнях, и всюду - благо.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (Перевод Т. Щепкина-Куперник)

Однажды в полночь Вечность видел я —
Она Кольцом сверкала, блеск лия,
Бескрайний свет струя.

ГЕНРИ ВОЭН (Перевод Д. В. Щедровицкий)

Следовательно, то, что называется «сленгом» можно считать поэзией повседневной жизни, потому что он выполняет почти такую же функцию, а именно – ярко выражает чувства людей о жизни и о том, с чем им приходится в жизни сталкиваться.

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Вспомните человека из Главы 9, который ударил свою машину в «глаз». Также стоит вспомнить, что в некоторой степени, мы все делаем нечто подобное. Для наших чувств не существует предметов живой и неживой природы. Страх *чувствуется* одинаково как в отношении существа, так и в отношении объекта. Поэтому в выражении чувств машина может «лечь и умереть», мороз «щиплет» щёки, «злые» волны «рычат», разбиваясь о камни, дороги – «предательски» скользкие, горы «смотрят вниз» на море, пулемёты «плюют», револьверы «гавкают», вулканы «изрыгают» пламя, а двигатель «жрёт» горючее. Особый вид метафоры называется *олицетворением*, и обычно описывается учебниками по риторике как «одушевление неодушевлённых предметов». Мы можем лучше понять данный приём, если опишем его как *не различие между одушевлённым и неодушевлённым*.

МЁРТВАЯ МЕТАФОРА

Здесь не подразумевается, что из-за того, что метафора, образное сравнение и олицетворение основаны в основном на примитивных привычках мышления, их стоит избегать. Это одни из наиболее полезных приёмов общения, так как за счёт их ёмкой и оперативной аффективной силы пропадает необходимость изобретать новые слова для новых вещей или чувств. Они используются с этой целью настолько широко, что мы применяем их, не осознавая этого. Например, когда мы говорим о «носике» чайника, «ножке» стола или стула, «ветви» науки, и т.д., мы применяем метафору. Радиоволны «покрывают» зону; теории «строятся»; правительство «выкачивает» деньги налогоплательщиков. Даже в такой непоэтичной области как статья о финансах можно найти: рынки – «наводнены» акциями, долги «ликвидируются», цены «сбрасываются» или «взвинчиваются», и т.д. То есть, метафоры настолько удобны, что часто становятся частью обычного словарного запаса. Метафора, пожалуй – самый важный из всех языковых приёмов, за счёт которых язык развивается, изменяется, расширяется и адаптируется к нашим изменчивым нуждам. Успешные метафоры «умирают», то есть, они настолько плотно оседают в языке, что мы прекращаем думать о них как о метафорах.

Отвергать аргументы лишь потому, что они основаны на метафорах или на «метафорическом мышлении» - далеко не всегда справедливо. Значение имеет не само наличие метафор, а то, насколько эффективно они представляют реальные схожести.

АЛЛЮЗИЯ

Существует ещё один аффективный приём под названием *аллюзия*. Например, если мы, стоя рано утром на мосту в городе Сэйнт Пол, штат Миннесота, говорим:

Нет зрелища пленительней! И в ком
 Не дрогнет дух бесчувственно-упрямый
 При виде величавой панорамы...

УЛЬЯМ УОРДСУОРТ (Перевод В. В. Левик)

мы вызываем у человека знакомого со стихотворением чувства, которые Уордсуорт выразил при виде Лондона ранним сентябрьским утром в 1802 году, и прилагаем их к городу Сэйнт Пол. Таким образом, за счёт некоего подразумеваемого образного сравнения, мы можем выразить наши чувства. Поэтому аллюзия – это простой способ выражения и создания оттенков чувств в слушателе. С помощью библейской аллюзии можно вызвать почтительное или набожное отношение; с помощью исторической аллюзии, например, когда мы говорим, что Нью-Йорк – это «современный Вавилон», мы можем быстро и эффективно сказать, что нам кажется, что Нью-Йорк – это крайне порочный и расточительный город, обречённый на уничтожение из-за греховности; с помощью литературной аллюзии можно вызвать те же чувства, что вызывает рассказ или стихотворение и спроецировать их на текущее событие.

Аллюзии, однако, работают в качестве аффективного приёма только, когда слушатель знаком с историей, литературой, людьми или событиями, на которые ссылается говорящий. Семейные шутки (которые практически всегда являются аллюзиями к событиям или воспоминаниям о событиях, произошедших с семьёй) приходится объяснять посторонним; классические аллюзии к литературе приходится объяснять людям не знакомым с классикой. Тем не менее, когда у группы людей – семьи или цивилизации – есть общие воспоминания или традиции, тонкие и эффективные способы общения становятся возможными благодаря аллюзии.

Это одна из причин, по которым молодое поколение заставляют изучать литературу и историю их собственных лингвистических или национальных групп; чтобы они понимали и разделяли сообщение в группе. К примеру, если человек не понимает такие утверждения как «Он – обычный Бенедикт Арнольд» или «Президент корпорации – это просто Чарли Маккарти; Бергеном здесь выступает генеральный директор», то он является в некотором роде посторонним по отношению к популярным культурным традициям современной Америки. Схожим образом, если кто-то не понимает применение аллюзий к известным личностям европейской и американской истории, используя известные строчки из Чосера, Шекспира, Милтона, Уордсуорта, или из библии короля Якова, или известные качества персонажей Диккенса, Теккерей или Марка Твена, то он тоже может считаться посторонним в отношении традиций людей, говорящий на английском языке. Поэтому изучение истории и литературы – это не просто приобретение изысканных достижений с целью впечатлить людей, как считают некоторые «практичные» люди, а необходимость для повышения эффективности общения и понимания того, что другие люди пытаются нам передать.

ИРОНИЯ, ПАФОС И ЮМОР

Метафора, образное сравнение или аллюзия могут быть использованы более сложным образом для придания юмора, пафоса или иронии за счёт создания конфликта между нашими более очевидными чувствами в отношении того, о чём идёт речь, и чувствами, вызванными самим выражением. В этом случае конфликтующие чувства превращаются в *третье, новое*

чувство. Возвращаясь к вышеприведённому примеру, давайте представим, что мы смотрим на крайне мерзкую часть города Сэнт Пол, и очевидно чувствуем неприязнь. Затем, с помощью цитаты Уордсуорта мы взываем к чувству очарования и величия. В результате чувство возникает не благодаря только виду и не только аллюзии, а их конфликту – резкое чувство несоответствия, которое заставляет нас либо смеяться, либо плакать, в зависимости от остального контекста. Существует много сложных оттенков чувств, которые можно вызвать каким-либо другим способом. Если, например, деревенского поэта называют «Милтон из Мадвилла»,¹⁸ конфликт между позорными коннотациями «Мадвилла» и прославленными коннотациями «Милтона» производит комический эффект, за счёт которого поэту присваивается позор. Однако если из Крейгенпаттока может выйти Томас Карлайл, то нет причин тому, чтобы из Мидвилла не вышел Милтон. Этот, в некоторой степени, более сложный приём можно представить в виде диаграммы, заимствованной из математики:

АФФЕКТИВНОСТЬ ФАКТОВ

Мы уже рассмотрели в нашем обсуждении «уклонов», что сами сообщения, даже если они не направлены на то, чтобы вызвать сильную реакцию в читателе, всё равно могут повлиять на его чувства тем или иным образом. Даже если вы доставите сообщение настолько хладнокровно и спокойно, насколько возможно: «Не смотря на то, что в наличии не было обезболивающих средств и хирургических инструментов, он сказал, что ногу придётся ампутировать. Он провёл операцию при помощи мясоразделочного ножа и топора, пока четыре человека удерживали пациента», большинство читателей сочтут такое сообщение крайне аффективным. Сами факты могут быть аффективными, но существует важное отличие фактов от других аффективных элементов в языке. В случае последнего, писатель или говорящий выражает свои собственные чувства; в случае первого, он «подавляет свои чувства» - то есть, делает утверждения таким способом, чтобы их можно было проверить, независимо от чьих-либо чувств.

Обычно, как в приведённом примере, сообщение с тщательно отобранными фактами бывает более аффективным, нежели прямые и открытые суждения. Вместо того чтобы говорить

¹⁸ «Мадвилл» - город из стихотворения *Casey at the Bat* Эрнеста Л. Тэйера о бейсбольной команде, которая своим проигрышем сильно разочаровала болельщиков.

читателю: «На операцию было невыносимо смотреть!», *мы можем дать читателю возможность сказать это за себя*. Можно сказать, что читатель вынужден участвовать посредством принуждения к собственным заключениям. Опытные писатели отлично знают, какие факты стоит отбирать, чтобы повлиять на читателя желаемым образом. Следующий отрывок взят из раздела “Profile” журнала *The New Yorker*:

«Несколько эндокринологов тщетно пытались убедить Мисс Д пройти осмотр. Она боится врачей. При заболевании, она полагается на лекарства без рецепта. Она говорит: «Медицинская профессия позволяет слишком глубоко лезть не в свои дела, когда они берутся за физические недостатки».

Факты в сообщении о Мисс Д, её страх врачей, зависимость от лекарств без рецепта, манеры выражения и, по сообщению, неправильное произношение термина «физический недостаток» (*англ. “monstrosity”* вместо “monstrosity”), почти неизбежно заставляют заключить, что она невежественный и неразумный человек; однако писатель *этого не говорит*. Таким образом, мы с большей вероятностью можем убедить себя в этом заключении из прочитанного, нежели открытыми суждениями, потому что писатель не просит нас поверить ему на слово. Заключение, в некотором смысле, становится нашим собственным открытием, нежели открытием писателя.

УРОВНИ ПИСЬМА

Надёжность аффективности фактов – когда мы полагаемся на способность читателя приходить к заключениям, к которым мы хотим, чтобы он пришёл – варьируется в зависимости от предмета обсуждения и от аудитории. К примеру, когда мы пишем: «У него была температура 40 градусов», можно ожидать, что практически любой читатель подумает: «Какой ужасный жар!» Но когда мы пишем: «Любимыми поэтами Мистера Джонса были Эдгар Гест и Шекспир», не исключены такие суждения как: «Забавно! Что за человек не способен отличить бред Геста от поэзии Шекспира?» и «Мистер Джон, похоже, славный человек. Это и мои любимые поэты». Если высказывание задумывается как саркастический комментарий о неразборчивом вкусе Мистера Джонса, то человек, который склонен дать последний ответ, не почувствует сарказма. Это имеется ввиду, когда кто-то говорит, что высказывание – «выше чьего-либо понимания».

В этом свете интересно сравнить журналы и статьи на разных уровнях: «бульварные» и популярные иллюстрированные (*Good Housekeeping, McCall’s, Esquire, Saturday Evening Post*, и т.д.) с «качественными» журналами (*Harper’s, The New Yorker, The Nation*). Во всех, кроме «качественных» журналов писатели редко полагаются на способность читателя приходить к собственным заключениям. Чтобы читатель не слишком сильно напрягал интеллект, писатели *судят за нас*. В этом отношении наш выбор не велик; не смотря на то, что они пишут утверждения в форме сообщений, они почти всегда сопровождают их суждениями, чтобы удостовериться в том, что до читателя дошла суть.

Группа «качественных» журналов склонна во многом полагаться на читателя, не приводя суждений совсем, когда факты «говорят сами за себя», или же приводя достаточно фактов

наряду с суждениями, чтобы читатель мог прийти к другим заключениям, если захочет. Например, в «бульварных» журналах часто можно встретить нечто подобное:

Элейн была – скажем честно – скучной и заурядной. Она, конечно, была красивой, но в привычном смысле.

«Качественные» журналы оставляют намного больше на суд читателя:

Элейн погасила сигарету в чашке с остатками кофе. Встав, она поправила юбку и пригладила волосы.

ОЦЕНКА ЛИТЕРАТУРЫ

Из всего вышесказанного мы можем сделать очевидный вывод: так как в литературе преобладает выражение чувств, наиболее важным в ней выступают аффективные элементы. В оценивании романа, стихотворения, пьесы или рассказа, так же как и в оценивании проповедей, политических речей и директивных высказываний, в целом польза от какой-либо письменной работы в качестве «карты» реальных «территорий» принимается во внимание во вторую очередь, а иногда и вовсе не рассматривается. Если бы это было не так, то существование таких произведений как *Путешествия Гулливера*, *Алиса в Стране Чудес*, *Алая Буква* или *Эссе Эмерсона* невозможно было бы оправдать.

Когда мы говорим, что в данном аффективном письменном труде содержится истина, мы не имеем в виду «истину с научной точки зрения». Это просто может значить, что мы согласны с переданным настроением; это может означать, что мы считаем, что чувство было выражено точно; это также может означать, что чувства, которые произведение вызывает, могут заставить нас изменить наше социальное или личное поведение в лучшую сторону. Значениям «истины» нет предела. Люди, которые считают, что между наукой и литературой или наукой и религией обязательно должен быть конфликт, помимо этого во многом руководствуются двусторонним ориентированием, в связи с чем, всё для них либо «истинно», либо «ложно». Для таких людей, если наука – «истинна», значит литература или религия – бред; если литература или религия – «истинна», то наука – это лишь «претенциозное невежество». Стоит понять, что когда люди говорят, что что-то «истинно с научной точки зрения», то это полезные и проверяемые формулировки, которые служат целям организованного сотрудничества. Стоит также понять, что когда люди говорят, что пьесы Шекспира или конституция Соединённых штатов содержат «вечные истины», значит, они создают в нас настроения и отношение к нашим собратьям людям, понимание самих себя или чувства глубокого морального долга, ценного для человека в любых обстоятельствах.

Помимо этого, давайте рассмотрим важный недостаток языка сообщений и научных письменных работ. Джон Смит, любящий Мэри – это не Уильям Браун, любящий Джейн; Уильям Браун, любящий Джейн – это не Генри Джонс, любящий Энн; Генри Джонс, любящий Энн – это не Роберт Браунинг, любящий Элизабет Баррет. Каждая из этих ситуаций уникальна; не бывает двух одинаковых пар людей любящих друг друга; и даже любовь между двумя людьми не бывает *в точности* одинаковой изо дня в день. Наука всегда ищет общие законы наиболее широкого применения, и поэтому абстрагирует из этих ситуаций *только то, что*

между ними есть общего. Но каждый любящий человек осознаёт *уникальность* лишь своих чувств; как нам известно, каждый чувствует так, будто он первый во всём мире, кто полюбил.

Как передаётся это отличие? Именно здесь аффективное использование языка играет свою главную роль. Бесчисленное множество отличий чувств в отношении многих событий, которые мы испытываем – слишком тонки для сообщений; их необходимо выражать. И мы выражаем их с помощью сложного изменения тона голоса, ритма, коннотаций, аффективных фактов, метафор, аллюзий и другими аффективными приёмами.

Часто бывает так, что чувства, которые мы хотим выразить, настолько едва уловимы или сложны, что несколько строчек прозы или стиха – недостаточно, чтобы их передать. Поэтому авторам иногда необходимо писать целые книги, проводя читателей через многие ощущения, ситуации и приключения, давая им воспринимать то одно, то другое, вызывая к воинственному духу, нежности, чувству трагедии, смеху, склонности к предрассудкам, алчности, чувственности, набожности, и т.д. Только таким способом порой можно воссоздать в читателях *в точности* те чувства, которые автор хочет выразить. Именно по этой причине существуют романы, стихи, драмы, рассказы, аллегории и сказки: чтобы передать такие суждения как «жизнь – трагична» или «Сюзанна – красива», не просто говоря это, а давая нам пройти через множество опытов, которые заставят нас относиться к жизни или к Сюзанне так, как это делал автор. *Литература – это наиболее точное выражение чувств, а наука – это наиболее точный способ сообщать.* Поэзию, которая сводит все аффективные ресурсы языка в ритмические рисунки, можно назвать языком выражения в высшей степени эффективности.

АФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРОТИВ НАУЧНОЙ

Во вполне реальном смысле, люди, читавшие хорошую литературу, прожили дольше людей, не умеющих или не желающих читать. Прочитав *Путешествия Гулливера*, человек пережил опыт отвращения к поведению человеческой расы вместе с Джонатаном Свифтом; прочитав *Гекльберри Финна*, человек прочувствовал, какого дрейфовать по реке Миссисипи; прочитав Байрона, человек пережил вместе с ним восстания и неврозы и прочувствовал его отношение к обществу; прочитав *Сына Америки*, человек проникся отчаянием чернокожих в Чикаго. Это сложная задача, которую выполняет аффективная коммуникация: она позволяет нам чувствовать то, что чувствовали другие, даже если они жили в тысячах миль от нас века назад. То, что «жизнь всего одна» - неправда; если мы умеем читать, мы можем жить множество разных жизней.

Посредством научной коммуникации, с помощью международных систем измерения, ботанической и зоологической номенклатуры, математических символов, и т.д. мы можем обмениваться информацией, накапливать наблюдения и расширять способности контроля окружающей среды. Посредством аффективной коммуникации – с помощью разговоров и жестов, видя друг друга, и с помощью литературы и других искусств, не видя друг друга – мы можем понимать друг друга, отбрасывать подозрения, формируя сообщества. Говоря кратко, наука даёт нам способность сотрудничать, а искусства расширяют наше взаимопонимание и создают желание сотрудничать.

Сегодня мы располагаем технологиями, позволяющими нам получить практически всё, что мы хотим. Однако желания наши – незрелы. По-видимому, полноценное применение технологий обусловлено одной достаточно сильной амбицией – племенным (национальным) возвеличиванием – желанием уничтожить наших соседей быстрее и эффективней, чем это могут они. Первоочередная задача на будущее состоит не в том, чтобы развивать технологии в областях, где царствуют предрассудки – например, в экономике и политике – делая такие бедствия неизбежными; она состоит в том, чтобы с помощью искусств и литературы создать цивилизующее влияние на наши нецивилизованные желания. Мы должны не только уметь работать вместе, но и желать работать вместе.

ПРИМЕНЕНИЯ

Литературоведение, в котором пытаются узнать, что именно имел в виду автор, предполагает знание принципов, которые мы обсудили в этой главе. Для того чтобы применять эти принципы нужно много и внимательно читать и вырабатывать вкус за счёт *осознания того, что происходит* в любом читаемом произведении, будь это журнал, рассказ или пьеса.

Метафору интересно рассмотреть отдельно. Ниже приведено несколько дополнительных примеров «мертвых метафор». Если их происхождение не очевидно, попробуйте поискать их в словарях.

caterpillar tractor – гусеничный трактор

clew (clue) – улика (от староанглийского *clīwen* – клубок нитей)

echelon – эшелон (от франц. *échelle* – лестница)

scale – гамма (музыкальная) (от лат. *scandere* – взбираться)

pommel – лука (седла) (от старофранцузского *romel* – яблоко)

incentive – стимул (от лат. *incitare* – «к пробуждению»)

poll tax – подушный налог (от нижненемецкого *poll* – голова – «поголовный» налог)

siren – сирена (поющая нимфа, заманивающая моряков в смертельную опасность)

High Sierras – Сьерра-Невада (горы) (от лат. *serra* – пила)

auspicious – благоприятный (от *auspice* – *исп.* предсказание событий по поведению птиц)

four-flusher – притворщик (от *four flush* – неудачная комбинация карт в покере, о которой стараются не подавать виду)

crown gear – коронная шестерня

roached egg – яйцо-пашот (от франц. *rocher* – класть в мешок)

Следующие выражения могут показаться странными человеку, который знает, что они содержат мёртвые метафоры. Поищите и эти выражения в словарях, если вы не знаете, почему:

domestic economy – внутренняя экономика (*досл.* домашнее хозяйство)

head of cabbage – кочан капусты (*досл.* голова капусты)

afternoon matinee – дневной спектакль (*досл.* послеполуденное утро)

They were good *companions*, but they never ate together. – Они были хорошими *компаньонами*, но никогда не ели вместе.

He took the stars into *consideration*. – Он принял звёзды в *расчёт*.

The southpaw was a *dexterous* pitcher and was exceedingly *adroit* in placing his fast curve ball. Nevertheless in most ways his manners were *gauche*, and there was something *sinister* about his appearance. – Левша был *умелым* питчером и очень *ловко* подавал кручёный мяч. Однако в остальном он был *неуклюжим*, и было в нём что-то *подозрительное*. [слова *dexterous* и *adroit* имеют одним из значений «право», «правый», и т.д., тогда как слова *gauche* и *sinister* – «лево», «левый»]

Читателю также может быть полезно составить список метафорических выражений из какой-либо профессии, хобби или спорта, с которыми он знаком; например, железные дороги, бейсбол, финансы, авиация, и т.д.

Полезной практикой даже для опытного читателя будет проанализировать отрывки произведений – особенно тех, с которыми читатель хорошо знаком – чтобы узнать, что говорит автор, каково его отношение к теме произведения и к читателю, и каким образом он передаёт и показывает это отношение. Для такого анализа можно воспользоваться отрывками, приведёнными ниже:

1. Свежее, живительное утро в начале октября. Сирень и золотой дождь, озаренные победными кострами осени, сплетаясь, пылали над землей, словно волшебный мост, возведенный доброй природой для обитающих на верхушках деревьев бескрылых созданий, дабы они могли общаться друг с другом. Лиственницы и гранаты разливали по лесным склонам искрометные потоки пурпурного и желтого пламени. Дурманящий аромат бесчисленных эфемерных цветов насыщал дремотный воздух. Высоко в ясной синеве один-единственный эузофагус застыл на недвижных крылах. Всюду царили тишина, безмятежность, мир божий. **МАРК ТВЕН** (Перевод Н. Бать)

2. Муниципальный совет собрался на специальное заседание. И вот к ней в дом, куда восемь или десять лет, с тех пор как она перестала давать уроки росписи по фарфору, не ступала нога постороннего, явилась депутация. Старый негр впустил посетителей в полутемную прихожую, откуда наверх уходила лестница, скрываясь в еще более густой темноте. В доме стоял запах пыли и запустения - спертый, тленный дух. Негр провел их в гостиную, заставленную тяжелой мебелью в кожаной обивке. Он открыл ставень на одном окне, и стало видно, что кожа вся потрескалась, а когда они рассаживались, с нее лениво поднялась лежащая пыль и плавно поплыла, кружась, в единственном луче света. Перед камином на почерневшем золоченом мольберте стоял карандашный портрет отца мисс Эмили.

Все встали, когда она вошла – низенькая толстая старуха в черном, с заправленной за пояс тонкой золотой цепочкой через грудь, опирающаяся на черную трость с тусклым золотым набалдашником. Она была узкой в кости и, наверно, поэтому казалась не просто располневшей, как другая бы на ее месте, а бесформенной, расплывшейся, даже разбухшей, будто утопленник, долго пролежавший в стоячей воде, и с таким же мертвенно-бледным лицом. Пока гости излагали ей то, что им поручено было сказать, взгляд ее глаз, вдавленных в складки жира, точно два уголька в кусок теста, передвигался с одного лица на другое.

Сестра она их не пригласила, а выслушала, недвижно стоя в дверях, и когда глава депутации, запинаясь, довел свою речь до конца, стало слышно, как тикают у нее на цепочке невидимые часики. **УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР** «Роза Для Эмили» (Перевод И. Берштейн)

3. Так ехали они несколько часов, пока наездники не выбрали на широкую и хорошо убитую дорогу, которая после поворота направо скоро привела их к прекрасной, заманчивой на вид гостинице, где все они и остановились; но Софья была сильно утомлена: если ей последние пять или шесть миль трудно было держаться в седле, то теперь она была даже не в силах сойти на землю без посторонней помощи. Хозяин, державший ее лошадь, тотчас это заметил и предложил снять ее с седла на руках, а она слишком поспешно согласилась принять его услугу. Судьба, видно, решила заставить Софью краснеть в этот день, и коварная попытка удалась теперь лучше, чем в первый раз: только что хозяин принял девушку в свои объятия, как ноги его, недавно сильно потрепанные подагрой, подкосились, и он грохнулся наземь, но при этом небольшой ловкостью и галантностью успел броситься под свою прелестную ношу, так что все синяки от падения достались только ему; правда, и Софья получила жестокий удар: он был нанесен ее стыдливости широкой насмешливой улыбкой, которую, поднявшись на ноги, она заметила на лицах большинства зрителей. По этой улыбке она догадалась, что с ней случилось;

мы не будем, однако, на этом останавливаться в угоду читателям, которые способны смеяться над оскорблением деликатных чувств молодой дамы. Такие приключения никогда не рисовались нам в смешном свете, и мы не постесняемся сказать, что надо иметь весьма извращенное представление о стыдливости красивой молодой женщины, чтобы приносить се в жертву мелкому удовольствию, доставляемому смехом. **ГЕНРИ ФИЛДИНГ** История Тома Джонса, Найдёнша (Перевод А. Франковский)

4.   Тому, кто в городе был заточён,
                      Такая радость — видеть над собою
                      Открытый лик небес и на покое
Дышать молитвой, тихой, точно сон.
И счастлив тот, кто, сладко утомлён,
                      Найдет в траве убежище от зноя
                      И перечтет прекрасное, простое
Преданье о любви былых времён.
И, возвращаясь к своему крыльцу,
                      Услышав соловья в уснувшей чаще,
                      Следя за тучкой, по небу скользящей,
Он погрустит, что к скорому концу
                      Подходит день, чтобы слезой блестящей
У ангела скатиться по лицу.

ДЖОН КИТС (Перевод С. Я. Маршак)

13

ИНТЕНСИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ

Понимающий человек не должен сидеть, сложа руки, и спокойно смотреть на то, как его страна приводит литературу в упадок и с презрением относится к достойным письменным трудам. Это всё равно, что врач сидел бы, сложа руки, наблюдая за ребёнком, из невежества заражавшего себя туберкулёзом, думая что он просто ест пирожки с повидлом.

ЭЗРА ПАУНД

СВОБОДА ОБЩЕНИЯ

МЫ в США, кто наслаждается свободой прессы и слова в той же степени, в какой ей наслаждаются в остальном мире, часто забываем, что информация в форме книг, новостей и образования когда-то считалась слишком ценной, чтобы свободно распространять её среди простых людей. И так происходит до сих пор в некоторых странах. В любых диктатурах, как в древних, так и в современных, правители полагаются на предположение, что они лучше знают, что хорошо для людей, которым полагается иметь только ту информацию, которую правители сочли для них подходящей. До относительно недавнего времени достойными образования считались только привилегированные классы. Например, в некоторых обращениях президента к конгрессу обучение негров чтению и письму характеризовалось как преступление. Мысль об общем образовании когда-то пугала «лучших людей страны», как сегодня их пугает социализм. Когда журналистика только начала появляться, газеты приходилось распространять контрабандой, потому что правительства не давали разрешение на их распространение. Книги раньше можно было издавать только после получения официального разрешения. Свобода слова и свобода прессы не случайно идут рука об руку с демократией, как и цензура с подавлением всегда сопровождают диктатуру.

В целом, подавление информации редко было успешным, а после изобретения печати, телеграфа, радио и других средств коммуникации, её стало подавлять ещё сложнее. Ради самосохранения, человек старается получить информацию от максимально возможного количества людей и стремится максимально широко распространять любые знания, которые он считает ценными. Власть и привилегии аристократов одерживают временные победы, но за последние три или четыре столетия, общий доступ к информации, не смотря на периодическую военную цензуру, стабильно возрастал. В такой стране как США, где эти тенденции развились в полной мере, принципы общего образования и свободы прессы редко подвергаются сомнению в открытую. Мы можем произнести речь, не показывая заранее наши рукописи начальнику полицейского управления. Механические прессы, дешёвые методы печати, оборот книг в

библиотеках, сложные системы систематизации и поиска, которые позволяют находить практически любую необходимую информацию – наличие всего этого избавляет нас от необходимости полагаться исключительно на собственный опыт, и пользоваться опытом всего человечества.

Тем не менее, борьба за свободу общения в самом широком объединении знаний, даже в рамках США, до сих пор продолжается; прежде всего, из-за внешних сложностей. По-прежнему существуют миллионы неграмотных людей; хорошие книги доступны не повсеместно; в нашей стране есть много мест, где нет пригодных школ; в некоторых сообществах нет библиотек; наши газеты – хоть они и свободны от вмешательства правительства – слишком часто находятся под контролем людей, которые рассказывают нам лишь то, что они хотят, чтобы мы знали.

СЛОВА КАК БАРЬЕР

Однако здесь нас интересуют наши внутренние условия, которые препятствуют универсальной коммуникации. Идеалистичные сторонники общего образования считали, что люди, умеющие читать и писать, автоматически станут мудрее и более способными в самоуправлении, чем неграмотные люди. Но мы начинаем понимать, что одной лишь грамотности не достаточно. Люди, мыслящие как дикари могут продолжать мыслить так же, даже научившись читать. Ввиду неотъемлемой абстрактности нашего словарного запаса, широкая грамотность часто делает дикарство более запутанным, и с ним становится сложнее иметь дело, нежели в случае неграмотности. И, как нам уже известно, простота и оперативность общения часто делает дикарство ещё и заразным. С широкой грамотностью возникли новые проблемы.

Из-за того, что слова – это настолько действенный инструмент, в своих предрассудках мы скорее испытываем благоговение перед ними, нежели понимаем их. И даже если мы не испытываем благоговения, по меньшей мере, мы склонны испытывать к ним незаслуженное уважение. Например, когда кто-то из аудитории на собрании спрашивает выступающего о чём-нибудь, а выступающий издаёт серию длинных и убедительных звуков, *не отвечая на вопрос, случается так, что ни человек, задавший вопрос, ни выступающий, не замечают, что ответа на вопрос не прозвучало; и они оба садятся, по-видимому, удовлетворённые.* То есть, сам факт того, что были произведены внушающие доверие звуки, удовлетворяет некоторых людей в том, что было сделано некое утверждение. И с этим, они принимают и порой запоминают эти звуки с невозмутимой уверенностью, что они отвечают на вопрос или решают проблему.

Когда некоторое время назад в газетах оживлённо обсуждались решения одного губернатора штата Висконсин в отношении представителя университета штата, автор данной книги имел возможность попутешествовать по штату. Незнакомцы и случайные знакомые, которые знали, что автор имел отношение к университету, спрашивали: «Скажите, вам известно что-нибудь изнутри об этом деле в университете? Там, поди, *сплошная политика?*» Автору не удалось узнать, что люди имели ввиду под «сплошной политикой», но чтобы избежать неудобств, он обычно отвечал: «Полагаю, что это так». После этого ответа собеседник обычно выглядел довольным своей проницательностью и говорил: «Я так и думал! Спасибо, что

сказали мне об этом». Кратко говоря, использование звука «политика» полностью удовлетворяло интересующихся, не смотря на то, что вопрос, из-за которого начались обсуждения в обществе, а именно превысил ли губернатор свои полномочия или исполнил свой политический долг, так и не был задан и не получил ответа. *Из-за такого неадекватного отношения к словам, мы часто позволяем им становиться барьером между нами и реальностью, вместо того, чтобы использовать их как проводники в реальность.*

ИНТЕНСИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ

В предыдущих главах мы проанализировали определённые типы неадекватной оценки. Все эти типы можно свести под один термин: *интенциональное ориентирование* – привычка ориентироваться по *одним только словам*, нежели по фактам, к которым слова нас ведут. Все мы склонны предполагать, что когда профессоры, писатели, политики и другие, по-видимому, ответственные люди открывают свой рот, они говорят что-то значимое, просто потому, что слова имеют информативные и аффективные коннотации, которые влияют на наши чувства. Мы ещё более склонны предполагать то же самое, когда открываем собственный рот. В результате такого неразборчивого комкания смысла с бессмыслицей, «карты» нагромождаются независимо от «территорий». И, за всю жизнь, можно нагромоздить целую систему бессмысленных звуков в спокойном неведении, что они вообще никак не связаны с реальностью.

Интенциональное ориентирование можно считать общей причиной множества ошибок, которые мы уже обсудили: не принятие во внимание контекстов; склонность к сигнальным реакциям; спутывание уровней абстракции – то есть, спутывание того, что в голове с тем, что вне её; осознание схожестей, но не отличий; привычка довольствоваться объяснением слов посредством определений, то есть, ещё большим количеством слов. При интенциональном ориентировании «капиталисты», «большевики», «фермеры» и «рабочий класс» «являются» тем, что мы *говорим* о них; Америка «является» демократией, потому что все так *говорят*; пособие по безработице «разлагает личность», потому «по логике», если людям дают что-то за просто так», это «обрекает их личность на разложение».

ЧРЕЗМЕРНАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ

Давайте возьмём термин «прихожанин», который *обозначает* Сми_{та1}, Сми_{та2}, Сми_{та3}..., которые достаточно регулярно посещают церковные службы. Обратите внимание, что обозначение не говорит ничего о характере «прихожанина»: о его доброте к детям или отсутствие таковой, счастье или несчастье в его жизни в браке, честность или нечестность его деловых практик. Термин – применим к большому числу людей, хороших и плохих, бедных и богатых, и так далее. Интенциональные значения или коннотации этого термина – это уже совсем другой вопрос. Под «прихожанином» *предполагается* «добропорядочный христианин»; под «добропорядочным христианином» *предполагается* верность жене и дому, доброту к детям, честность в ведении дел, рассудительность в жизни, и множество других качеств достойных восхищения. Эти предположения *предполагают* далее, по двустороннему ориентированию, что не-прихожане – вероятно не обладают такими качествами.

Если наши интенциональные ориентирования – серьёзны, мы можем вербально составить целую систему ценностей – систему классификации человечества на овец и баранов – из информативных и аффективных коннотаций термина «прихожанин». То есть, когда термин дан, мы можем, переходя от коннотации к коннотации, продолжать до бесконечности. Карта – независима от территории, поэтому мы можем продолжать добавлять горы и реки после того, как мы уже нарисовали все горы и реки, которые действительно существуют в территории. Стоит нам начать, мы можем разродиться целыми эссе, проповедями, книгами и даже философскими системами, основываясь на слове «прихожанин», совсем не обращая внимание на Смита₁, Смита₂, Смита₃....

Подобным образом, если дать оратору на день независимости слово «американизм», он может играть с ним часами, превознося «американизм» и издавая страшные звуки об «иностранизмах», за что слушатели будут ему аплодировать. Этот процесс, в котором за счёт свободных ассоциаций одно слово «подразумевает» другое, невозможно остановить. И, конечно, поэтому в мире так много людей, которых называют «пустозвонами». Поэтому многие ораторы, газетные корреспонденты, политики и школьные преподаватели риторики могут говорить на совершенно любую тему, о которой их попросили поговорить. Более того, множество школьных курсов по «английскому языку» и «культуре речи» представляют собой обучение тому, как продолжать говорить с претензией на важность, даже когда человеку вовсе нечего сказать – или, другими словами, обучение тому, как скрыть собственное интеллектуальное банкротство, не только от окружающих, но и от самих себя.

Такое «мышление», которое является продуктом интенционального ориентирования, называется *круговым*, потому что выводы изначально содержатся в коннотациях слова, и в итоге мы обречены, независимо от того как упорно и как долго мы «мыслим», вернуться к тому, с чего мы начали. Более того, едва ли можно сказать, что мы вообще покидаем начальную точку. Количество энергии, которое тратится на такое «круговое мышление» только США – неизмеримо, но, видимо, её достаточно, чтобы раскручивать все карусели в мире на протяжении века. Безусловно, когда перед нами предстают факты, они убеждают нас прикрыть рот, или же начать заново с чего-то другого. Именно поэтому на всяких встречах и в беседах считается «грубым» приводить факты. Они мешают всем хорошо проводить время.

Теперь, давайте вернёмся к «прихожанину». К определённому Мистеру Уильяму Макдинзмору – имя, конечно же, выдуманное – стали применять этот термин из-за его обыкновения ходить в церковь. При более детальном рассмотрении Мистер Макдинзмор оказывается, например, безразличным к своим социальным обязанностям, жестоким к своим детям, неверным своей жене и нечестным в финансовых отношениях с людьми. Если мы по привычке ориентировались на Мистера Макдинзмора по интенциональным значениям слова «прихожанин», для нас это окажется шоком. «Как человек может ходить в церковь и при этом быть таким бесчестным?» *Для некоторых людей эта проблема совсем неразрешима.* Будучи неспособными отделить интенционального от экстенционального «прихожанина», эти люди вынуждены прийти к одному из трёх выводов, каждый из которых абсурден:

1. «Это исключительный случай» - что означает: «Я не пересмотрю свои взгляды на прихожан, которые всегда – хорошие люди, и не важно, сколько исключений можно найти.

2. «Он – не так плох *на самом деле!* Он *не может* быть плохим!» - то есть, *отрицание факта*, чтобы избежать необходимости принимать его.

3. «Все мои идеалы разрушены! Нельзя больше ничему доверять! Моя вера в человеческую природу – уничтожена!» - что означает полное разочарование, которое приводит к цинизму.¹⁹

Безосновательная удовлетворённость, которая с большой вероятностью может перейти в «разочарование» - это, пожалуй, самое серьёзное из последствий интенционального ориентирования. И, как мы видели, все мы ориентируемся интенционально в отношении некоторых вещей. Некоторые из нас ежедневно проходят мимо работников УОР (Управление Административных Работ), которые в поте лица трудятся над строительством дорог и мостов, и всё равно весьма искренне заявляют: «Я никогда в жизни не видел, чтобы работники УОР делали что-нибудь полезное!» По *определениям*, которых придерживаются некоторые из нас, УОР – это «специально придуманная работа»; «специально придуманная работа» - это не «настоящая работа»; поэтому, даже если работники УОР построили школы, парки и муниципальные зрительные залы, на самом деле, они вовсе не работали. В другом примере, многие из нас видят сотни женщин в автомобилях, которые отлично справляются с их управлением; и, тем не менее, мы опять же вполне искренне заявляем: «Я никогда не видел женщину, способную *действительно* управлять автомобилем». По *определению*, женщины «робеют», «волнуются» и легко «пугаются»; следовательно, они «не умеют водить машину». Если мы знаем женщин, которые успешно водят машину на протяжении нескольких лет, мы отстаиваем своё убеждение, говоря, что «им просто всё это время везло».

Факт, который важно отметить, касательно отношений к «прихожанам», «работников УОР» и «женщин водителей» состоит в том, что нам изначально не стоило допускать такие ошибки и ослеплять себя, если мы ничего о них не слышали. Такие отношения не формируются от невежества; подлинное невежество не имеет отношений. Они формируются из ложных знаний – знаний, которые отнимают у нас любое врождённое благоразумие. Частично мы компенсируем эти ложные знания примитивными привычками разума. Однако бóльшая их часть *создаётся* беспечной привычкой *слишком много говорить*.

Множество людей пребывает в нескончаемом порочном кругу. Из-за интенционального ориентирования, они чрезмерно вербализованы, а за счёт чрезмерной вербализации они укрепляют своё интенциональное ориентирование. Такие люди раздражаются речами автоматически, как музыкальные автоматы, стоит только закинуть в них монетку. С такими привычками мы можем *договориться до не-здоровых отношений* не только к «женщинам водителям», «евреям», «капиталистам», «банкирам» и «профсоюзам», но и к своим личным проблемам: «родителям», «родственникам», «деньгам», «популярности», «успеху», «неудачам» - и, больше всего, к «любви» и «сексу».

¹⁹ В 1927 году вокруг публикации книги *Элмер Гентри* Синклера Льюиса шло бурное обсуждение, участники которого разделились на два лагеря. Первые придерживались точки зрения, что такого священника как Элмер Гентри – по интенциональному определению «священника» - «существовать не могло», и, следовательно, Льюис оклеветал эту профессию; вторые отстаивали циничную позицию и хвалили книгу за то, что она «обличала религию». Ни один из этих выводов, конечно же, не подтверждался романом.

ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ИНТЕНСИОНАЛЬНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ: (1) ОБРАЗОВАНИЕ

Помимо наших привычек, существуют внешние вербальные влияния, которые могут укрепить наше интенциональное ориентирование. Мы разберём три из них: образование, журнальные выдумки и рекламу.

У образования есть две задачи. Во-первых, оно должно рассказывать нам факты мира, в котором мы живём: язык применяется *информативно*. Во-вторых – возможно, даже более важная задача – прививать идеалы и «формировать характер»; в этом случае язык применяется *директивно*, чтобы ученики соблюдали обычаи и традиции общества, в котором они живут. Следовательно, выполняя свою директивную функцию, школы рассказывают нам о «принципах» демократии – то есть, о том, как демократия *должна* работать. Однако часто у школ не получается выполнить свою информативную функцию – рассказать нам о том, как демократия *собственно* работает: как работает система покровительства; что делают руководители избирательных кампаний и политические прислужники; как мэры, губернаторы и президенты иногда контролируются из-за занавеса; как взаимные политические услуги – «Вы голосуете за мой законопроект, а я – за ваш» - определяют судьбу многих законопроектов.²⁰

Школы рассказывают нам о том, как *стоит* говорить на «хорошем английском», но не о том, как на нём *собственно* говорят. Например, нам говорят, что двойное отрицание²¹ является утверждением, но ещё никогда никому не предъявляли обвинений в убийстве на основании того, что человек сказал: “I ain’t killed nobody” («Я никого не убивал»), посчитав его слова признанием в том, что он кого-то убил. Также преподаватели английского говорят, что «нет такого слова как “ain’t” (просторечное универсальное отрицание для всех лиц, времён и чисел)». Они игнорируют тот факт, что язык жителей южных штатов, деревенских жителей и гангстеров часто – более экспрессивен, особенно в аффективной коммуникации, чем то, что они называют «хорошим английским».

Пожалуй, большая часть образования в некоторых предметах скорее – директивна, нежели информативна. На юридических факультетах рассказывают намного больше о том, как закон должен работать, а не о том, как он в действительности работает; такие вопросы как влияние личных взглядов на экономику, проблем в семье и язвы желудка на решения судей не считаются подходящими темами для обсуждения в школах. Преподаватели истории в каждой стране нередко стараются замолчать или смазать исторические события, позорящие их страну. Причиной тому служит страх, что такие утверждения, будучи верными информативно, директивно могут плохо повлиять на «чувствительные умы».

²⁰ На сегодняшний день существует активное движение, в составе которого – в основном преподаватели общественных наук, защищающее расширение школьных программ в таких предметах как основы гражданственности и управления.

²¹ В литературном английском языке условно недопустимо употреблять одновременно отрицательное сказуемое и дополнение (или другие зависимые части предложения). То, есть нельзя, как в русском языке, сказать, например: «я никуда не ходил»; можно сказать либо (*дословно*): «я ходил никуда», либо «я не ходил куда-либо».

К сожалению, ни ученики, ни учителя, обычно, не отличают информативные утверждения от директивных. Учителя могут утверждать: «США – это самая великая страна в мире» и «Вода состоит из кислорода и водорода», и ждать, что ученики будут считать их «истинными», *но они не говорят им, что стоит различать смыслы слова «истинный»*. Затем, ученики узнают, что некоторые утверждения учителей сходятся с опытом, а другие либо сомнительны, либо ложны, если их рассмотреть как информативные утверждения. Ученики, особенно к старшим классам, начинают беспокоиться, что учителя их обманывают, и в результате, многие из них бросают школу. Они считают, что их подозрения об учителях были верны, так как, приняв директивные утверждения за информативные, научные утверждения, они естественно заключают, что их «серьёзно дезинформировали». Вероятно, из-за такого рода опыта возникает распространённое в некоторых кругах презрение к «учённому разуму». Виноваты как учителя, так и ученики.

Однако у тех, кто не бросает школу, дела не лучше. Из-за того что они неразборчиво мешают директивные утверждения с информативными, они переживают шок и разочарование, когда попадают в колледж, где образование более реалистично, нежели то, к которому они привыкли. Другие люди продолжают и в колледже путать директивные утверждения с информативными; нереалистичные образовательные программы колледжа могут поспособствовать этому ещё больше. В таких случаях, чем дольше они остаются в школе, тем хуже они приспособляются к реальности. Мы рассмотрели, что директивный язык в основном состоит из «карт» «ещё несуществующих территорий». Мы не можем пересечь реку по мосту, который только должны построить. Схожим образом, ученики не могут руководствоваться в своём поведении такими утверждениями как: «Добро всегда побеждает зло» и «Наша система управления предоставляет равные возможности всем людям»; в этом случае, они вероятно испытают горькие разочарования. Возможно по этой причине проявления «обиды», «разочарования» и «цинизма» так часто можно встретить среди людей в первые десять лет, с тех пор как они закончили колледж. Некоторые люди так и не оправляются после своих шоков и разочарований.

Конечно, образованию нужно быть как информативным так и директивным. Мы не можем просто давать ученикам информацию без каких-либо «стремлений», «идеалов» и «целей», чтобы они знали, как поступать с полученной информацией. Не менее важно помнить о том, что нельзя давать им одни только идеалы без какой-либо информации, основанной на фактах, потому что без неё они не будут знать, как осуществить свои идеалы. Ученики считают информацию, поданную без директив, «сухой как пыль». Одни только директивы создают лишь интенциональное ориентирование, которое не подготавливает учеников к реальностям жизни и предрасполагают их к цинизму во взрослой жизни.

ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ИНТЕНСИОНАЛЬНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ: (2) ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЫДУМКИ

Когда вам случится читать инструкцию по установке автомобильного радио, противотуманных фар или другого устройства, обратите внимание, насколько много *внимания* необходимо для чтения такой инструкции – насколько часто приходится сверяться с

экстенциональными фактами: «Провода различаются по цветам изоляционного покрытия». И мы проверяем, так это или нет. «Подключите провод с красным покрытием» - мы находим провод - «с клеммой, отмеченной буквой А...».

Теперь сопоставьте этой задаче чтение истории в «бульварном» журнале. Последнюю задачу можно выполнить почти совсем без внимания; мы можем громко слушать радио, есть шоколад, играть с кошкой под ногами, и даже вести отрывочную беседу, практически не отвлекаясь от истории. Чтение средней журнальной истории не требует экстенциональной сверки, ни посредством изучения экстенционального мира вокруг нас, ни напряжения памяти в попытках вспомнить противоречащие факты. История следует по простым тропинкам уже установленных интенциональных ориентиров. Ожидаемые суждения сопровождаются ожидаемыми фактами. Загулявший муж возвращается к своей жене, а она будучи «самой преданной», празднует победу над бессовестной красоткой; маленький сын – большой озорник, но при этом очень мил; крупный предприниматель – суров, но всегда с добрым блеском в глазах. Такие истории порой бывают весьма искусно придуманы, но они не затрагивают экстенционального ориентирования. Не смотря на то, что в реальной жизни коммунисты могут быть очаровательными людьми, их никогда не представляют таковыми, ведь в свете интенционального ориентирования, к любому, кого называют «коммунистом», не применимо слово «очаровательный». В реальной жизни негры часто занимают уважаемые и ответственные должности, но в журнальных историях им разрешается появляться только в роли комедийных персонажей или слуг, потому что по интенциональному ориентированию, неграм нельзя быть кем-то ещё.

Есть две важные причины сохранения интенционального ориентирования в массовой продукции, такой как политические статьи, книги и радио-сериалы. Во-первых, так проще читателю, который, прежде всего, ищет способ расслабиться. Домохозяйка только что уложила детей спать; предприниматель пришёл домой после тяжёлого дня на работе; и т.д. Им не хочется занимать своё внимание незнакомыми, тревожными фактами. Им *хочется* помечтать.

Во-вторых, такая работа проще для писателя. Для того чтобы снабдить рынок, ему необходимо печатать несколько тысяч слов в неделю. Следуя интенции, оратор может говорить часами. Таким же образом, следуя интенции, «бульварный» писатель, не обременённый объяснением новых фактов или принятием во внимание различий, может продолжать писать страницу за страницей. Получившийся продукт подходит лишь для единоразового употребления и последующего выброса, как бумажное полотенце. Никто не перечитывает журнальные истории.

Читатель может спросить, раз настолько мало людей принимают такие материалы всерьёз, то почему об этом стоит беспокоиться? Причина в том, что не смотря на то, что мы можем не «принимать это всерьёз», наши интенциональные ориентирования, происходящие из словесного потопа, в котором мы живём, укрепляются и углубляются, притом, что мы этого можем не осознавать. Нам стоит помнить, что наши неумеренные интенциональные ориентирования не дают нам видеть реальность вокруг нас.

ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ИНТЕНСИОНАЛЬНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ (3) РЕКЛАМА

Пожалуй, главным виновником в распространении интенциональных ориентирований являются сегодняшние практики рекламы. Основное назначение рекламы – объявление товаров, цен, новых изобретений и распродаж – ругать не стоит; такие объявления доставляют нужную нам информацию. Но уже давно реклама прекратила ограничиваться предоставлением нужной информации, и её главным назначением – особенно так называемой «общенациональной рекламы» – стало порождение *сигнальных реакций* в максимально возможном количестве людей. То есть, больше всего прибыли общенациональный рекламодатель получит, если заставит нас *автоматически* просить кока-колу на стойке с напитками, *автоматически* покупать алка-зельтцер, когда мы плохо себя чувствуем, *автоматически* спрашивать честерфилд в табачных киосках. Такие автоматические реакции возникают благодаря снабжению «брендов» всевозможными положительными аффективными коннотациями, заставляющими думать о здоровье, богатстве, уважении в обществе, счастье в семье, романтике, личной популярности, моде и утонченности. В этом процессе в нас создаются *интенциональные ориентирования в отношении брендов*:

Если вы хотите получать больше мужского внимания, попробуйте чарующий эффект.... Женственность! Притягательность!... Вы выбираете это ароматное мыло, потому этот аромат нравится мужчинам. Побалуйте свое тело мягкой пеной.... Излучайте красоту.

Рекламодатели способствуют интенциональным привычкам разума, играя со словами: слово «экстра», относящееся к навыкам и силе спортсменов, прилагается к качествам, заявленным о товарах; «защитное смешение», которое гармонизирует диких животных со средой и делает их невидимыми для врагов, уравнивается с «защитным смешением» виски; одна торгово-промышленная ассоциация некоторое время назад начала публиковать следующий пример затмевания сознания: «Если вы работаете, значит вы в бизнесе; то, что помогает бизнесу, помогает и вам!» Даже то малое количество фактов, которое приводит реклама – заряжено аффективными коннотациями: «В нём есть витамины! Он до краёв наполнен витаминами, которые укрепляют тело, кости и придают энергии!» Неважным фактам придаётся важность: «Вот новый высокоскоростной электрический уют. Он имеет обтекаемую форму!»

Проще говоря, реклама стала искусством подавления нас при помощи слов. Когда потребитель требует, чтобы все товары по закону имели информативные ярлыки и проверяемые государственные классификации, чтобы он мог ориентироваться по фактам, а не по аффективным коннотациям брендов, вся рекламная индустрия, с поддержкой газет и журналов поднимает шумиху по поводу того, что «правительство мешает развиваться бизнесу». Рекламодатель *предпочитает*, чтобы мы руководствовались сигнальными реакциями в пользу брендов, нежели изучением информации о товарах. Это ставит в проигрышное положение тех рекламодателей, которые желают говорить о фактах; они сталкиваются со скептицизмом и предположениями о том, что они не сделали ничего, чтобы заслужить право слова.

Когда вербальное «приукрашивание» успешно создаёт интенциональные ориентирования, мытьё отрекламированным мылом в наших головах становится захватывающим опытом; чистка

зубов отрекламированной пастой становится в нашем разуме драматичным актом избегания серьёзных жизненных проблем, таких как увольнение или расставание с подругой; курение сигарет заставляет нас представлять, что мы приобщаемся к роскошным привилегиям элиты Нью-Йорка; принятие вредных для здоровья слабительных средств, в нашей голове становится следованием рекомендации всемирно известного врача.²² Нам продают грёзы в бутылках с жидкостью для полоскания рта и манию величия с комплексными завтраками на вынос.

Читатель может сказать: «Если людям хочется платить за грёзы и бороться с выдуманными недугами с помощью выдуманных лекарств, разве это не их дело?» Не совсем. Желание полагаться на слова, нежели изучать факты – это нарушение процесса коммуникации. Настолько важная проблема как дегенерация человеческого общения должна волновать каждого из нас. Интенциональные ориентирования, которые распространяются вместе с грамотностью и радио, можно сказать, являются болезнью человеческого процесса оценивания. Нас должно волновать, если наши соседи заражены оспой. Нас также должно волновать, если нашим собратьям людям не хватает здравомыслия в их реакциях на слова. Эта болезнь – заразна. Некритические реакции на рекламное колдовство – это тревожный симптом широко распространившегося расстройства.

---

²² «Но», как могут возразить некоторые люди, *«не может быть»*, чтобы рекламируемые в масштабах страны товары были плохими! Это же нелогично, чтобы рекламодатель рисковал своей репутацией, продавая товары плохого качества!» Это очень показательный пример интенционального ориентирования. Некоторые люди просто не понимают, что на такое отношение рекламодатели и рассчитывают. Однако те же люди не станут говорить: «Не может быть, чтобы наши чиновники были нечестными! Это же нелогично, чтобы люди в их положении рисковали собственной репутацией, обманывая общественность».

14

КРЫСЫ И ЛЮДИ

Нам приходится иметь дело с беспрецедентными условиями и приспособливаться к ним по-новому – в этом нет сомнений. В нашем распоряжении есть огромный запас научных знаний, которых не было у наших предков. Условия настолько новы, а знания настолько обильны, что нам предстоит выполнить трудную задачу пересмотра немалой части убеждений о человеке и его отношении к своим собратьям; убеждений, переданных нам прошлыми поколениями, которые жили в совсем других условиях и обладали намного меньшей информацией о мире и о себе. Но прежде всего, нам нужно создать беспрецедентное отношение разума, чтобы совладать с беспрецедентными условиями, и применить беспрецедентные знания.

ДЖЕЙМС ХАРВИ РОБИНСОН

ЧИТАТЕЛЬ наверняка знаком со статьёй и фотографиями в журнале *Life* от 6 марта 1939 года, в которой описывается эксперимент с крысой, который провёл доктор Н. Р. Ф. Майер из Мичиганского университета. Сначала крысу учат прыгать с края платформы в одну из дверей. Если она прыгает в правую дверь, дверь удерживается, и крыса падает на пол; если она прыгает в левую дверь, она открывается, и крыса находит блюдце с кормом. К моменту, когда крыса научилась этим реакциям, ситуацию обращают; корм кладут за правую дверь, а левую держат закрытой. Но крыса *продолжает прыгать к левой двери*, и каждый раз ударяясь носом, падает на пол. В итоге, крыса отказывается прыгать и её приходится толкать. Когда её толкают, она снова прыгает к *левой* двери. К этому моменту, правую дверь открывают, чтобы *корм было видно*, и снова подталкивают крысу к прыжку. В отчёте говорится, что крыса «настойчиво прыгает к той же двери, как и раньше, ударяется носом, нервничает всё больше и больше из-за того, что столкнулась с неразрешимой проблемой. В отчаянии, крыса спрыгивает с платформы и бежит туда-сюда по полу и прыгает как кенгуру. Выбившись из сил, она останавливается, и у неё начинается дрожь, а потом она впадает в кому». В этом пассивном состоянии, крыса отказывается принимать пищу и ни на что не обращает внимание: её можно скатать калачиком или поднять за ноги – крысе всё равно, что с ней происходит. У неё случился срыв нервной деятельности.²³

²³ Это описание эксперимента доктора Майера, как мне сказали – неточно. Но так как неточности касаются мелких подробностей, которые не влияют на основные события, я решил оставить его таким, как оно было написано в статье *Life*.

«Неразрешимость» проблемы крысы, которая ведёт к срыву её нервной деятельности, и, как даёт понять доктор Майер – это «неразрешимость» человеческих проблем, которая ведёт многих людей к срывам их нервной деятельности. Люди, по-видимому, проходят те же стадии, которые проходят крысы. Сначала их учат привычно делать выбор в предоставленной проблеме; затем, они впадают в шок, когда обнаруживают, что условия изменились, и их выбор более не приводит к ожидаемому результату; они всё равно продолжают делать тот же выбор; потом они отказываются делать выбор; когда их принуждают к выбору, они вновь делают выбор, который их научили делать – и вновь «ударяются носом»; в итоге, *даже с целью прямо перед ними*, которой можно достичь, лишь сделав другой выбор, они сходят с ума из-за фрустрации. Они разрываются на части, забиваются в углы, отказываются от пищи и прекращают обращать внимание на то, что с ними происходит; от горечи, цинизма и разочарования они даже могут совершить самоубийство.

Преувеличено ли это описание? Маловероятно. Такой ход событий можно наблюдать часто в человеческой жизни, от малых домашних проблем до масштабных национальных трагедий. Для того чтобы избавиться от недостатков мужа, жена может пилить его. Его недостатки становятся серьёзнее, и она пилит его больше. Естественно его недостатки становятся ещё хуже, и жена пилит его ещё больше. Руководствуясь, как та крыса, сигнальными реакциями на проблему недостатков мужа, она может вести себя только одним образом. Чем дольше она продолжает, тем хуже становится проблема, до тех пор, пока оба не выбиваются из сил от нервозности; брак разваливается вместе с их жизнями.

В другом примере предприниматель хочет предотвратить забастовки на своём заводе и считает, что единственный способ добиться этого – это предотвращать образование профсоюзов, и поэтому он увольняет членов профсоюза. Это может спровоцировать желание его рабочих сформировать достаточно крепкий союз, чтобы противостоять произвольным увольнениям, и поэтому профсоюз начинает действовать более активно. Повышение активности союза заставляет предпринимателя более активно вести деятельность против него; он подговаривает «доверенных рабочих» присматривать за остальными и избивать членов профсоюза, чтобы они сами ушли. Чем больше колотят членов профсоюза, тем более решительно они настраиваются против работодателя в желании ему «отомстить». Чем лучше предприниматель осознаёт враждебность рабочих, тем более жестокой становится его тактика. Он закупает слезоточивый газ и снаряжает частную полицию. В итоге, его завод останавливается из-за крупных забастовок, которых он изначально хотел избежать. Когда государственное управление по трудовым отношениям приказывает ему принять профсоюз он уже находится на грани инсульта. Его врач советует ему «отдых и покой», потому что у него случился «срыв нервной деятельности».

Рассмотрим ещё один пример. В одной стране могут считать, что единственное условие поддержания мира и уважения – это наличие большой армии. Это вызывает беспокойство у соседних стран, и поэтому они начинают наращивать свои вооружённые силы. Случается война. Когда война заканчивается, первая страна заключает, что они были недостаточно хорошо вооружены, чтобы сохранить мир; нужно *удвоить* наши вооружённые силы. Естественно, соседние страны начинают вдвойне беспокоиться об этом, и тоже удваивают свои

вооружённые силы. Случается ещё одна война; страшнее и кровавее. Когда она заканчивается, первая страна объявляет: «Мы получили урок. Нам никогда больше не стоит недооценивать наши нужды в защите. На этот раз нам нужно *удостовериться* в том, что нашего вооружения достаточно, чтобы сохранить мир, и поэтому мы должны *упростить* наши вооружённые силы...»

Конечно же, эти примеры нарочно упрощены, но разве не подобные порочные круги способствуют тому, что мы не можем сделать ничего с условиями, которые ведут нас к таким трагедиям? Этот сценарий легко узнать; мы можем видеть цель и достичь её, лишь сменив методы. И тем не менее, поддаваясь сигнальным реакциям, крыса «не может» добраться до корма, жена «не может» исправить недостатки мужа, забастовки «не получается» предотвратить, а войны «нельзя» остановить.

«НЕРАЗРЕШИМЫЕ» ПРОБЛЕМЫ

А что насчёт других наших, по-видимому, неразрешимых проблем? Почему люди продолжают утверждать, не смотря на гниющие фрукты, портящееся на складах зерно, на кофе, которое сжигают и выбрасывают в океан, чтобы «стабилизировать цены», и т.д., что у нас «нет средств», чтобы помочь безработным и накормить недоедающих? Почему каждая страна хочет производить и по высоким ценам продавать своим жителям вещи, которые дешевле импортировать из других мест? Почему, если страна продолжает раздавать больше своих природных ресурсов, больше продуктов земледелия, больше продуктов труда, чем она получает взамен от других стран, но в стране всё равно считают, что у них «благоприятный» торговый баланс? Почему люди дурно отзываются о неграмотности и невежестве негров, а потом противостоят улучшениям условий их жизни, обосновывая это их безграмотностью и невежеством? Мир полон таких абсурдных парадоксов, и самое трагичное в них не то, что они существуют уже давно и продолжают существовать, а в том, что они неуклонно становятся хуже, не смотря на старания решить их.

Это те проблемы, которые «консерваторы» и «либералы» признают серьёзными и фундаментальными. Почти все из нас признают, что такой беспорядок способен подорвать нашу жизнь. И всё равно мы ничего не можем поделать, чтобы улучшить положение. Почему? Неужели в человеческом разуме не хватает знаний и понимания, чтобы найти выход из положения? Разве мы не можем найти подспорье для согласования достаточного для слаженных действий?

Виной этому не отсутствие или нехватка «мозгов», и не скудность возможностей контролировать нашу физическую среду, ведь люди ярко продемонстрировали, что могут творить чудеса в науке, медицине и создании технологий. Неудачу мы терпим в организации человеческого сотрудничества – то есть, в применении технологий для человеческой коммуникации.

Стоит признать, что проблемы, затронутые выше – сложны по своей структуре. Вопрос не в том, что «все проблемы – в голове», и никто не отрицает, что одной из причин, по которым они так сложны, является наличие конфликтующих интересов. Но, они – не неразрешимы. Пожалуй, больше всего вызывает восхищение то, как множество «неразрешимых» проблем оперативно

решается, стоит возникнуть достаточно острой на то необходимости. Было бы «невозможно» отправить бездомных детей за город ради их здоровья. Но когда началась война, эвакуация заняла два дня. Множество раз демонстрировалось, что экономика Германии нежизнеспособна без золотого запаса. Это было семь или восемь лет назад. Конечно, то, что делается в военное время не всегда хорошо. Но это ярко показывает практически неисчерпаемые возможности человека совершать «невозможное», когда прижимают обстоятельства. Проблема в том, что обстоятельства должны прижимать. То, что нужно делать, чтобы предотвращать катастрофы слишком долго считается «невозможным».

Это ещё одна «неразрешимая» проблема нашей демократии – неспособность действовать до того, как стало слишком поздно. И речь здесь не только подготовке к войне. Нам пришлось ждать до тех пор, пока не иссякла треть нашей пахотной почвы, чтобы принять необходимые меры по её сохранению; мы ждали, пока население Индии почти вымерло от болезней, а их древняя культура была почти уничтожена из-за плохого образования и тяжёлого экономического положения, чтобы начать, наконец, помогать им с лечением и возрождением их почти исчезнувшего искусства. Что мешает нам действовать? Во-первых, существует инерция, которая заставляет нас выбирать то, что у нас есть, нежели то, о чём мы не знаем. Но наше общенациональное сопротивление любым переменам включает больше факторов, и содержит в себе элементы патологии.

ЧТО НАС ОСТАНАВЛИВАЕТ

Отвергать определённые идеи – естественно для людей, чьи карманные книжки или личные удобства сразу подвергаются изменениям, и на этот факт редко обращают внимание. Фермер, чью землю затопит, если построить дамбу, предпочтёт, чтобы затопило землю кого-нибудь другого. Но, если строительство дамбы – выгодно сотням тысяч людей, чьи интересы перевешивают интересы фермера, ему компенсируют землю и попросят переселиться. В этом случае вопрос – достаточно прост и его можно рассмотреть экстенционально. Мы спрашиваем: «Каковы будут результаты? Скольким членам общества это будет выгодно и каким образом? Скольким людям это навредит?» Решение следует за результатами рассмотрения.

Однако есть случаи, когда такое рассмотрение экстенциональных фактов не происходит, по крайней мере, в этом не участвует общественность. По меньшей мере, один случай, когда принудительное переселение фермерских семей послужило основанием для протеста против строительства дамбы, и общественность призывали не поддаваться «давлению правительства» и сражаться за «справедливость» и «права человека». И к этому призывали не фермеры, которых переселяли, а другие люди с другими причинами противостоять строительству дамбы. Очевидно, из-за того, что они думали, что причины их активности были недостаточно вески, они вели борьбу *на более высоком уровне абстракции* – на основании «давления» на «слабых».

Притом что «права» и «справедливость» - это очень хорошо, а «давление» - это очень плохо, интенционально ориентированная общественность отреагировала автоматически на эти призывы. Незамечен был тот факт, что когда в определённом месте строится шоссе, железная дорога или военный лагерь, многим приходится терпеть конфискацию земли. Если бы

полномочия конфискации не существовали, многое из того, в чём нуждается общество, никогда бы не построили. Однако эти события заставили проникнуться жалостью к фермерам, и поэтому даже те, кто получили выгоду от строительства дамбы, во многих случаях были ей не рады; им казалось, что победил «неверный моральный принцип», а их интенциональное определение «правительства» как «деспотической власти» углубилось и укрепилось. Всё это можно было здраво обсудить, ссылаясь на экстенциональные факты, если бы не глубокие интенциональные ориентирования в умах людей, которые кто-то решил поэксплуатировать.

Любой случай, когда предлагаются некоторые перемены, долю общества, которая получит выгоду, и долю, на которой эти перемены скажутся негативно, можно продемонстрировать разумным пределом погрешности. Однако обсуждаемые вопросы никогда не формулируются следующим образом: «Будут ли (экстенциональные) результаты перевешивать возникшие (экстенциональные) осложнения?» Вместо этого предложение объявляется как «непрактичное», «негативное», «ведущее к социализму в государстве» или «к диктатуре». У защитников проекта мало фактов, которые они могут привести, и которые выстоят против могущественных слов в глазах интенционально ориентированной общественности.

Аффективные коннотации слова – сильнее информативных. «Планирование» стало настолько загруженным словом, что обвинив политика в поддержке «планирования», можно загубить ему карьеру. И это не смотря на то, что «планирование» под другими названиями – необходимо не только для успешного ведения бизнеса, но и ведения жизни индивидуума. Те же люди, которые порицают «планирование», могут испытывать экономические трудности в результате *не-«планирования»*. Само слово для интенционально ориентированного человека предполагает «пятилетку»; а поднимаясь выше по лестнице абстрагирования – «коммунизм», «подавления», «единообразие» и «безбожие». Если бы все мы ориентировались экстенционально, нас бы волновало не то, можно ли отнести предложение к «планированию», а *что собственно планируется* и какие выгоды и проблемы это принесёт.

Такие интеллектуальные тупики, в которые многие из нас попадают, не дают нам подходить к «неразрешимым» проблемам так, чтобы их решить: экстенционально – ведь мы не можем вести дела интенциональными определениями или абстракциями высокого уровня. То, что делается в экстенциональном мире, нужно делать экстенциональными средствами, не зависимо от того, кто это делает. Если мы, как граждане демократии, собираемся вносить свой вклад в принятие важных решений о вещах, которые нас сильно волнуют, нам нужно подготовиться к этому, спустившись с небес абстракций и научившись рассматривать экстенциональные проблемы нашего общества таким же образом, как мы сейчас рассматриваем свои проблемы пищи, одежды и крова. Если же мы продолжим держаться за наши интенциональные ориентирования, которые отвечают за наши сигнальные реакции, нам придётся продолжать вести себя как крыса доктора Майера. Мы останемся жертвами тех, кто решит по своим причинам спровоцировать наши сигнальные реакции. Мы останемся патологически неспособными изменить образы нашего поведения, и нам не останется ничего, кроме как продолжать применять те же неверные решения снова и снова. После долгого повторения тщетных попыток, не удивительно, что у нас случится политический «срыв нервной

деятельности», в результате которого мы обессиленные будем висеть на собственном хвосте в руках диктатора.

Наука каждый день даёт нам новые и удивительные инструменты для контроля нашей среды и, следовательно, для потенциального улучшения наших жизней. Но для того чтобы ими умело управляться, нужна нервная система взрослого *человека*. Как мы рассмотрели, шимпанзе не может вести машину в потоке современного дорожного движения так, чтобы не причинять вред себе и другим. Схожим образом, если большинство людей руководствуется в своём личном социальном и политическом мышлении сигнальными реакциями, едва ли можно ждать, что они воспользуются ресурсами современной цивилизации, не причинив себе вред. Но не только влиятельные люди, включая правителей стран, желают эксплуатировать сигнальные реакции других; у многих из них в том же избытке проявляется не меньше столь же серьёзных сигнальных реакций, чем у людей, которыми они управляют. Такие правители, с помощью прессы и радио, чтобы распространять их собственную словесную путаницу и чтобы взывать к племенным, религиозным и экономическим предрассудкам своего народа, делают безумие эпидемическим. Не удивительно, что по небу Европы и Азии летают военные самолёты.

НАУЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Разве мы не способны справляться с проблемами лучше крыс? Конечно, способны, и в некоторых областях нам это удаётся. Когда учёный сталкивается с «неразрешимой» проблемой, он часто её решает. Когда-то было «невозможно» передвигаться со скоростью более тридцати километров в час, но сегодня мы можем передвигаться со скоростью шестьсот километров в час. Когда-то было «невозможно» перемещаться по воздуху – и люди снова и снова приводили этому «доказательства» – но теперь мы спокойно перелетаем океаны. Можно сказать, что учёный профессионально занимается преодолением «невозможного». Ему это удаётся, потому что, как учёный, он ориентирован экстенционально. Он может ориентироваться – и часто так и происходит – интенционально на то, что он называет «ненаучными темами»; поэтому, когда учёный говорит о политике или этике, нередко он мыслит не более здраво, чем кто-либо другой.

Как мы уже знаем, у учёных есть особые способы разговаривать о явлениях, с которыми они имеют дело – особые «карты» для описания «территорий». Они делают прогнозы на основе этих «карт»; когда события происходят согласно прогнозам, они считают свои «карты» «истинными». Если события не происходят согласно прогнозам, они *избавляются* от своих «карт» и составляют новые; то есть, они работают над новыми гипотезами, которые предполагают *новые образы* действий. Они сверяют свою «карту» с «территорией». Если они не сходятся, они отбрасывают «карту» и составляют больше гипотез до тех пор, пока они не найдут те, которые *работают*. Они считают их «истинными», но «истинными» *лишь на данный момент*. Если впоследствии, они сталкиваются с новыми ситуациями, в которых они не работают, они вновь готовы избавиться от «карт», пересмотреть экстенциональный мир, и составить новые «карты» с *новыми образами действий*.

Когда работа учёных подвергается минимальным финансовым или политическим влияниям – то есть, когда они свободно могут объединять и обменивать свои знания со своими коллегами по всему миру, чтобы проверять точность «карт» независимыми наблюдениями – они добиваются быстрого прогресса. Будучи многосторонне и экстенционально ориентированными, они испытывают меньше проблем, чем другие люди, с устойчивыми догмами и бессмысленными проблемами. Последнее, что станет делать учёный – это держаться за «карту» потому, что он унаследовал её от деда или потому, что этой же картой пользовался Джордж Вашингтон или Авраам Линкольн. В интенциональном ориентировании: «Если это устраивало Вашингтона и Линкольна, это устраивает и нас». В экстенциональном ориентировании, *мы не знаем до тех пор, пока не проверили.*

СНОВА В ЛЕВУЮ ДВЕРЬ

Обратите внимание на различия между нашим технологическим, научным отношением к одним вещам и интенциональным отношением к другим. Когда нам ремонтируют машину, мы не спрашиваем: «То, что вы предлагаете, соотносится с принципами термодинамики? Что бы сделал Ньютон или Фарадей в такой ситуации? Вы уверены, что это не представляет дегенеративные и пораженческие тенденции в технологических традициях нашей страны? Что бы случилось, если бы мы поступали так с *каждой* машиной? Что Аристотель говорил об этом?» Это бессмысленные вопросы. Мы спрашиваем только: «Каков будет *результат?*»

Однако когда мы пытаемся улучшить общество, всё происходит по-другому. Мало людей спрашивают о практических результатах предложенных практических перемен. Предложенные решения почти всегда обсуждаются в свете вопросов, на которые нельзя дать проверяемые ответы: «Ваши предложения учитывают разумную экономическую политику? Они соотносятся с разумными и справедливыми принципами? Что бы сказал на это Александр Гамильтон, Томас Джефферсон или Эндрю Джексон? А не станет ли это шагом к фашизму или коммунизму? Что нас ожидает в перспективе, если все последуют вашему плану? Почему вы не прилагаете политические принципы Аристотеля?» И мы проводим так много времени, обсуждая бессмысленные вопросы, что часто мы даже близко не подходим к тому, чтобы точно узнать, каковы будут результаты предложенных действий.

В ходе этих утомительных дискуссий на бессмысленные темы, кто-то рано или поздно организует кампанию, чтобы провозглашать: «*Назад – к стабильности... Будем держаться старых, испытанных принципов.... Вернёмся к разумной экономике и разумным финансовым отношениям.... Америке нужно вернуться к этому.... Америке нужно вернуться к тому....*» Большинство из этих призывов, конечно же, приглашают нас ещё раз прыгнуть в левую дверь – другими словами, приглашают нас продолжать сводить себя с ума. В смятении, мы принимаем эти приглашения, и получаем всё те же старые результаты.

15

ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ

Очевидно, что все науки в большой или малой степени имеют отношение к природе человека; и несмотря на то, что они пытаются отдалиться от неё, тем или иным путём они к ней всё равно возвращаются.... Наши философские изыскания могут быть успешными одним лишь способом: оставить медленный и утомительный метод, который мы до сих пор практиковали, и вместо того, чтобы захватывать замок или деревню у границы, маршировать прямо к столице или центру этих наук – к самой природе человека – и надеяться на простую победу, ведь раньше мы ею владели.

ДЭВИД ЮМ

РУКОВОДСТВО К ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОМУ ОРИЕНТИРОВАНИЮ

ТАК же как механик носит с собой пару плоскогубцев и отвёртку на случай, если придётся ими воспользоваться – так же как мы носим в своей голове таблицу умножения для каждодневного использования – мы можем носить с собой в голове удобные руководства к экстенциональному ориентированию. Эти правила не должны быть слишком сложными; небольшого набора простых и готовых к применению формулировок будет достаточно. Их основная функция состоит в том, чтобы предотвратить хождение по кругу в интенциональном мышлении, предотвратить сигнальные реакции, предотвратить наши попытки ответить на вопросы, на которые невозможно ответить, и помочь нам избежать бесконечного повторения одних и тех же ошибок. Эти правила *не* укажут нам прямо на лучшие возможные решения, но они *поспособствуют* нашему поиску образов действия, которые лучше старых. Нижеследующие правила представляют собой краткое изложение наиболее важных частей данной книги. Эти правила стоит *запомнить*.

1. Карта – это не территория, которую она обозначает; слова – это не вещи.

Карта не представляет всю территорию; слова никогда не говорят всего о чём-либо.

Карты карт, карты карт карт, и так далее, можно делать до бесконечности, с или без отношения к территории.

2. Контексты определяют значение.

Мне нравится рыба. (Рыба приготовленная для употребления в пищу.)

Он поймал рыбу. (Живую рыбу.)

Рыбка моя! (Вообще не рыба.)

3. Значения слов не – в словах; они – в нас.

4. Будьте осторожны со словами «*быть, являться*»; они могут вызвать больше проблем, чем любые другие слова в языке:

Трава – (*есть*) зелёная. (Но как насчёт той роли, которую играет здесь наша нервная система?)

Мистер Миллер – еврей. (Будьте внимательны к уровням абстракции; их порой легко спутать.)

Бизнес *есть* бизнес. (Директива.)

Это – то, что оно *есть*. (Разве? А на долго ли?)

5. **НЕ** пытайтесь пересечь мосты, которые ещё не построены. Отличайте директивные утверждения от информативных.

6. **НЕ** бейте машину в глаз, когда она упрямится.

7. Двустороннее ориентирование – это *зажигание, а не руль*.

8. Будьте внимательны к определениям: с одной стороны, они говорят *слишком много* – «кресло» - это *не всегда* «то, на что можно сесть»; с другой стороны они *никогда не говорят достаточно*, потому что характеристики опускаются в любой вербализации.

9. Пользуйтесь индексами и датированием, чтобы помнить о том, что ни одно слово не значит одно и то же более одного раза.

Корова₁ – это *не* корова₂, корова₂ – это *не* корова₃,...

Еврей₁ – это *не* еврей₂, еврей₂ – это *не* еврей₃,...

Смит₁₉₃₉ – это *не* Смит₁₉₄₀, Смит₁₉₄₀ – это *не* Смит₁₉₄₁,...

10. Когда вы «разочарованы», «циничны» и «полны сомнения», подвергните ваши сомнения сомнению.

Если этих правил слишком много, чтобы их запомнить, читатель может запомнить *хотя бы* нижеследующее:

КОРОВА₁ – ЭТО НЕ КОРОВА₂, КОРОВА₂ – ЭТО НЕ КОРОВА₃,...

Это самое простое и общее руководство к экстенциональному ориентированию. Слово «корова» даёт нам интенциональные значения, информативные и аффективные; оно заставляет нас вспомнить свойства, которыми эта «корова» *схожа* с другими «коровами». Индексный номер напоминает нам, что эта «корова» *отличается*; он напоминает нам о том, что «корова» *не* рассказывает нам «всего» о событии; он напоминает нам о *характеристиках, опущенных* в процессе абстрагирования; он предостерегает нас от отождествления слова с вещью, то есть, от спутывания «коровы» - абстракции с экстенциональной коровой, и от сигнальной реакции.

СИМПТОМЫ РАССТРОЙСТВА

Когда мы сознательно или неосознанно не придерживаемся таких принципов, мы мыслим и реагируем как дикари или дети. Есть несколько способов распознать в себе сигнальные реакции. Один из самых очевидных симптомов – это утрата самообладания. Когда поднимается кровяное давление, разгораются споры, а вместо аргументов слышно рычание и ругательства, это свидетельствует о сигнальной реакции.

Другой очевидный симптом – это волнение – когда мы продолжаем ходить по кругу. «Я её люблю, но если бы я только мог забыть о том, что она *официантка*. Что подумают друзья, если я женюсь на *официантке*? Но, я её люблю. Если бы только она не была *официанткой*». Но официантка₁ – это не официантка₂. «Какой у нас ужасный губернатор. Мы думали он бизнесмен, а он, оказывается, просто *политик*. Если подумать, то прошлый губернатор был не так уж плох. Но, он тоже был *политиком*, и как он *играл в политические игры*! Разве у нас не может быть губернатора, который – не политик?» Но политик₁ – это не политик₂. Как только мы прекратим ходить кругами и подумаем о *фактах*, а не о *словах*, мы сможем посмотреть на наши проблемы под новыми углами.

Ещё один симптом наших сигнальных реакций – это склонность быть «гиперчувствительными», «легко ранимыми» и «сразу обижаться на оскорбления». Инфантильный разум, отождествляющий слова с вещами, считает недобрые слова недобрыми поступками. Приписывая способность ранить безобидным набором звуков, такой человек «оскорбляется», когда слышит в свой адрес такие звуки. Так называемые «джентльмены» в относительно диких и инфантильных обществах считали сигнальные реакции проявлением достоинства и вписывали их в «кодексы чести». Под «честью» они имели ввиду крайнюю готовность обнажить мечи или пистолеты, когда им казалось, что их «оскорбили». Естественно, они убивали друг друга иной раз без особой на то необходимости, наглядно демонстрируя принцип, который описывает данная книга: чем ниже точка кипения, тем выше моральные ставки.

Как уже было отмечено, склонность с готовностью говорить слишком много – это нездоровый признак. Нам также стоит знать о привычке «слишком много думать». Это большая ошибка – считать, что продуктивные мыслители обязательно «думают упорнее», чем люди, которые ничего не добиваются. Они лишь думают более эффективно. Когда мы «думаем слишком много», где-то у нас в голове есть «определённость» - «неопровержимый факт», «неизменный закон», «принцип на века» - некое утверждение, которое, как нам кажется, «объясняет всё» в отношении чего-либо. Жизнь постоянно бросает в лицо нашей «непоколебимой уверенности» факты, которые не вписываются в наши предубеждения: *не* коррумпированные «политики», *не* верные «друзья», *не* благотворительные «благотворительные сообщества», «страховые компании», которые *не* страхуют. Если мы отказываемся отбросить наше чувство «определённости», и не можем при этом отрицать не вписывающиеся в него факты, нам приходится «думать и думать и думать». А насколько нам известно, есть только два выхода из таких дилемм: либо полностью отрицать факты, либо полностью обратить принцип, и перейти от «*Всем* страховым компаниям можно доверять» к «*Никаким* страховым компаниям нельзя доверять». Отсюда и происходят такие инфантильные реакции как: «Я никогда больше не доверюсь ни одной женщине», «О политике я слышать больше *ничего* не хочу», «Газет с меня хватит», «*Все* мужчины – обманщики».

Зрелый разум знает, что слова никогда не говорят всего о чём-либо, и поэтому он *готов к неопределённости*. Например, когда мы ведём машину, мы никогда не знаем наперёд, что произойдёт; независимо от того, как часто мы ездили по одной и той же дороге, мы никогда не попадали во в *точности* одинаковый поток дважды. Тем не менее, компетентный водитель

ездит по разным дорогам на больших скоростях и не испытывает страха или нервозности. Будучи водителем, он готов к неопределённости – неожиданного прокола колеса или внезапной опасности – он не испытывает неуверенности.

Подобным образом, интеллектуально зрелый человек не «знает всего о» чём-либо. И он тоже не испытывает неуверенности, потому что знает, что единственная уверенность, которую даёт жизнь – это *динамическая уверенность внутри: уверенность, происходящая от бесконечной пластичности разума – от бесконечно-стороннего ориентирования.*

Если мы «знаем все» о том или об этом, когда мы считаем определённые проблемы «неразрешимыми», мы можем винить в них только себя. Если мы располагаем некоторыми полезными знаниями о том, как работает язык, как в нас, так и в других, мы экономим время и усилия; мы не даём самим себе попасть в вербальную клетку и сойти с ума. Экстенциональное ориентирование готовит нас к неизбежным неопределённостям всей нашей науки и мудрости. И если мир и подкидывает нам проблем, мы по крайней мере можем избежать тех, которые создаём сами.

ЧТЕНИЕ К ЗДРАВОМЫСЛИЮ

Наконец, стоит сказать несколько слов о том, как чтение может помочь развитию навыка экстенционального ориентирования. Слишком частое изучение книг может поспособствовать выработке чрезмерного интенционального ориентирования, особенно в литературоведении, когда изучение слов – романов, пьес, стихов, эссе – становится самоцелью. Однако если подойти к изучению литературы с целью извлечь пользу для собственной жизни, его эффекты, в лучшем смысле – экстенциональны.

Литература работает интенциональными средствами, то есть, с помощью манипуляций информативными и аффективными коннотациями слов. Благодаря этому, она не только обращает наше внимание на ранее неизвестные нам факты, но также способна вызвать чувства, которых мы раньше не испытывали. В свою очередь, эти новые чувства обращают наше внимание на ещё большее количество ранее незамеченных фактов. Как новые чувства, так и новые факты избавляют нас от интенциональных ориентирований, и наша слепота постепенно проходит.

Как уже было сказано, экстенционально ориентированный человек руководствуется не только словами, но и фактами, к которым слова его привели. Но, предположим, что слов, чтобы нас направить, не было бы совсем. Смогли бы мы тогда направить себя к фактам? В подавляющем большинстве случаев, нет. Прежде всего, наши нервные системы крайне несовершенны, и мы видим вещи только в рамках наших знаний и интересов. Если наши интересы ограничены, мы видим очень мало; человек, занятый поиском окурков на улицах видит мало от проходящего мимо мира. Кроме того, как известно, когда мы путешествуем, встречаемся с интересными людьми или участвуем в приключениях, оценить по достоинству которые, в силу нашего молодого возраста, мы пока не можем, мы часто чувствуем, что с тем же успехом всего этого могло бы и не быть. Сам опыт – это крайне несовершенный учитель.

Опыт не говорит нам, что мы испытываем. Что-то просто происходит. И если мы не знаем, *что стоит искать* в нашем опыте, это что-то часто ничего для нас не значит.

Многие люди придают немало значения опыту как таковому; они склонны автоматически уважать человека, который «что-то делал». «Не хочу я сидеть на месте и книжки читать», говорят они; «Я хочу выйти и *что-то делать!* Я хочу путешествовать. Я хочу приобретать опыт». Однако часто опыт, который они получают, не приносит им в сущности ничего. Они путешествуют в Лондон, а потом всё, что могут вспомнить – это гостиницу и офис компании American Express; они путешествуют в Китай, и их впечатление о нём сводится к: «Там было так много китайцев»; они могут попасть в гущу событий Южноамериканской революции и запомнить только свои неудобства. Часто случается так, что люди, которые ничего из этого не испытывали и никогда в этих местах не бывали, знают о них больше, чем те, кто бывал. Все мы склонны путешествовать вокруг света с закрытыми глазами, пока нам их кто-нибудь не откроет.

И это, крайне значимая функция, которую язык выполняет как в научном, так и в аффективном использовании. В свете абстрактных научных обобщений, «тривиальные» факты лишаются своей тривиальности. Когда мы изучили, например, поверхностное натяжение, то, как стрекоза садиться на воду подлежит обдумыванию и объяснению. В свете чтения *Гроздьев Гнева*, путешествие через Калифорнию – это вдвойне значимый опыт. И мы обращаем внимание на кочующие семьи во всех других частях страны, потому что Джон Стейнбек поспособствовал возникновению новых чувств о том, что мы могли раньше игнорировать. В свете тонкости чувств, созданных в нас великой литературой и поэзией прошлого, каждый человеческий опыт наполнен богатым значением и отношениями.

Сообщения, которые мы получаем друг от друга, которые не просто прослеживают ход развития наших старых образов ощущения и рассказывают нам о том, что мы уже знаем, повышают эффективность наших нервных систем. Не зря говорят, что как поэты, так и учёные «помогают разуму прозреть»; без их связи с нами, благодаря которой мы можем расширить наши интересы и повысить чувствительность нашего восприятия, мы могли бы остаться слепыми, как щенята.

Большая часть этой книги может показаться собранием предостережений от слов. Такой цели автор не ставил. Слова, как было сказано с самого начала – это неотъемлемые инструменты человеческой человечности. Эта книга лишь просит обращаться с ними как с таковыми.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

[**ВНИМАНИЕ.** В данном разделе переведены не все материалы из оригинала. Собрана только та часть, готовый перевод которой удалось найти. Работа над переводом продолжится, и по завершению файл будет обновлён, о чём будет оповещение в блоге по адресу <http://gs-rus.blogspot.com/>]

I. Отрывок из Главы XIV

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

МАРК ТВЕН (перевод Н. Дарузес)

Чувство, что свой собственный способ разговаривать – это единственный разумный способ, почти никто не выражал так красноречиво или с такой железной логикой, как это сделал Джим, бежавший раб.

- Что ты, Гек, да разве французы говорят не по-нашему?
- Да, Джим; ты бы ни слова не понял из того, что они говорят, ни единого слова!
- Вот это да! Отчего же это так получается?
- Не знаю отчего, только это так. Я в книжке читал про ихнюю тарабарщину. А вот если подойдет к тебе человек и спросит: «Парле ву франсе?» — ты что подумаешь?
- Ничего не подумаю, возьму да и тресну его по башке — то есть если это не белый. Позволю я негру так меня ругать!
- Да что ты, это не ругань. Это просто значит: «Говорите ли вы по-французски?»
- Так почему же он не спросит по-человечески?
- Он так и спрашивает. Только по-французски.
- Смеешься ты, что ли? Я и слушать тебя больше не хочу. Чушь какая-то!
- Слушай, Джим, а кошка умеет говорить по-нашему?
- Нет, не умеет.
- А корова?
- И корова не умеет.
- А кошка говорит по-коровьему или корова по-кошачьему?
- Нет, не говорят.
- Это уж само собой так полагается, что они говорят по-разному, верно ведь?
- Конечно, верно.
- И само собой так полагается, чтобы кошка и корова говорили не по-нашему?
- Ну еще бы, конечно.
- Так почему же и французу нельзя говорить по-другому, не так, как мы говорим? Вот ты мне что скажи!
- А кошка разве человек?
- Нет, Джим.
- Так зачем же кошке говорить по-человечески? А корова разве человек? Или она кошка?
- Конечно, ни то, ни другое.
- Так зачем же ей говорить по-человечески или по-кошачьи? А француз человек или нет?
- Человек.
- Ну вот видишь! Так почему же, черт его возьми, он не говорит по-человечески? Вот ты что мне скажи!

II. Отрывок из Главы XXXIII «Политическая экономия шестого века»

ЯНКИ ИЗ КОННЕКТИКУТА ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

МАРК ТВЕН (перевод Н. К. Чуковского)

До сих пор среди нас есть миллионы Братьев Доуэли, для которых десять долларов «- это» десять долларов, независимо от контекста – в данном случае, системы цен. Яро требуя повышения зарплаты, но, не делая ничего, чтобы защититься от высоких цен, они лишаются прибавки к зарплате, едва её получив. Соответственно, даже если цены на товары поднялись на пятьдесят процентов, они всё равно могут счесть, что прогресс имеет место, потому что раньше они получали «два доллара», а теперь получают «три доллара».

– А какое жалованье, брат, получает в твоей стране управляющий, дворецкий, конюх, пастух, свинопас?

– Двадцать пять мильрейсов в день; иначе говоря, четверть цента.

Лицо кузнеца засияло от удовольствия. Он сказал:

– У нас они получают вдвое! А сколько зарабатывают ремесленники – плотник, каменщик, маляр, кузнец?

– В среднем пятьдесят мильрейсов; полцента в день.

– Хо-хо! У нас они зарабатывают сто! У нас хороший ремесленник всегда может заработать цент в день! Я не говорю о портных, но остальные всегда могут заработать цент в день, а в хорошие времена и больше – до ста десяти и даже до ста пятнадцати мильрейсов в день. Я сам в течение всей прошлой недели платил по сто пятнадцати. Да здравствует протекционизм, долой свободу торговли!

Его лицо сияло, как солнце. Но я не сдался. Я только взял свой молот для забивания свай и в течение пятнадцати минут вбивал кузнеца в землю, да так, что он весь туда ушел, даже макушка не торчала. Вот как я начал.

Я спросил:

– Сколько вы платите за фунт соли?

– Сто мильрейсов.

– Мы платим сорок. Сколько вы платите за баранину и говядину в те дни, когда едите мясо?

Намек попал в цель: кузнец покраснел.

– Цена меняется, но незначительно; скажем, семьдесят пять мильрейсов за фунт.

– Мы платим тридцать три. Сколько вы платите за яйца?

– Пятьдесят мильрейсов за дюжину.

– Мы платим двадцать. Сколько вы платите за пиво?

– Пинта стоит восемь с половиной мильрейсов.

– Мы платим четыре; двадцать пять бутылок на цент. Сколько вы платите за пшеницу?

– Бушель стоит девятьсот мильрейсов.

– Мы платим четыреста. Сколько у вас стоит мужская куртка из сермяги?

– Тринадцать центов.

– А у нас шесть. А платье для жены рабочего или ремесленника?

– Мы платим восемь центов четыре милля.

– Вот, обрати внимание на разницу: вы платите за него восемь центов и четыре милля, а мы всего четыре цента.

Я решил, что пора нанести удар. Я сказал:

– Теперь погляди, дорогой друг, чего стоят ваши большие заработки, которыми ты хвастался минуту назад. – И я со спокойным удовлетворением обвел всех глазами, сознавая, что связал противника по рукам и ногам, да так, что он этого даже не заметил. – Вот что стало с вашими прославленными высокими заработками. Теперь ты видишь, что все они дутые.

Не знаю, поверите ли вы мне, но он только удивился, не больше! Он ничего не понял, не заметил, что ему расставили ловушку, что он сидит в западне. Я готов был убить его, так я рассердился. Глядя на меня затуманенным взором и тяжело ворочая мозгами, он возражал мне:

– Ничего я не вижу. Ведь доказано, что наши заработки вдвое выше ваших. Как же ты можешь утверждать, что они дутые, если я правильно произношу это диковинное слово, которое господь привел меня услышать впервые?

Признаться, я был ошеломлен: отчасти его непредвиденной глупостью, отчасти тем, что все явно разделяли его убеждения, – если это можно назвать убеждениями. Моя точка зрения была предельно проста, предельно ясна; как сделать ее еще проще? Однако я должен попытаться.

– Неужели ты не понимаешь, Даули? У вас только по названию заработки выше, чем у нас, а не на самом деле.

– Послушайте, что он говорит! У нас заработная плата выше вдвое, – ты сам это признал.

– Да, да, не отрицаю. Но это ровно ничего не означает; число монет само по себе ничего означать не может. Сколько вы в состоянии купить на ваш заработок – вот что важно. Несмотря на то, что у вас хороший ремесленник зарабатывает около трех с половиной долларов в год, а у нас только около доллара и семидесяти пяти...

– Ага! Ты опять признал! Опять признал!

– Да к черту, я же никогда и не отрицал! Я говорю о другом. У нас на полдоллара можно купить больше, чем на целый доллар у вас, – и, следовательно, если считаться со здравым смыслом, то надо признать, что у нас заработная плата выше, чем у вас.

Он был ошарашен и сказал, отчаявшись:

– Честное слово, я не понимаю. Ты только что признал, что у нас заработки выше, и, не успев закрыть рта, взял свои слова обратно.

THE DEACON'S MASTERPIECE

OR THE WONDERFUL "ONE-HOSS SHAY"

by OLIVER WENDELL HOLMES

В этом случае транспорт был изготовлен исключительно интенциональными методами. Холмс часто демонстрировал своё нетерпение в общении с логиками, чьи способности в манипуляции «картами» всегда казались ему несоизмеримыми с их знаниями «территорий», которые эти карты должны были обозначать. «Я ценю людей», пишет он в одном из своих эссе сборника *The Autocrat of the Breakfast-Table*, «прежде всего за их прямую связь с истиной... а не за то, как они мастерски умеют обращаться со своими идеями».

Have you heard of the wonderful one-hoss shay,
That was built in such a logical way
It ran a hundred years to a day,
And then, of a sudden, it — ah, but stay,
I'll tell you what happened without delay,
Scaring the parson into fits,
Frightening people out of their wits, —
Have you ever heard of that, I say?

Seventeen hundred and fifty-five.
Georgius Secundus was then alive, —
Snuffy old drone from the German hive.
That was the year when Lisbon-town
Saw the earth open and gulp her down,
And Braddock's army was done so brown,
Left without a scalp to its crown.
It was on the terrible Earthquake-day
That the Deacon finished the one-hoss shay.

Now in building of chaises, I tell you what,
There is always somewhere a weakest spot, —
In hub, tire, felloe, in spring or thill,
In panel, or crossbar, or floor, or sill,
In screw, bolt, thoroughbrace, — lurking still,
Find it somewhere you must and will, —
Above or below, or within or without, —
And that's the reason, beyond a doubt,
A chaise breaks down, but doesn't wear out.

But the Deacon swore (as Deacons do,
With an "I dew vum," or an "I tell yeou")
He would build one shay to beat the taown
'N' the keounty 'n' all the kentry raoun';
It should be so built that it couldn' break daown:
"Fur," said the Deacon, "'tis mighty plain
Thut the weakes' place mus' stan' the strain;
'N' the way t' fix it, uz I maintain,
Is only jest

T' make that place uz strong uz the rest."

So the Deacon inquired of the village folk
 Where he could find the strongest oak,
 That couldn't be split nor bent nor broke, —
 That was for spokes and floor and sills;
 He sent for lancewood to make the thills;
 The crossbars were ash, from the straightest trees,
 The panels of white-wood, that cuts like cheese,
 But lasts like iron for things like these;
 The hubs of logs from the "Settler's ellum," —
 Last of its timber, — they couldn't sell 'em,
 Never an axe had seen their chips,
 And the wedges flew from between their lips,
 Their blunt ends frizzled like celery-tips;
 Step and prop-iron, bolt and screw,
 Spring, tire, axle, and linchpin too,
 Steel of the finest, bright and blue;
 Thoroughbrace bison-skin, thick and wide;
 Boot, top, dasher, from tough old hide
 Found in the pit when the tanner died.
 That was the way he "put her through."
 "There!" said the Deacon, "naow she'll dew!"

Do! I tell you, I rather guess
 She was a wonder, and nothing less!
 Colts grew horses, beards turned gray,
 Deacon and deaconess dropped away,
 Children and grandchildren — where were they?
 But there stood the stout old one-hoss shay
 As fresh as on Lisbon-earthquake-day!

EIGHTEEN HUNDRED; — it came and found
 The Deacon's masterpiece strong and sound.
 Eighteen hundred increased by ten; —
 "Hahnsum kerridge" they called it then.
 Eighteen hundred and twenty came; —
 Running as usual; much the same.
 Thirty and forty at last arrive,
 And then come fifty, and FIFTY-FIVE.

Little of all we value here
 Wakes on the morn of its hundreth year
 Without both feeling and looking queer.
 In fact, there's nothing that keeps its youth,
 So far as I know, but a tree and truth.
 (This is a moral that runs at large;
 Take it. — You're welcome. — No extra charge.)

FIRST OF NOVEMBER, — the Earthquake-day, —
 There are traces of age in the one-hoss shay,
 A general flavor of mild decay,
 But nothing local, as one may say.
 There couldn't be, — for the Deacon's art

Had made it so like in every part
 That there wasn't a chance for one to start.
 For the wheels were just as strong as the thills,
 And the floor was just as strong as the sills,
 And the panels just as strong as the floor,
 And the whipple-tree neither less nor more,
 And the back crossbar as strong as the fore,
 And spring and axle and hub encore.
 And yet, as a whole, it is past a doubt
 In another hour it will be worn out!

First of November, 'Fifty-five!
 This morning the parson takes a drive.
 Now, small boys, get out of the way!
 Here comes the wonderful one-hoss shay,
 Drawn by a rat-tailed, ewe-necked bay.
 "Huddup!" said the parson. — Off went they.
 The parson was working his Sunday's text, —
 Had got to fifthly, and stopped perplexed
 At what the — Moses — was coming next.
 All at once the horse stood still,
 Close by the meet'n'-house on the hill.
 First a shiver, and then a thrill,
 Then something decidedly like a spill, —
 And the parson was sitting upon a rock,
 At half past nine by the meet'n-house clock, —
 Just the hour of the Earthquake shock!
 What do you think the parson found,
 When he got up and stared around?
 The poor old chaise in a heap or mound,
 As if it had been to the mill and ground!
 You see, of course, if you're not a dunce,
 How it went to pieces all at once, —
 All at once, and nothing first, —
 Just as bubbles do when they burst.

End of the wonderful one-hoss shay.
 Logic is logic. That's all I say.

IV. Отрывок из

ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

ДЖОН СТЕЙНБЕК (перевод Н. Волжиной)

«Но что такое происходит у нас в стране? Я вот о чем спрашиваю. Что происходит? Сейчас, как ни старайся, себя не прокормишь. Земля людей тоже не кормит. Я вас спрашиваю, что такое происходит? Ничего не понимаю. И кого ни спросишь, никто ничего не понимает. Человек готов башмаки с себя снять, лишь бы проехать еще сотню миль. Ничего не понимаю. – Он снял свой серебристый шлем и вытер лоб ладонью. И Том снял кепку, и вытер ею лоб, потом подошел к водопроводу, намочил кепку, отжал ее и снова надел. Мать просунула руку между планками борта, вытащила оловянную кружку и сходила за водой - напоить бабу и деда. Она стала на нижнюю планку и протянула кружку сначала деду, но он только пригубил и замотал головой - и не стал больше пить. Старческие глаза смотрели на мать с мучительной растерянностью и не сразу узнали ее.

Эл включил мотор и, дав задний ход, подъехал к бензиновой колонке. – Наливай. В него идет около семи галлонов, - сказал Эл.- Да больше шести не надо, а то будет плескаться. Толстяк вставил в отверстие бака резиновый шланг.

- Да, сэр, - сказал он.- Куда наша страна катится, просто не знаю. Безработица, пособия эти...

Кэйси сказал:

- Я много мест исходил. Все так спрашивают. Куда мы катимся? А по-моему, никуда. Катимся и катимся. Остановиться не можем. Почему бы людям не подумать над этим как следует? Сколько народу сдвинулось с места! Едут, едут. Мы знаем, почему они едут и как едут. Приходится ехать. Так всегда бывает, когда люди ищут лучшего. А сидя на месте, ничего не добьешься. Люди тянутся к лучшей жизни, ищут ее – и найдут. Обида многое может сделать, обиженный человек - горячий, он за свои права готов биться. Я много мест исходил, мне часто доводилось слышать такие слова.

Толстяк качал бензин, и стрелка на счетчике вздрагивала, показывая количество отпущенных галлонов.

- Куда же мы все-таки катимся? Вот я что хочу знать.

Том сердито перебил его:

- И никогда не узнаешь. Кэйси тебе втолковывает, а ты твердишь свое. Я таких не первый раз встречаю. Ничего вы знать не хотите. Заладят и тянут одну и ту же песенку. "Куда мы катимся?" Тебе и знать-то не хочется. Люди снялись с мест, едут куда-то. А сколько их мрет кругом? Может, и ты скоро умрешь, а ничего толком не узнаешь. Много мне таких попадалось. Ничего вы знать не хотите. Убаюкиваете себя песенкой: "Куда мы катимся?"»

VII

НАУКА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БЕНДЖАМИН ЛИ УОРФ (Перевод из журнала Новое В Лингвистике. Вып. 1. –М., 1960)

Каждый нормальный человек, вышедший из детского возраста, обладает способностью говорить и говорит. Именно поэтому каждый независимо от образования проносит через всю свою жизнь некоторые хотя и наивные, но глубоко укоренившиеся взгляды на речь и на ее связь с мышлением. Поскольку эти воззрения тесно связаны с речевыми навыками, ставшими бессознательными и автоматическими, они довольно трудно поддаются изменению и отнюдь не являются чем-то сугубо индивидуальным или хаотичным - в их основе лежит определенная система. Поэтому мы вправе назвать эти воззрения системой естественной логики. Этот термин представляется мне более удачным, чем термин "здоровый смысл", который часто используется с тем же значением.

Согласующийся с законами естественной логики факт, что все люди с детства свободно владеют речью, уже позволяет каждому считать себя авторитетом во всех вопросах, связанных с процессом формирования и передачи мыслей. Для этого, как ему представляется, достаточно обратиться к здравому смыслу и логике, которыми он, как и всякий другой человек, обладает. Естественная логика утверждает, что речь - это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не с их формированием. Считается, что речь, т.е. использование языка, лишь "выражает" то, что уже в основных чертах сложилось без помощи языка. Формирование мысли - это якобы самостоятельный процесс, называемый мышлением или мыслью и никак не связанный с природой отдельных конкретных языков. Грамматика языка - это лишь совокупность общепринятых традиционных правил, но использование языка подчиняется якобы не столько им, сколько правильному, рациональному, или логическому, мышлению.

Мысль, согласно этой системе взглядов, зависит не от грамматики, а от законов логики или мышления, будто бы одинаковых для всех обитателей вселенной и отражающих рациональное начало, которое может быть обнаружено всеми разумными людьми независимо друг от друга, безразлично, говорят ли они на китайском языке или на языке чоктав. У нас принято считать, что математические формулы и постулаты формальной логики имеют дело как раз с подобными явлениями, т.е. со сферой и законами чистого мышления. Естественная логика утверждает, что различные языки - это в основном параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания и что поэтому они различаются лишь незначительными деталями, которые только кажутся важными. По этой теории математики, символическая логика, философия и т.п. - это не особые ответвления языка...

...Предположим, что какой-нибудь народ в силу какого-либо физиологического недостатка способен воспринимать только синий цвет. В таком случае вряд ли его люди смогут сформулировать мысль, что они видят только синий цвет. Термин синий будет лишен для них всякого значения, в их языке мы не найдем названий цветов, а их слова, обозначающие оттенки синего цвета, будут соответствовать нашим словам светлый, темный, белый, черный и т. д., но не нашему слову синий. Для того чтобы осознать, что они видят только синий цвет, они должны в какие-то отдельные моменты воспринимать и другие цвета. Закон тяготения не знает исключения; нет нужды доказывать, что человек без специального образования не имеет никакого понятия о законах тяготения и ему никогда бы не пришла в голову мысль о возможности существования планеты, на которой тела подчинялись бы законам, отличным от земных. Как синий цвет у нашего вымышленного народа, так и закон тяготения составляют часть повседневного опыта необразованного человека, нечто неотделимое от этого повседневного опыта. Закон тяготения нельзя было сформулировать до тех пор, пока падающие тела не были рассмотрены с более широкой точки зрения - с учетом и других миров, в которых тела движутся по орбитам или иным образом.

Подобным же образом, когда мы поворачиваем голову, окружающие нас предметы отражаются на сетчатке глаза так, как если бы эти предметы двигались вокруг нас. Это явление — часть нашего повседневного опыта, и мы не осознаем его. Мы не думаем, что комната вращается вокруг нас, но понимаем, что повернули голову в неподвижной комнате. Если мы попытаемся критически осмыслить то, что происходит при быстром движении головы или глаз, то окажется, что самого движения мы не видим; мы видим лишь нечто расплывчатое между двумя ясными картинками. Обычно мы этого совершенно не замечаем, и мир предстает перед нами без этих расплывчатых переходов. Когда мы проходим мимо дерева или дома, их отражение на сетчатке меняется так же, как если бы это дерево или дом поворачивались на оси; однако, передвигаясь при обычных скоростях, мы не видим поворачивающихся домов или деревьев. Иногда неправильно подобранные очки позволяют увидеть, когда мы оглядываемся вокруг, странные движения окружающих предметов, но обычно мы при передвижении не замечаем их относительного движения. Наша психическая организация такова, что мы игнорируем целый ряд явлений, которые хотя и всеобъемлющи и широко распространены, но не имеют значения для нашей повседневной жизни и нужд.

Естественная логика допускает две ошибки. Во-первых, она не учитывает того, что факты языка составляют для говорящих на данном языке часть их повседневного опыта и поэтому эти факты не подвергаются критическому осмыслению и проверке. Таким образом, если кто-либо, следуя естественной логике, рассуждает о разуме, логике и законах правильного мышления, он обычно склонен просто следовать за чисто грамматическими фактами, которые в его собственном языке или семье языков составляют часть его повседневного опыта, но отнюдь не обязательны для всех языков и ни в каком смысле не являются общей основой мышления. Во-вторых, естественная логика смешивает взаимопонимание говорящих, достигаемое путем использования языка, с осмысливанием того языкового процесса, при помощи которого достигается взаимопонимание, т. е. с областью, являющейся компетенцией презренного и с точки зрения естественной логики абсолютно бесполезного грамматиста. Двое говорящих, например на английском языке, быстро придут к договоренности относительно предмета речи; они без труда согласятся друг с другом в отношении того, к чему относятся их слова. Один из них (А) может дать указания, которые будут выполнены к полному его удовлетворению другим говорящим (В). Именно поэтому, что А и В так хорошо понимают друг друга, они в соответствии с естественной логикой считают, что им, конечно, ясно, почему это происходит. Они полагают, например, что все дело просто в том, чтобы выбрать слова для выражения мыслей. Если мы попросим А объяснить, как ему удалось так легко договориться с В, он просто повторит более или менее пространно то, что он и понятия не имеет о том процессе, который здесь происходит. Сложнейшая система языковых моделей и классификаций, которая должна быть общей для А и В, служит им для того, чтобы они вообще могли вступить в контакт.

Эти врожденные, и приобретаемые со способностью говорить основы и есть область грамматиста, или лингвиста, если дать этому ученому более современное название. Слово "лингвист" в разговорной и особенно в газетной речи означает нечто совершенно иное, а именно человека, который может быстро достигнуть взаимопонимания при общении с людьми, говорящими на различных языках. Такого человека, однако, правильнее было бы назвать полиглотом. Ученые-языковеды уже давно осознали, что способность бегло говорить на каком-либо языке еще совсем не означает лингвистического знания этого языка, т.е. понимания его основных особенностей (background phenomena), его системы и происходящих в ней регулярных процессов. Точно так же способность хорошо играть на бильярде не подразумевает и не требует знания законов механики, действующих на бильярдном столе.

...В лингвистике — изучаемая ею основа языковых явлений, которые как бы находятся на заднем плане, имеет отношение ко всем видам нашей деятельности, связанной с речью и достижением взаимопонимания, — во всякого рода рассуждениях и аргументации, в юриспруденции, дискуссиях, при заключении мира, заключении различных договоров, в изъятии общественного мнения, в оценке научных теорий, при изложении научных

результатов. Везде, где в делах людей достигается договоренность или согласие, независимо от того, используются ли при этом математические или какие-либо другие специальные условные знаки или нет, *эта договоренность достигается при помощи языковых процессов или не достигается вовсе...*

Когда лингвисты смогли научно и критически исследовать большое число языков, совершенно различных по своему строю, их опыт обогатился, основа для сравнения расширилась, они столкнулись с нарушением тех закономерностей, которые до того считались универсальными, и познакомились с совершенно новыми типами явлений. Было установлено, что основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей - это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других - весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы - участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и, тем не менее, мы - участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением.

Это обстоятельство имеет исключительно важное значение для современной науки, поскольку из него следует, что никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными. Человеком, более свободным в этом отношении, чем другие, оказался бы лингвист, знакомый с множеством самых разнообразных языковых систем. Однако до сих пор таких лингвистов не было. Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем.

Этот поразительный вывод не так очевиден, если ограничиться сравнением лишь наших современных европейских языков да еще, возможно, латинского и греческого. Системы этих языков совпадают в своих существенных чертах, что на первый взгляд, казалось бы, свидетельствует в пользу естественной логики. Но это совпадение существует только потому, что все указанные языки представляют собой индоевропейские диалекты, построенные в основном по одному и тому же плану и исторически развившиеся из того, что когда-то давно было одной речевой общностью; сходство упомянутых языков объясняется, кроме того, тем, что все они в течение долгого времени участвовали в создании общей культуры, а также тем, что эта культура во многом, и особенно в интеллектуальной области, развивалась под большим влиянием латыни и греческого...

Расхождения в анализе природы становятся более очевидными при сопоставлении наших собственных языков с языками семитскими, китайским, тибетским или африканскими. И если мы привлечем языки коренного населения Америки, где речевые коллективы в течение многих тысячелетий развивались независимо друг от друга и от Старого Света, то тот факт, что языки расчленяют мир по-разному, становится совершенно неопровержимым. Обнаруживается относительность всех понятийных систем, в том числе и нашей, и их зависимость от языка...

Рассмотрим несколько примеров. В английском языке мы распределяем большинство слов по двум классам, обладающим различными грамматическими и логическими особенностями. Слова первого класса мы называем существительными (ср., например, house "дом", man "человек"); слова второго — глаголами (например: hit "ударить", run "бежать"). Многие слова одного класса могут выступать еще и как слова другого класса (например: a hit "удар", a run "бег" или to man the boat "укомплектовывать лодку людьми, личным составом"). Однако, в общем, граница между этими двумя классами является абсолютной. Наш язык дает нам, таким образом, деление мира на два полюса. Но сама природа совсем так не делится. Если мы скажем, что strike "ударять", turn "поворачивать", run "бежать" и т.п. - глаголы потому, что они обозначают временные и кратковременные явления, то есть действия, тогда почему же fist "припадок" — существительное? Ведь это тоже временное явление! Почему lightning "молния", spark "искра", wave "волна", eddy "вихрь", pulsation "пульсация", flame "пламя", storm "буря", phase "фаза", cycle "цикл", spasm "спазм", noise "шум", emotion "чувство" и т. п. - существительные? Все это временные явления. Если man "человек" и house "дом" - существительные потому, что они обозначают длительные и устойчивые явления, то есть предметы, тогда почему bear "держат", adhere "твердо держаться, придерживаться", extend "простирается", project "выдаваться, выступать", continue "продолжаться, длиться", persist "упорствовать, оставаться", grow "расти", dwell "пребывать, жить" и т. п. - глаголы? Если нам возразят, что possess "обладать", adhere "придерживаться" - глаголы потому, что они обозначают скорее устойчивые связи, чем устойчивые понятия, почему же тогда equilibrium "равновесие", pressure "давление", current "течение, ток", peace "мир", group "группа", nation "нация", society "общество", tribe "племя", sister "сестра" или другие термины родства относятся к существительным? Мы обнаруживаем, что "событие" (event) означает для нас "то, что наш язык классифицирует как глагол" или нечто подобное. Мы видим, что определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п., исходя из природы, невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка.

В языке хопи "молния", "волна", "пламя", "метеор", "клуб дыма", "пульсация" - глаголы, так как все это события краткой длительности и именно поэтому не могут быть ничем иным, кроме как глаголами. "Облако" и "буря" обладают наименьшей продолжительностью, возможной для существительных. Таким образом, как мы установили, в языке хопи существует классификация явлений (или лингвистически изолируемых единиц), исходящая из их длительности, нечто совершенно чуждое нашему образу мысли. С другой стороны, в языке нутка (о-в Ванкувер) все слова показались бы нам глаголами, но в действительности там нет ни класса I, ни класса II; перед нами как бы монистический взгляд на природу, который порождает только один класс слов для всех видов явлений. О house "дом" можно сказать и "a house occurs" "дом имеет место" и "it houses" "домит" совершенно так же, как о flame "пламя" можно сказать и "a flame occurs" "пламя имеет место" и "it burns" "горит". Эти слова представляются нам похожими на глаголы потому, что у них есть флексии, передающие различные оттенки длительности и времени, так что суффиксы слова, обозначающего "дом", придают ему значения "давно существующий дом", "временный дом", "будущий дом", "дом, который раньше был", "то, что начало быть домом" и т.п.

В языке хопи есть существительное, которое может относиться к любому летающему предмету или существу, а исключением птиц; класс птиц обозначается другим существительным. Можно сказать, что первое существительное обозначает класс A - B "летающие минус птицы", действительно, хопи называют одним и тем же словом и насекомые, и самолет, и летчика и не испытывают при этом никаких затруднений. Разумеется, ситуация помогает устранить возможное смешение различных представителей любого широкого лингвистического класса, подобного A - B. Этот класс представляется нам уж слишком обширным и разнородным, но таким же показался бы, например, эскимосу наш класс "снег". Мы называем одним и тем же словом, падающий снег, снег на земле, снег, плотно слежавшийся, как лед, талый снег, снег, несомый ветром, и т.п., независимо от ситуации. Для эскимоса это всеобъемлющее слово было бы почти невысказанным; он заявил бы, что падающий снег, талый снег и т. п. различны и по восприятию и по функционированию (sensuously and operationally).

Это различные вещи, и он называет их различными словами. Напротив, ацтеки идут еще дальше нас: в их языке "холод", "лед" и "снег" представлены одним и тем же словом с различными окончаниями: "лед" - это существительное, "холод" - прилагательное, а для "снега" употребляется сочетание "ледяная изморозь".

Однако удивительнее всего то, что различные широкие обобщения западной культуры, как, например, время, скорость, материя, не являются существенными для построения всеобъемлющей картины вселенной. Психические переживания, которые мы подводим под эти категории, конечно, никуда не исчезают, но управлять космологией жгут и иные категории, связанные с переживаниями другого рода, и функционируют они, по-видимому, ничуть не хуже наших. Хопи, например, можно назвать языком, не имеющим времени. В нем различают психологическое время, которое очень напоминает бергсоновскую "длительность", но это "время" совершенно отлично от математического времени T , используемого нашими физиками. Специфическими особенностями понятия времени в языке хопи является то, что оно варьируется от человека к человеку, не допускает одновременности, может иметь нулевое измерение, то есть количественно не может превышать единицу...

Важным вкладом в науку с лингвистической точки зрения было бы более широкое развитие чувства перспективы. У нас больше нет оснований считать несколько сравнительно недавно возникших диалектов индоевропейской семьи и выработанные на основе их моделей приемы мышления вершиной развития человеческого разума.... Поразительное многообразие языковых систем, существующих на земном шаре, убеждает нас в невероятной древности человеческого духа; в том, что те немногие тысячелетия истории, которые охватываются нашими письменными памятниками, оставляют след не толще карандашного штриха на шкале, какой измеряется наш прошлый опыт на этой планете; в том, что события этих последних тысячелетий не имеют никакого значения в ходе эволюционного развития; в том, что человечество не знает внезапных взлетов и не достигло в течение последних тысячелетий никакого внушительного прогресса в создании синтеза, но лишь забавлялось игрой с лингвистическими формулировками и мировоззрениями, унаследованными от бесконечного в своей длительности прошлого. Но ни это ощущение, ни сознание произвольной зависимости всех наших знаний от языковых средств, которые еще сами в основном не познаны, но должны обескураживать ученых, но должны, напротив, воспитать ту скромность, которая неотделима от духа подлинной науки, и, следовательно, положит конец той надменности ума, которая мешает подлинной научной любознательности и вдохновению.